ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2020. Т. 65, № 2

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2020. Т. 65, № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. И. Бельский – Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Г. П. Коршунов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. В. Пальчик – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр Российской академии наук «Издательство «Наука», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
Герд Генчель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации при Национальном банковском совете, Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. В. Кодин – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2020. Т. 65, № 2.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 06.04.2020. Выход в свет 24.04.2020. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 92 экз. Заказ 60.
Цена номера: индивидуальная подписка – 12,26 руб., ведомственная подписка – 29,23 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2020

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2020, vol. 65, no. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Valery I. Belsky – Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Vladimir V. Gnilomedov – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Alexander I. Lokotko – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Yakub Kolas Institute of Linguistics Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus
Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Gennady P. Korshunov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Alexander A. Lukashanets – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Gennady V. Palchik – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Yanka Kupala Institute of Literary Studies Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus

Editorial Council:

Alexander N. Bulyko – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Nauka Academic Publishing Center under the Russian Academy of Sciences «Publishing House «Nauka», Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center «Nauka» of the Russian Academy of Sciences, Center for Research in Book Culture, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia
Gerd Hentsthel – Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
Sergey Yu. Glazyev – Advisor to the President of the Russian Federation, Representative of the President of the Russian Federation at the National Banking Council, Moscow, Russia
Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
Aleksey Ye. Daineko – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Valery I. Zhuk – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il'in – Federal State Budget Institution of Science «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Union of Sociologists of Russia, Vologda, Russia
Sergey P. Karpov – Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow State University named after M. V. Lomonosov», Moscow, Russia
Evgeny V. Kodin – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia
Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Petr P. Tolochko – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum. belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2020, vol. 65, no. 2.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. A. Aheichyk*

Signed to print on 06.04.2020. Published on 24.04.2020. Format 60×84 1/8. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 92 copies. Order 60.
Number price: individual subscription – BYN 12.26, departmental subscription – BYN 29.23.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2020

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Игнатов В. К. Исторические судьбы белорусского народа в трудах М. О. Кояловича 135
Зайцев Д. М. Традиционные обряды и поклонения в восточнославянском язычестве 145
Шухно Е. В., Соловей А. П. Социальное самочувствие студенческой молодежи Республики Беларусь: концептуализация понятия и эмпирический анализ..... 152

ГІСТОРЫЯ

Крыварот А. А. Баявое ўзаемадзеянне партызан Беларусі, Расіі, Украіны на тэрыторыі Гомельшчыны (май – лістапад 1942 г.)..... 165
Трубчык П. А. Гістарыяграфія вывучэння ліберальных партый і іх адгалінаванняў на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. 172
Нестерович Ю. В. Предпосылки формирования терминосистемы археографии..... 181

МОВАЗНАЎСТВА

Лавыш М. А. Глаголы со значением ‘наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным’ в составе номинативных рядов в русском и белорусском языках 189
Загребельный А. В. Авторская паремия *“Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть”* в русском языке 1905–1907 гг. 197

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мдивани Т. Г. Композиторская интерпретация христианского этоса в музыкальном искусстве современной Беларуси 203

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Мінскевіч С. Л. Стратэгія Адама Міцкевіча пры перакладзе санетаў Франчэска Петраркі 209

ПРАВА

Гончаров В. В. Рамки общественного контроля в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ... 218

ЭКАНОМІКА

Маковская Н. В. Резервируемая заработная плата в Беларуси: характеристика и оценки..... 232

РЭЦЭНЗІІ

Бабосов Е. М., Зеленков А. И. Тенденция и перспективы развития организованного сообщества в Украине... 242

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Аляксандр Мікалаевіч Булыка (Да 85-годдзя з дня нараджэння) 246
Михаил Владимирович Мясникович (К 70-летию со дня рождения)..... 249
Александр Николаевич Данилов (К 65-летию со дня рождения) 254

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Ignatov V. K. Historical destinies of the Belarusian people in the works of M. O. Koyalovich 135
Zaitsev D. M. Traditional ceremonies and worships in East-Slavic paganism 145
Shukhno Ya. V., Solovey A. P. Social well-being of students of the Republic of Belarus: concepualization of the term and empirical analysis 152

HISTORY

Kryvarot A. A. Military interaction of partisan movements of Belarus, Russia, Ukraine in Gomel region (May – November 1942)..... 165
Trubchyk P. A. Historiography of studying the liberal parties and their departments on the territory of Belarus at the beginning of the XX century 172
Nesterovich Yu. V. Background of terminosystem formation of archeography 181

LINGUISTICS

Lavysh M. A. Verbs with the value of 'to give a sign, called motivating adjective' in the composition nominative series in Russian and Belarusian languages 189
Zagrebel'nyi A. V. Author`s paroimia *"If you like printing, you should like to be prisoned"* in Russian language of the 1905–1907 197

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Mdivani T. G. Composer's interpretation of the Christian ethos in the music art of sovereign Belarus 203

LITERARY SCIENCE

Minskevich S. L. Adam Mickiewicz's strategy in translating Petrarch's sonnets..... 209

LAW

Goncharov V. V. Determination of limits of public control in the Russian Federation: constitutional and legal analysis 218

ECONOMICS

Makovskaya N. V. Reserved wages in Belarus: characteristics and evaluations..... 232

REWIEWS

Babosov Ye. M., Zelenkov A. I. Trend and prospects for the development of an organized community in Ukraine... 242

SCIENTISTS OF BELARUS

Alexander Nikolaevich Bulyka (To the 85th Anniversary)..... 246
Mikhail Vladimirovich Myasnikovich (To the 70th Anniversary)..... 249
Alexander Nikolaevich Danilov (To the 65th Anniversary)..... 254

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 323.1(=161.3)(091)«18»+008(=161.3)(091)«18»
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-135-144

Поступила в редакцию 16.04.2019
Received 16.04.2019

В. К. Игнатов

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ТРУДАХ М. О. КОЯЛОВИЧА

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов М. О. Кояловича на проблему исторических судеб и будущего белорусского народа. Выявлена взаимосвязь между мировоззрением М. О. Кояловича и идеями славянофилов. Осуществлена историко-философская реконструкция процесса формирования М. О. Кояловичем концепции развития белорусских земель в XIX в. Раскрыты основные положения его программы национального возрождения белорусов: создание с помощью Великой России национальной аристократии, ремесленно-торгового и промышленного слоя, развитие народного образования, сохранение белорусской самобытности в условиях межцивилизационных конфликтов. Показано, что одной из основных идей в творчестве М. О. Кояловича, сохранившей свое значение и в современную эпоху, явилась его мысль об уникальной способности белорусского менталитета соединять в своей картине мира духовное многообразие мировых культур.

Ключевые слова: западнорусизм, М. О. Коялович, культурное наследие, национальное самосознание, конфликт и диалог цивилизаций, белорусская национальная идея

Для цитирования: Игнатов, В. К. Исторические судьбы белорусского народа в трудах М. О. Кояловича / В. К. Игнатов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 135–144. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-135-144

Vladimir K. Ignatov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HISTORICAL DESTINIES OF THE BELARUSIAN PEOPLE IN THE WORKS OF M.O. KOYALOVICH

Abstract. The article is devoted to the analysis of the views of M. O. Koyalovich on the problem of the historical fate and future of the Belarusian people. Interrelation between the worldview of M. O. Koyalovich and the ideas of Slavophiles has been explicated. Historical and philosophical reconstruction of the process of forming by M. O. Koyalovich of the concept of the development of Belarusian lands in the 19th century was carried out. Main provisions of his program for the national revival of Belarusians are revealed: creation, with the help of the Great Russia, of national aristocracy, artisan-commercial and industrial stratum, public education was created, Belarusian identity in conditions of inter-civilizational conflicts was preserved. It is shown that one of the main ideas in the work of M. O. Koyalovich, which has retained its importance in the modern era, was his thought about the unique ability of the Belarusian mentality to combine in its picture of the world the spiritual diversity of world cultures.

Keywords: zapadnorusizm, M. O. Koyalovich, cultural heritage, national self-consciousness, conflict and dialogue of civilizations, Belarusian national idea

For citation: Ignatov V. K. Historical destinies of the Belarusian people in the works of M. O. Koyalovich. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 135–144 (in Russian). https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-135-144

Введение. М. О. Коялович являлся одним из тех мыслителей, кто стоял у истоков белорусской национальной идеи. В его сочинениях возник образ белорусского народа, выходящего из исторической тени на дорогу полнокровной национальной жизни. Поклонник славянофильской теории, М. О. Коялович внес в ее классический облик новые духовные смыслы, посвятив свой научный талант делу создания собственной концепции родного края, осмыслению исторических судеб белорусского народа.

© Игнатов В. К., 2020

Основная часть. В XX в. «западнорусизм» как научный термин для обозначения идейного, историко-культурного, этноконфессионального и общественно-политического движения в Российской империи, вдохновляемого духовным лидерством М. О. Кояловича, стал общепринятым. А как сам мыслитель определял собственное мировоззрение?

В своих работах М. О. Коялович не единожды и в самых превосходных тонах говорил о славянофильстве, считая его не имеющим себе равных духовным проводником и в общероссийской, и в западнорусской жизни, характеризуя его «как лучшее русское воззрение и руководство в тамошних делах» [1, с. 29]. Историк любил подчеркнуть свою приверженность субъективизму и в интеллектуальной мысли, и в научном исследовании. «Вредны и нежелательны произвольные философские теории, – писал он, – вредны и нежелательны поспешные, поверхностные выводы, но вообще субъективное воззрение – и неизбежно, и необходимо, и желательно» [2, с. 550]. Путеводной звездой в мире восточнославянской культуры для М. О. Кояловича стал, по его словам, «славянофильский субъективизм – самый лучший субъективизм для научного изучения прошедших судеб России» [3, с. 5]. Но интеллектуальное достоинство славянофильства не исчерпывалось, по мнению историка, его способностью наилучшим образом познавать минувшее. Эта теория «выделяла русский народ, как своеобразный и самобытный… Обрисовывалась русская национальность и связывалась с общечеловеческим историческим движением… Русско-славянский мир открывал в себе идеалы жизни, которых не мог игнорировать ни один народ» [2, с. 341–342]. Это высказывание М. О. Кояловича не оставляет сомнений в том, что он отводил славянофильству выдающуюся роль в истории восточнославянской мысли.

В русской культуре начала XIX в. возникло новое умственное движение, выразившее желание многих представителей образованной верхушки общества творчески переработать знания, полученные ими из западного духовного источника: «…сильное, систематическое увлечение Западной Европой большого числа русских людей, в том числе и ученых, чаще и чаще приводило к сознанию чуждых нам национальных форм, являвшихся у нас под видом научности, заставляло очищать науку от этих чужих национальных форм, выделять из них чистые научные формы и расширять действительно научные требования из области нашей истории» [2, с. 248]. Появилась целая плеяда русских мыслителей, блиставших не только великолепной западноевропейской образованностью, но и обладавших оригинальным мышлением, органически связанным с национальным духом. «Из этой воспитательной среды, – отмечал М. О. Коялович, – вышли такие люди, как Погодин, Хомяков, Киреевские, Самарин, Аксаковы, из уст которых не раздавалось ни слова против знания, против науки, но которым, конечно, никто не откажет во всецелом служении началам русской жизни. В этих славных явлениях нашей русской жизни молодой, даровитый в своей истории, русский человек покорял сам своей народности лучшие приобретения старых народов и этим как бы открывал действительный смысл дел нашего гения Петра» [4, с. 691]. Славянофильство стало самобытным течением национальной мысли, выдвинувшим свои идеалы как исконно русские: «Идеалы эти обыкновенно связывают с западноевропейскими философскими теориями Гегеля и Шеллинга. Мы их будем связывать с прежде добытыми результатами в научной разработке русской истории, что и вернее, и полезнее» [2, с. 335–336].

Изложение М. О. Кояловичем славянофильской теории содержит один из разделов его капитального труда «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» [2, с. 332–363]. Согласно М. О. Кояловичу, весь негативный пафос славянофильства был обращен на Западную Европу и на те явления русской жизни, которые подверглись ее особенно сильному воздействию. Ранние славянофилы видели предназначение Запада в устроении материальной стороны существования, но отказывали ему в праве быть образцом высшего нравственного идеала жизни как отдельной личности, так и человеческих обществ. Правда, позднее славянофилы стали признавать достижения западной культуры в области не только материальных интересов, но и высших сфер знания, и даже допускали заимствование лучших ее свершений – при условии приведения их к согласию с русскими духовными и нравственными устоями. «Но чего решительно не допускали славянофилы, – писал М. О. Коялович, – это усвоения нравственных идеалов Запада и тем более восприятия целиком какой-либо западноевропейской народности» [2, с. 335]. Поэтому славянофилы осуждали преобразования Петра I, ибо они резко

отделили жизнь высшего русского общества от жизни простого народа. Указывая на самобытные стороны славянского жизнеустроения – общину и земство, славянофилы видели в них выражение «внутренней, нравственной» правды [2, с. 336–338]. Христианство просветило и возвысило природное нравственное начало русского народа, связав его неразрывными узами с восточным вероисповеданием: «Православие в России приросло к русской народности, оно слилось с ней нерасторжимо, оно – сущность русской народности» [2, с. 342].

Славянофильство стало духовной основой создаваемой М. О. Кояловичем концепции Западной России. Как сам историк определял понятие «Западная Россия»? «Под именем западной[1] России нужно разуметь Белоруссию, западную Малороссию, или так называемую Украину и Литву в собственном, племенном смысле...»[2] [5, с. 7]. Этот обширный регион Российской империи являлся цельным и неразрывно связанным с Восточной Россией [5, с. 8–11]. Население Западной России было представлено несколькими этносами, но преобладали среди них литовцы, малороссы и белорусы [5, с. 28–29]. Все эти народы связала единая историческая судьба: период общерусской жизни в эпоху правления потомков киевского князя Владимира; затем – пребывание под властью литовских государей, но осененное русским началом; время господства Польши, сопровождавшееся утратой собственной аристократии, предавшей забвению родную культуру, потерей большей части горожан, поглощенных польским жизненным укладом или вытесненных еврейством; наконец, возвращение под скипетр русского монарха и постепенное пробуждение к новой жизни [5, с. 8]. Западная Россия всегда была единым организмом, какие бы препятствия на пути к «объединению Малороссии и Белоруссии» ни воздвигала история [7, с. 375–377]. Белорусы и малороссы обладали самобытными чертами, отличающими их как от великороссов, так и от поляков, но «людям, близко знающим Россию и Польшу, понятно и ясно, как Божий день, что оба эти племена – Белорусы и Малороссы – тот же Русский народ, что они не могут быть причисляемы к Польскому народу» [8, с. VI].

Каково же было положение белорусского народа в период написания «Лекций по истории Западной России»?[3]

На долю народов Западного края выпало немало тяжелых испытаний, но самая печальная участь досталась белорусскому «племени» [5, с. 33–34]. Страна, где проживают белорусы, обладает скудными природными ресурсами, ее территория почти сплошь покрыта песками, болотами и лесами, раздробляющими население на малочисленные группы. «Все это племя, – писал М. О. Коялович, – во всех местах носит на себе печать вялости, бессилия, изнеможения»[4] [9, с. 549]. Но было время, когда белорусы являлись вершителями судеб Западной России [9, с. 550]. В Великом Княжестве Литовском и в первые годы существования Речи Посполитой высокий

---

[1] В работах М. О. Кояловича можно встретить написание слова «западная» в названии края как со строчной, так и с прописной буквы. Суждение М. Д. Долбилова о стремлении ученого подчеркнуть историко-культурную уникальность Западной России при использовании им заглавной буквы представляется нам близким к истине [6, с. 810, прим. 124].

[2] Данная статья носит сугубо научный, историко-философский характер. Поэтому все цитаты из произведений М. О. Кояловича приводятся в оригинальном виде, с сохранением авторской терминологии, определений, наименований территорий, народов и т. д.

[3] «Лекции по истории Западной России» увидели свет в 1864 г. В 1883 г. вышло второе, переработанное издание книги под названием «Чтения по истории западной России», в 1884 г. были опубликованы третье и четвертое издания. В предисловии к четвертому, ставшему последним, увидевшим свет при жизни М. О. Кояловича, изданию этого сочинения, он писал: «В течение двадцати лет, прошедших со времени первого издания этих чтений, много пронеслось также разных и новых воззрений на дела западной России и много разных направлений выразилось в деятельности и русских, и польских, и немецких, и жидовских людей той страны. Я не нашел возможным принимать что-либо важное из этих новых наслоений в понимании западной России, и все существенные мои взгляды оставил как они были в первом издании этого моего труда» [5, с. 5–6].

[4] По прошествии более 20 лет с момента выхода в свет сочинения «О расселении племен Западного края России» М. О. Коялович, описывая поколение белорусов, родившееся после 1861 г., с удовлетворением отмечал благотворность влияния на него атмосферы свободы: «Прежде всего меня поражало, какое большое число между ними людей видных, красивых, с теми удивительными оттенками кротости и мягкости, какими отличается белорусское племя. Белорусская раса несомненно теперь улучшается. Улучшается она и в развитии своих духовных сил… В обычных сношениях молодой белорус держит себя свободно, в глазах светится сознание своей свободы и своих гражданских прав…» [1, с. 31].

моральный дух белорусского народа создавал почву и для благоденствия восточнохристианской церкви, и для распространения православной науки, и для развития общественного самоуправления в форме братств. Влияние белорусов начало ослабевать в XVII в., когда они стали лишаться своих прежних вождей, воспринимавших традиции польской цивилизации [9, с. 550].

В XIX в. социальная панорама западнорусской жизни являла собой пропасть, разделяющую народ, сохранивший «древнейшие начала своей жизни» [9, с. 549], и верхний слой, давно уже принявший польский культурный облик [5, с. 15]. В Западной России «народ стоит в великом уединении» [5, с. 15]. Большинство белорусов – земледельцы [5, с. 41]. Совсем немногих из них можно причислить к горожанам, еще меньшее количество составляли священнослужители, а к высшему обществу принадлежали буквально единицы [10, с. 677].

Однако этот одинокий, отторженный от своей прежней социальной элиты народ не смирился со своей незавидной участью [11, с. 12]. Память о великом историческом прошлом побуждала его к поиску путей выхода из угнетенного, приниженного состояния, к пробуждению. «Запертый, сдавленный народ, – отмечал М. О. Коялович, – не может не желать себе простора… Естественно при этом рождается вопрос: не погибнет ли этот народ, вынесет ли он свои трудности? На это можно ответить: пять веков его ломали, давили, и, однако, он сохранился и теперь оживает» [11, с. 38].

Стремление белорусского народа к развитию омрачало тяжелое наследие минувшего, порождая нередко разочарование и безволие [12, с. 433]. «Западная Россия тем и несчастна, – писал историк, – что бедна своими силами, которым даже при возбуждении приходится немало бороться с собственною неподвижностью, апатией, робостью и недоверчивостью. Всякое западнорусское дело трудно» [13, с. 373]. Препятствием на пути его возрождения являлось не только «настоящее нравственное бессилие Западной России» [14, с. 598], наступившее вследствие глубоких изменений, пережитых страной менее чем за столетие. Конец исторического существования Речи Посполитой, возвращение униатов в лоно православной церкви, два польских восстания, общие для всей Российской империи потрясения лишь обострили вековые недуги Западной России: невозможность народу отстаивать свои права ни в суде, ни силовым путем [14, с. 598–599]. Переход в высшее сословие наиболее даровитым представителям белорусского народа был перекрыт польской аристократией, шляхтой, чиновниками и их многочисленной челядью [5, с. 48]. Но и дорога в среднее сословие, выход из земледельческого состояния в разряд горожан, ремесленников, торговцев для народа Западного края были крайне затруднены из-за засилья еврейства [5, с. 41–42]. Рисуя картину социального положения белорусов, М. О. Коялович не скупился на мрачные краски: «Народ Западной России не имеет своих верных органов ни в печати, ни в обществе, ни в официальной сфере, для которой это невозможно. Не гласит о нем даже тихо родное, теплое слово, не имеет он сильных, всецело ему отданных ходатаев, видных, неодолимых преградами руководителей. Над ним стоит сфера официальная, которая, при всем добром желании, не может взять на себя и выдвигать все народное дело, потому что назначение ее – быть беспристрастной даже к народности и вере. Над ним стоит сфера общественная польская, которая исторически призвана, т. е. сама призвала себя, давить и заслонять его. Над ним лежит еще один покров – дырявый, но едва открывающий доступ свету Божию, покров жидовства – этого невольного виновника и спутника исторических мук западнорусского народного духа. Этот дух, разобщенный с общественною средой, – весь в непроходимых лесах, в неизмеримых болотах, в необозримых степях, в сообществе неисчислимых духов мира религиозной народной области и потому еще менее доступный нашему фактическому, материальному, холодному воззрению» [15, с. 525–526].

Существовала ли возможность взрастить новую элиту Западной России или ее народ был обречен на положение социального страдальца с перспективой исчезновения с исторической сцены? Для М. О. Кояловича поиск ответа на этот вопрос на протяжении всей его творческой жизни носил судьбоносный характер. В дни Январского восстания историк писал о духовных вождях белорусского народа, хранивших его культурное достояние и оберегавших его от польского влияния на протяжении многих столетий [16, с. 411]. Это – православное белое духовенство [16, с. 411]. Большие надежды М. О. Коялович возлагал и на лучших выходцев из крестьянства

и шляхты, видя в них будущих лидеров, способных противопоставить нравственную силу русского мира материалистической силе польской цивилизации [14, с. 597]. Но, с горечью писал историк, «жизнь западнорусская очень тяжела, и сплошь да рядом случалось до последнего времени, что из десяти великолепных надежд – прекрасных даровитых личностей, обещавших богатую деятельность для блага Западной России, девять погибало от разъедающей латино-польской среды и совершенного отсутствия поддерживающей руки» [12, с. 433]. М. О. Кояловичбыл убежден, что преодолеть искушения и воздействие польской культуры народ Западного края и его нарождающаяся элита смогут только благодаря помощи Восточной России: «Создать ему из себя свой верхний и средний класс людей, своих руководителей очень трудно, да едва ли и возможно. Ему необходима помощь со стороны того же восточнорусского народа, к которому он стремился в течение стольких веков. Из Великой России должна прийти Западной России подмога к образованию высшего образованного класса и среднего. Теперь настало время самой неутомимой и самой решительной общественной борьбы в Западной России русских и литовских начал жизни с польскими и еврейскими» [11, с. 220].

Залогом того, что Западную Россию впереди ожидает процветание, а не погибель, М. О. Кояловичсчитал единство трех народов – великороссов, малороссов и белорусов: «Народное, боевое государство Московское, несомненно, заложенное преимущественными трудами великорусского племени, потому было крепко и разрослось, что все русские племена – не только великорусское, но и малорусское и белорусское, смотрели на него просто как на русское, родное им, и всегда шли к нему, как к своему родному, многообещавшему в будущем…» [2, с. 664]. Свидетельства восточнославянского единства ученый видел и в «Повести временных лет», и в русских летописях эпохи Средневековья [2, с. 62, 66, 72], и в современной ему действительности. «Если отправляться в западную Россию из русского средоточия, – писал М. О. Кояловича, – то придется неизбежно и самым наглядным образом убедиться, что западная Россия, несомненно, русская страна и связана с восточной Россией неразрывными узами, именно придется чаще всего самым нечувствительным образом переходить от великорусов к белорусам или малороссам; часто даже нелегко будет заметить, что уже кончилось великорусское население и началось белорусское или малорусское, но во всяком случае придется признать, что все это – один русский народ, от дальнего востока внутри России до отдаленного запада в пределах Польши и Австрии» [5, с. 9].

Главной основой общерусского единства М. О. Кояловичсчитал православную веру [2, с. 342]. Народ Западной России на протяжении всей своей истории хранил верность идее монархии [5, с. 217]. В отличие от Польши, в период самостоятельного существования в Великом Княжестве Литовском преобладал монархический уклад [17, с. 227–228].

Но единство веры и народности, приверженность монархическому принципу не означали, по мысли М. О. Кояловича, абсолютного тождества всех трех ветвей общерусского народа. «Славянофилы при всем их внимании и предпочтении склада русской жизни во времена Московского единодержавия, – отмечал историк, – не могли не уважать самобытных местных и племенных особенностей русского народа. В славянофильской теории находили уютное место особенности малороссийской, белорусской жизни, и даже стали к ним тянуть инородцы…» [2, с. 340]. В сочинениях М. О. Кояловича тема своеобразия Западной России являлась одной из самых главных. Важнейшей задачей российской науки ученый считал создание цельного представления о западнорусской жизни, ее истории, самобытности Западного края [5, с. 20–25; 9, с. 553–554]. Возникновение в русской душе сопереживания народу Западной России будет благоприятствовать, полагал историк, разрешению многих недоразумений, связанных с недостаточным усвоением великороссами того факта, что народ, будучи разделенным в течение нескольких столетий, не мог не сформировать своеобычные жизненные уклады, не нарушающие изначального общерусского единства [5, с. 20]. Уважение своеобразия Западной России могло бы примирить общество Восточной России с мыслью, что «жизнь западнорусская не только затрудняет осуществление идеальных воззрений, но часто противится осуществлению и таких, которые уже воплотились в особой, более или менее ограниченной, данной историею и местностью, форме, – например, в форме великорусских воззрений» [18, с. 368].

Важнейшими направлениями деятельности русского обшества в Западной России М. О. Кояловичсчитал возведение и отделку храмов, развитие народных школ и снабжение их книгами, содействие активизации общественных движений белорусского народа, отбор претендентов из числа великорусов, направляемых в западные губернии на службу в органах власти [19, с. 579–582]. Однако основной задачей русского общества в Западной России, полагал ученый, должна быть борьба с польской и еврейской цивилизациями. Один из самых ярких портретов поляка у М. О. Кояловича – образ колонизатора, заселившего Западную Россию и навязавшего свой цивилизационный порядок коренным малороссийскому, белорусскому и литовскому народам, порождением чего стала их «историческая вражда к польскому здесь племени» [9, с. 544]. Помощь, оказываемая русской общественностью белорусскому народу, должна была быть направлена не на пассивное восприятие благ, а на рост собственных возможностей улучшения жизни: «Постоянная помощь – постоянное детство! Лучше – постоянное, умное, сердечное братство, умные, благодетельные меры» [20, с. 620]. Взращивать из представителей белорусского народа новое панство М. О. Коялович считал пагубным занятием [20, с. 622]. Наилучший способ смены социального статуса историк видел в переходе крестьян к торговой либо промышленной деятельности [20, с. 622]. Но эти сферы экономической жизни Западной России были заняты евреями [20, с. 622]. М. О. Коялович решительно отвергал возможности диалога с еврейской цивилизацией, считал утопической идею интеграции русского мира и еврейского сообщества [20, с. 622]. «Сохрани Бог, угнетать евреев, – писал историк, – пусть они живут и благоденствуют; но нужно помнить, что нигде в Европе нет такого ненормального, гибельного для народа положения евреев, как у нас. Нигде их нет столько в сравнении с народом и нигде они так плотно не замкнуты, как у нас… Евреи замкнулись в своей корпорации – кагальном устройстве, при котором невозможны никакие изменения в их направлении, бессильны все попытки даже лучших евреев быть полезными людьми. Кагальная корпорация задавит всякое реформационное движение в жидовстве, не допустит ни малейшего наплыва новых сил, обойдет и парализирует десятки мер» [20, с. 622–623].

Средствами, способными создать из нынешних земледельцев рабочий класс, М. О. Коялович считал такие, как запрет евреям возводить христианские церкви, обучение ремесленничеству в народных школах, создание обществ для оказания различных видов помощи кустарям из народа в организации ими ремесленного производства, осуществление работ по прокладке дорог и осушению болот [20, с. 623]. Для того чтобы ускорить выход белорусского народа из земледельческого состояния, историк предлагал особое внимание уделять развитию не гимназий, поощрявших, по его мнению, стремление крестьянских детей «перескочить через евреев в своего рода панство» [20, с. 624], а двух- трехклассных училищ с обучением ремеслу, предоставлявшим их выпускникам возможность вести не только крестьянскую, но и промысловую деятельность либо стать коммерсантом [20, с. 624]. Главное предназначение этих училищ, по мысли М. О. Кояловича, – создать основы для зарождения промышленного, ремесленного, торгового слоя исключительно из представителей белорусского народа, пробудить в нем творческий дух, стремление к занятию предпринимательством, чтобы он мог успешно конкурировать с еврейским капиталом, послужить первоначальным импульсом в деле создания собственного среднего класса [21, с. 654–657]. Ученый прекрасно отдавал себе отчет, что для достижения этих целей потребуются годы неустанного, кропотливого труда. «Там, где в течение веков безжалостно убивали предприимчивость в народе, – отмечал историк, – где в каждом почти городе на одного христианина приходится около десяти жидов, которым удавалось и удается убивать торговые предприятия даже панов и опытных русских купцов, там нечего мечтать, что народ так сейчас и свалит иго жидов» [21, с. 656]. Однако М. О. Коялович был убежден в необходимости неукоснительно следовать по пути создания нового социального облика белорусского народа, какие трудности и препятствия не пришлось бы преодолеть во имя достижения этой цели. «Мы не сомневаемся, – писал ученый, – что десять, пятнадцать лет умного, терпеливого ведения таких училищ изменили бы заметно и экономическое, и политическое положение страны. Одно сознание народа, что он может выделять из себя промышленные и торговые силы, одна решимость его действительно выделять такие силы среди себя – равносильны были бы десяткам

лучших правительственных мер к устройству нормального положения страны» [21, с. 657]. М. О. Коялович призывал центральные власти и русскую общественность не жалеть ни сил, ни средств для развития училищ [21, с. 658–659]. Возникновение в народе Западного края социальных слоев, способных соперничать с польскими и еврейскими деловыми кругами, дало бы возможность России, как полагал историк, похоронить мечты поляков о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г., сохранить сотни тысяч человеческих жизней и огромные финансовые ресурсы.

Многократные обращения М. О. Кояловича к русскому обществу об оказании им всемерной помощи белорусскому народу неизменно сопровождались призывами сохранять своеобразие его жизненного уклада: «…мне невольно вспоминается передаваемое Нестором призвание в Россию рода Руссов. Только я позволю себе отнести эти слова к Великой России от лица Западной и изменить их так: нет у нас людей, нет и наряду, а ваша земля велика, и обильна, и устроена: придете княжити и володети нами, но не по-пански, как поляки, а по-братски, как следует русским» [19, с. 582]. Дисгармонию в русское триединство могли внести, по мнению историка, как пафос имперского единообразия, так и склонность к пестованию локальной уникальности, возвышению местного своеобычия. Поэтому в концепции Западной России М. О. Кояловича неизменно проявлялись два мотива: стремление сохранить региональную самобытность и желание утвердить представление о целостности русской цивилизации.

Часто сетуя на скудость белорусских общественных сил и призывая к их пополнению за счет выходцев из Великороссии, М. О. Коялович, особенно в поздний период своего творчества, не раз высказывал сожаление по поводу малочисленности местных представителей в государственных структурах Западного края. «Официальная среда пополняется приезжими из внутренней России, – отмечал ученый, – но приезжие не могут наполнить всех мест, да и не хорошо это было бы» [22, с. 3]. Недоверие центральной власти к внутренним общественным ресурсам края порождало уродливые формы казенного русификаторства: «У нас так много заняты обрусением этой страны; но, к сожалению, обрусение понимается чаще всего самым неправильным и пагубным образом. Обрусение понимается не так, что нужно подкреплять, оживлять и пополнять тамошних русских людей, а так, что их нужно заменять новыми русскими людьми. От этого везде происходит… великая смута и путаница…» [22, с. 13]. В то же время белорусский народ, как считал М. О. Коялович, отнюдь не обделен талантами. Главное преимущество уроженцев Западной России – их знание местных особенностей, специфики белорусской ментальности, обычаев и традиций народной жизни.

О губительных для белорусского народа идеях обрусения М. О. Коялович писал постоянно, нередко прибегая к самым острым выражениям и не скрывая своего крайне отрицательного отношения к практике бюрократического произвола и грубого подавления местных особенностей. Историк отмечал, что приезжие чиновники, руководствуясь в своей деятельности правильной, по сути, установкой, что «служение русскому делу в Западной России должно быть выше всего» [21, с. 649], зачастую проводят ее в жизнь в «*диктатурной* форме…» [21, с. 649]. «…Некоторые маленькие власти в Западной России, – писал М. О. Коялович, – приказывают народу переменять костюм, прическу по великорусским образцам, гнушаются слышать малороссийскую или белорусскую речь и требуют, чтобы волостные чины и ученики сельских училищ *непременно* и *всегда* говорили *книжным* русским языком» [21, с. 649].

Идея цельности русского мира была важнейшей в размышлениях М. О. Кояловича об исторических перспективах Западной России. На эту тему он высказывался многократно и с огромным внутренним воодушевлением. «Будущее развитие этой страны, – отмечал историк, – будущее объединение и Малороссии, и Белоруссии, и Великой России – неоспоримо станут и этим путем идти вперед и вперед. Тогда не будет ни по управлению, ни по общественной деятельности того пагубного разъединения принципов и теорий между Белоруссией и Малороссией, какое существует теперь и которое уже столько раз губило общее западнорусское и общерусское народное дело» [7, с. 378]. Интересы России требовали осуществления такой меры, как строительство железной дороги из Москвы в Киев с ответвлениями в сторону белорусского края и в отдаленные уголки украинской земли [23, с. 632–633]. Это позволило бы установить более

прочное соединение северной и южной частей Западной России, создать благоприятные условия для притока в нее великорусских сил, сформировать мощный общерусский оплот, способный противостоять польскому, еврейскому, немецкому воздействиям и тенденциям сепаратизма. Появление новой инфраструктуры послужило бы дополнительным источником для реализации целого ряда как внутрироссийских, так и геополитических задач: укрепление юго-западной границы, расширение культурных связей с южнославянскими народами, развитие религиозного паломничества [23, с. 634–635].

Мысль о неприятии сепаратизма красной нитью проходит через многие сочинения ученого. «Трудно измерить зло, – писал историк, – какое происходит уже теперь от нашего интеллигентного сепаратизма. Им уже занимаются не одни пустые люди, искатели личных выгод, но и хорошие люди, и последствия такого разделения нередко больно отзываются в тамошней жизни. Но еще важнее будут последствия, когда этот сепаратизм станет развиваться логически и направится и в Белоруссии в среду простого народа, как это уже делается в Малороссии» [1, с. 29]. Однако М. О. Коялович полагал, что белорусский народ не только не склонен к восприятию сепаратистских взглядов, но и способен оказать содействие украинскому народу в преодолении искушения идеей обособления от «русского дела» [5, с. 23]. «…Белоруссия… так бедна, – отмечал ученый, – что не может допускать праздных теорий, отвлеченных мечтаний, да и белорусское племя так близко к великорусскому, что никакой сепаратизм не может в нем иметь силы» [5, с. 23]. Более того, историческая судьба белорусов была полна столь глубокими испытаниями, что достойно удивления, как они сохранили ощущение своей уникальности. У белорусов «нелегко могла вырабатываться любовь к родному и энергические ее выражения. Легче могло развиваться, напротив, желание пересоздаться в кого угодно, – в великоруса или поляка, лишь бы как-нибудь выйти из тяжелого положения» [9, с. 549].

Важнейшей идеей М. О. Кояловича стала мысль об особой, отличной от общерусской, миссии белорусского народа – быть выразителем идеи согласия как внутри триединого русского народа, так и между Россией и Западом. М. О. Коялович полагал, что его родина «способна внести в общее дело такие умиротворяющие начала, которые будут подвигать дальше и дальше сближение малороссийского элемента с великорусским, а может быть, сближение с ним и с собою и польского элемента» [9, с. 552].

Заключение. Сегодня творческое наследие М. О. Кояловича служит одним из интеллектуальных источников в научных дискуссиях о современной белорусской идентичности. Далеко не все взгляды, высказанные им более ста лет тому назад, выдержали строгий суд истории. Неувядающей остается мысль М. О. Кояловича о способности белорусского народа выходить за пределы своей национальной частичности, прозревать духовный смысл, скрытый в иных человеческих сообществах, глубоко воспринимать культурные достижения других народов. Дар погружения в самое сердце универсальных духовных основ предоставляет Беларуси уникальную возможность стать в XXI в. одним из главных созидателей диалога мировых цивилизаций.

Список использованных источников

1. Коялович, М. Поездка в Западную Россию : очерк / М. Коялович. – СПб. : Тип. Департамента уделов, 1886. – 38 с.

2. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 682 с.

3. Коялович, М. О. Разбор критики К. Н. Бестужева-Рюмина на сочинение М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. Ф. Елеонского и К°, 1885. – 28 с.

4. Коялович, М. О. Как восстает наше русское общество из своего нравственного падения? / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 681–696.

5. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2006. – 474 с.

6. Долбилов, М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М. : Новое лит. обозрение, 2010. – 999 с.

7. Коялович, М. О. Исторические воспоминания по поводу пинских братств / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 375–378.

8. Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше = Dokuments servant a éclaircir l'histoire des provinces occidentales de la Russie ainsi que leurs rapports avec la Russie et la Pologne. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1865. – CCIII, 658 с.

9. Коялович, М. О. О расселении племен Западного края России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 538–554.

10. Коялович, М. О. Разъяснение недоразумений газеты «Голос» / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 669–678.

11. Коялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 5–221.

12. Коялович, М. О. Несколько слов о графе Димитрие Николаевиче Блудове: Западной России на память / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 429–433.

13. Коялович, М. О. Приглашение записываться в церковные братства Западной России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 370–374.

14. Коялович, М. О. Где наши силы? / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 595–607.

15. Коялович, М. О. Народное движение в Западной России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 525–537.

16. Коялович, М. О. Письма к отцу Иосифу Васильеву (протоиерею Посольской церкви в Париже) об униатском вопросе / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 394–417.

17. Коялович, М. О. Люблинская уния Литвы с Польшею в 1569 г. / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 222–264.

18. Коялович, М. О. Письмо к редактору «Дня» / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 366–369.

19. Коялович, М. О. Об отношении русского общества к Западной России / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 572–582.

20. Коялович, М. О. Нужны промыслы, нужны ремесла в западнорусском народе / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 620–624.

21. Коялович, М. О. Как устроить нормальное положение в Западной России? / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 647–659.

22. Коялович, М. О. Поездка в середину Белоруссии / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. Департамента уделов, 1887. – 17 с.

23. Коялович, М. О. Еще о направлении наших железных дорог / М. О. Коялович // Шаги к обретению России / М. О. Коялович. – Минск, 2011. – С. 625–635.

References

1. Koyalovich M. *Trip to Western Russia*. St. Petersburg, Department of lots printing house, 1886. 38 p. (in Russian).

2. Koyalovich M. O. *The history of Russian self-consciousness according historical monuments and scientific writings*. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2011. 682 p. (in Russian).

3. Koyalovich M. O. *An analysis of the criticism of K. N. Bestuzhev-Ryumin on the essay of M. O. Koyalovich "The history of Russian self-consciousness according historical monuments and scientific writings"*. St. Petersburg, F. Eleonsky and K° printing house, 1885. 28 p. (in Russian).

4. Koyalovich M. O. How does our Russian society rise from its moral decline? *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 681–696 (in Russian).

5. Koyalovich M. O. *Readings on the history of western Russia*. Minsk, Belorussian Encyclopedia, 2006. 474 p. (in Russian).

6. Dolbilov M. D. *Russian land, alien faith: the ethnic and confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 999 p. (in Russian).

7. Koyalovich M. O. Historical memories of the Pinsk brotherhoods. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 375–378 (in Russian).

8. *Documents explaining the history of the Western Russian land and its relationship to Russia and Poland*. St. Petersburg, Edward Pratz printing house, 1865. CCIII, 658 p. (in Russian, in French).

9. Koyalovich M. O. On the resettlement of the tribes of the Western land of Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 538–554 (in Russian).

10. Koyalovich M. O. Clarification of the misunderstandings of the newspaper "Voice". *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 669–678 (in Russian).

11. Koyalovich M. O. Lectures on the history of Western Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 5–221 (in Russian).

12. Koyalovich M. O. A few words about Count Dimitry Nikolayevich Bludov: to Western Russia as a keepsake. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 429–433 (in Russian).

13. Koialovich M. O. Invitation to sign up for the church brotherhoods of Western Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 370–374 (in Russian).

14. Koyalovich M. O. Where are our strengths? *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 595–607 (in Russian).

15. Koyalovich M. O. Popular Movement in Western Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 525–537 (in Russian).

16. Koyalovich M. O. Letters to Father Joseph Vasiliev (Archpriest of the Embassy Church in Paris) about the Uniate issue. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 394–417 (in Russian).

17. Koyalovich M. O. Lublin Union of Lithuania with Poland in 1569. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 222–264 (in Russian).

18. Koyalovich M. O. Letter to the editor of The "Day". *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 366–369 (in Russian).

19. Koyalovich M.O. On the attitude of Russian society to Western Russia. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 572–582 (in Russian).

20. Koyalovich M. O. The West Russian people need trades, need crafts. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 620–624 (in Russian).

21. Koyalovich M. O. How to arrange a normal situation in Western Russia*? Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 647–659 (in Russian).

22. Koialovich M. O. *A trip to the middle of Belarus*. St. Petersburg, Department of lots printing house, 1887. 17 p. (in Russian).

23. Koyalovich M. O. Once more about the direction of our railways. *Steps to gaining Russia*. Minsk, 2011, pp. 625–635 (in Russian).

Информация об авторе

Игнатов Владимир Константинович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ivk110857@gmail.com

Information about the author

Vladimir K. Ignatov – Ph. D. (Philos.), Senior Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: ivk110857@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 297.17 (091)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-145-151

Поступила в редакцию 11.06.2019
Received 11.06.2019

Д. М. Зайцев

Белорусская государственная академия связи, Минск, Беларусь

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ПОКЛОНЕНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы культурного наследия восточнославянских народов, а также поклонения и обряды в восточнославянском язычестве как важнейшая часть религиозной жизни белорусов, украинцев и россиян. Анализируются вопросы возникновения и развития этих явлений. Многочисленные примеры показывают разнообразие и важность системы обрядов, ритуалов и поклонений в древнем и современном славянском язычестве. Отмечается, что деятельность и наследие странников и волхвов являются значимым материалом для изучения культуры наших предков. Выделяются наиболее посещаемые религиозные объекты, в первую очередь святилища, капища, курганы, захоронения волхвов, могилы древнерусских князей дохристианского времени. Для тысяч неоязычников трепетное отношение к объекту поклонения служит исполнением воли предков.

Цель исследования – выявить особенности поклонений и обрядов в восточнославянском язычестве, показать влияние исторических, географических, культурных факторов на их формирование. Статья может быть полезна для решения насущных проблем взаимодействия представителей разных религиозных конфессий.

Ключевые слова: язычество, поклонение, обряд, ритуал, политеизм, восточные славяне, культура

Для цитирования: Зайцев, Д. М. Традиционные обряды и поклонения в восточнославянском язычестве / Д. М. Зайцев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 145–151. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-145-151

Dmitry M. Zaitsev

Belarusian State Academy of Communications, Minsk, Belarus

TRADITIONAL CEREMONIES AND WORSHIPS IN EAST-SLAVIC PAGANISM

Abstract. This article is relevant, first of all, for compatriots, as it addresses issues of the cultural heritage of Eastern Slavic peoples. The article discusses worship and rituals in East Slavic paganism as the most important part of the religious life of Belarusians, Ukrainians and Russians. The issues of the origin and development of these phenomena are analyzed. Numerous examples show the diversity and importance of the system of rites, rituals and worship in ancient and modern Slavic paganism. It is noted that the activities and heritage of the wanderers and the Magi are significant material for studying the culture of our ancestors. The most visited religious objects are distinguished: first of all, sanctuaries, temples, burial mounds, burials of the Magi, the graves of ancient Russian princes of the pre-Christian time. For thousands of neo-pagans, the reverent attitude to the object of worship serves as the fulfillment of the will of the ancestors.

The purpose of the study is to identify the features of worship and rites in East Slavic paganism, to show the influence of historical, geographical, cultural factors on their formation. This work may be useful for solving urgent problems of interaction with representatives of different religious denominations.

Keywords: paganism, worship, rite, ritual, polytheism, Eastern Slavs, culture

For citation: Zaitsev D. M. Traditional ceremonies and worships in East-Slavic paganism. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 145–151 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369- 2020-65-2-145-151

Введение. Уже к началу формирования древнерусского государства на территории, заселенной восточными славянами, насчитывалось большое количество священных мест и святилищ, где совершали ритуалы и поклонялись определенным богам наши предки – язычники. Об этом свидетельствует наличие множества «святых озер», «святых рощ», селений, имеющих языческие названия.

Язычество, в том числе и восточнославянское, называют не столько религией, сколько древнейшим природным мировоззрением, согласно которому Природа, Земля, боги и почитающие их народы находятся в неразрывном едином родстве. Язычник живет так, чтобы не противоречить

© Зайцев Д. М., 2020

Природе. Он осознает, что боги и предки постоянно присутствуют рядом с ним. Основа язычества – знание, унаследованное от предков и прошедшее проверку временем и практикой. А почитание предков и традиций является заботой не только о себе самих, но и о потомках [1, с. 3–4].

Странничество, поклонение и религиозные обряды представляют собой древнейшее проявление духовности человека. Посещение священных мест имеет цель войти в общение с почитаемым предметом для восстановления расторгнутой временем или пространством духовной связи, получения внутренней силы.

Основная часть. Как уже отмечалось, древние славяне считали, что окружающий их мир одухотворен, они обожествляли явления природы и стихии. Эта вера получила название языческой, т. е. народной («языцы» в переводе значит народ). У наших предков были широко представлены тотемистические начала, вера в родство людей с различными животными, например, с волком или медведем. Волк считался символом силы и мудрости, пожирающий злых духов и всякую нечисть. Зачастую древнеславянские жрецы, совершавшие охранительные обряды, одевались в шкуру волка. Идя в лес, наши прародители оказывали уважение медведю, по поверью, добродушному и сильному зверю, защитнику от всякого зла, способному отвести беду от дома и двора. Они верили, что поклонение медведю наделяет человека богатырским здоровьем. Восточные славяне почитали также и травоядных животных, в частности, лосих и олених, олицетворявших первых женских богинь плодородия. Неудивительно, что оленьи рога висели во многих домах, так как должны были оберегать их обитателей от всех зол и нечисти. Не менее уважаемое животное – конь, мудрое, сильное, выносливое – часто ассоциировалось с солнцем. Деревянная конская голова, подобно, как и подкова, до сих пор выступает как оберег и встречается не только в местах поклонения, но и на крышах жилищ [2, с. 11].

Со временем почитаемые и презираемые звери приобретали человеческий вид. Одним из примеров является леший – хозяин леса, антропоморфное косматое существо с могучими лапами. Именно ему как покровителю охоты люди оставляли на пне часть добытой дичи в надежде на помощь и успех в будущей охоте. Другой пример – русалка, покровительница влаги, росы и плодородия, но она также является вредоносным духом, способным защекотать человека насмерть или утопить в воде. Соответственно, ее пытались либо задобрить, либо отпугнуть, применяя специальный заговор и обрядовые танцы. Согласно легендам и сказаниям, не менее популярный персонаж – Кощей, властитель мертвых, который произошел из змея, хозяина подземного царства. Спутницей Кощея считается богиня мертвых Морена. Некоторые исследователи полагают, что от слияния корней имен этих персонажей произошло слово «кошмар». Морену также называют прародительницей будущей Масленицы, чучело которой в конце праздника обязательно сжигали либо топили как символ расставания со стужей, смертью и оцепенением земли [2, с. 12].

В восточнославянском язычестве особое место занимает культ Матери-Земли. Почитание земли не прекратилось с приходом христианства, наоборот, со временем мы находим множество цитат, характеризующих землю как символ святости и богатства: «Будь богат, как земля святая!». Она же – символ чистоты и здоровья, что следует из следующей поговорки: «Как здорова земля, так бы и моя голова была здорова». Такое отношение к Матери-Земле сопровождается множеством запретов, нарушение которых влечет за собой гнев стихии и наказание в виде неурожая и голода. К земле необходимо относиться как к беременной женщине, поскольку земля проходит аналогичные стадии: оплодотворение, несение плода, появление урожая. Соответственно, до определенного дня запрещалось копать, пахать, вбивать колья, иными словами, тревожить землю [3].

У наших предков долгое время для получения большого урожая сохранялись обряды, имитирующие соитие с землей. Для этого из общины выбирали многодетную пару, которая должна была заняться сексом на весенней ниве. Иногда в землю зарывали изображение мужского полового органа. Естественно, был запрет на ругань, так как это могло оскорбить Матерь-Землю. Зачастую ей исповедовались в грехах, молили об исцелении от болезней, приносили в дар пищу, а клятва землей считалась нерушимой. Отправляясь в далекий путь, в странствие, наш предок обязательно брал горсть родной земли, а при постройке дома на новом месте непременно под фундамент закладывал немного земли с прежнего места жительства, полагая, что это поможет

избежать напастей. Если человек умирал на чужбине, то в могилу сыпали также хранимую им родную землю [4, с. 63].

Поклонялись и особо почитали славяне водные стихии: реки, озера, дождь, воду из колодцев. Древнерусские рукописи указывают о значении воды, упоминая в связи с этим гадания, жертвоприношения, заключение браков, клятвы, лечение, молитвы. Подтверждают это и слова византийского историка Прокопия Кесарийского: «Славяне почитают и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих же жертвах совершают гадания» [4, с. 64]. Вода активно использовалась в магических ритуалах, она наделялась охранительной, очистительной и дающей потомство силой. Ее торжественно вносили в дом на второй день свадьбы, обливали людей, скот, постройки. Существовали обряды умывания и заговора воды, предназначенной для лечения. Усиливали действие воды опущенные в нее монеты, зерно, угли из печки [4, с. 65–66]. Естественно, вблизи воды запрещалось сквернословить, совершать дурные поступки, не говоря уже о строгом наказании за плевок, выброс мусора либо мочеиспускание в воду. Больным, беременным женщинам, людям, обмывавших покойников, возбранялось подходить к колодцам, так как это могло испортить воду [3].

У древних славян было особое почитание деревьев, к ним совершались даже дальние путешествия, в первую очередь к дубу, который олицетворял бога-громовержца Перуна. О жертвоприношениях дубу упоминают и византийские источники [4, с. 72]. Ряд весенних обрядов, хороводов и песнопений посвящен березе, связанной с духами добра и берегинями. Выделялись деревья, которые росли непосредственно рядом с родниками, т. е. живой водой.

Не менее почитали и священные рощи, где происходили моления и жертвоприношения. Существовал ритуал кормления деревьев. Широко известны рассказы о наказании и страшных мучениях тех, кто пытался срубить дерево в священной роще. Почитаемые деревья легко было отличить, поскольку их ветки украшали платками, лентами, полотенцами. Жаждущие излечения пилигримы обычно вместе с просьбами одновременно пролезали между стволами. Но были и более сложные ритуалы, где особая роль предназначалась знахарке, которая зажигала свечи, раздевала больного догола, читала заговоры и готовила ритуальную трапезу. Вплоть до XX века известны случаи венчания у деревьев тех, кто по каким-либо причинам не мог или не хотел совершить это в церкви. Про таких говорили: «Их венчали вокруг ели, а черти пели» [4, с. 72].

Наши предки также почитали камни, полагая, что они являются опорой и основанием мира. Особо почитались камни, возвышавшиеся над водой. Путешествия к определенным камням традиционно совершали больные, которые приносили к ним еду и ткани. У камней производились охранительные и поминальные ритуалы. Естественно, камни ни в коем случае нельзя было оскорблять, так как они, согласно поверьям, могли за это отомстить. До недавнего времени у белорусов было принято класть монеты и пояса на священные камни. На территории современной России, особенно на севере, до сих пор сохранилось много поклонных камней. Вода, вытекающая из трещин таких камней, считается целебной [4, с. 73–74]. К ним и сегодня направляются странники.

Языческие обряды народного календаря чутко отражали жизнь природы. Так, с началом таяния снега восточные славяне закликали весну. Обычно женщины и девушки взбирались на возвышения и пели соответствующие песни. Весной в честь бога солнца Хорса, изображавшегося в виде солнечного диска, водился ритуальный танец – хоровод. На белорусских землях традиционным был обычай, когда на поле для посева яровых разводили костер и вокруг него возили красивую трудолюбивую девушку, так называемую вясноуку. Праздник комоедицы знаменовал собой пробуждение природы, когда медведи выходили из спячки. В это время произносили заклинания и пели песни в честь Лады, Лель, Ярило. С прилетом птиц пекли печенье – галиопы. Весной происходило и поминовение усопших – Радуница [5, с. 233].

В самом начале лета проходили проводы весны, отмечался Ярилин день – праздник божества вегетативной силы, который в дохристианское время сопровождался мистериями и оргиями, подобно древнегреческому празднику Дионису. Летом отмечалась русальная неделя, связанная с культом плодородия и почитанием умерших, которая завершалась праздником Купалы. В день Ивана Купалы, когда главными стихиями выступали огонь и вода, сначала сжигали соломенное

чучело Купалы, девушки и парни попарно прыгали через костер, таким образом очищаясь. С целью возбудить производящую силу природы проводились эротические игрища, а затем совершались жертвы божествам реки и солнца. В частности, топили чучело Мары – богини холода, голода и смерти, убивали белого петуха – птицу, приветствующую рассвет.

Обильные кровавые жертвы приносили лишь воинствующим богам, например, Перуну, символизировавшему сильную власть, покровителю князей, богу грозы и войны. Праздник Перуна, проходивший 20 июля по старому стилю, впоследствии был заменен христианским праздником – поклонением Илье-пророку. В августе совершались ритуалы аграрной магии и благодарения божеств – Мокоши, Велеса и других. Почитание покровительницы женской судьбы, богини земли Мокоши, было приурочено к древнему земледельческому культу Матери-Земли. В периоды преобладания в сельском хозяйстве скотоводства особое значение приобретал располагающий магической силой бог плодородия и покровитель скота Велес, которому традиционно оставляли несжатыми последние колосья хлеба. Позже его роль изменилась, и Велес стал богом богатства. На основе фольклорно-этнографического материала Б. А. Рыбаков доказал, что древний «скотий бог» занимал видное место в народной календарной обрядности на протяжении долгого периода [6].

В сентябре устраивались пиры в честь Рода, сопровождавшиеся песнопениями и питием меда из ритуальной чаши. Род – повелитель земли, языческий творец. Именно от слова «род» произошли слова «урожай», «родник», «народ». Второй половиной Рода стала Роженица, богиня плодородия, благополучия, изобилия, хранительница жизни и защитница женщин. С небесным Родом связаны моления на высоких горах. Культ Роженицы сопровождался ежегодным ритуалом жертвоприношений важенок оленя, одну из которых – мать либо дочь – убивали. Жертвами, которых приносили богам, могли стать животные, но традиционно это были каша, творог, хлебные лепешки [2, с. 17]. Кутья, овсяный кисель, блины – это уже ритуальные блюда для поминовения или трапезы с духами предков после карачуна – самого короткого светового дня в году. В ночь на 25 декабря разводили костры из соломы, чтобы души предков не замерзли. Позже начинались зимние святки, где совершались обряды, посвященные Коляде. Наряду с культом солнца и культом предков коляды сопровождались брачной символикой и служили началом сезона свадеб. У домов, где появлялись новые семьи, совершался обряд «вьюницы», который символизировал взятие предками молодоженов под свою защиту.

Наиболее веселый и раскрепощенный зимний языческий праздник – Масленица, для которого были характерны обжорство, пьянство, разврат, кулачные бои. В этот праздник на столе всегда присутствовали блины и овсяный кисель – поминальные и жертвенные блюда славян. Блины к тому же, как известно, являлись символами солнца, соответственно, являлись элементами древнего солярного культа. В последний день Масленицы столы с остатками еды обычно не убирали, полагая, что необходимо таким образом накормить духов предков. Кулачные бои также считались элементами поминальной обрядности – тризны, языческого погребального пира. Тризна при этом призвана была отгонять смерть от людей [5, с. 237–238].

Когда человек умирал, то наши предки устраивали полноценную тризну – поминки. Кроме пира и военных игр родственники в знак печали могли порезать ножом свое тело или поцарапать лицо и руки. Покойников либо сжигали, либо хоронили. Но в любом случае рядом с ним клали любимые вещи, полагая, что они могут пригодиться умершему в загробной жизни. Иногда супруга покойного кончала жизнь самоубийством в надежде вместе с мужем попасть в рай.

Очевидно, у древних славян была довольно сложная система культов. Изначально славяне приносили жертвы «упырям и берегиням» для задабривания вампиров и благодарения хранителей человека. Для «малых» божеств, например, домовых, овинников, банников, не строили святилищ, им молились либо в одиночестве, либо при небольшом количестве людей, обычно членов семей. Множество народа из нескольких племен приходило в специально оборудованные молельные места для почитания высших богов. Обычно такими местами избирались горы с лысыми вершинами, где устанавливались деревянные изваяния языческого божества и насыпались валы, на которых горели священные огни. В частности, культ солнечного Дажьбога почти всегда сопровождался праздничными кострами. На ритуальных пирах под открытым небом люди

молились и употребляли жертвенную пищу, таким образом они как бы становились сотрапезниками богов. Важнейшими являлись поклонения Роду, матери Ладе и дочери Лели [6].

Большинство святилищ имело круглую форму. Согласно источникам домонгольского времени, основными местами поклонения являлись капище и требище. Капище обычно обозначало идола, а иногда и жертвенник, именно там совершались заклание жертвенного животного и окропление кровью, после чего разделанная жертва предавалась огню. Во внешнем круге, который назывался требищем, простыми людьми принималась жертвенная ритуальная пища. Также в памятниках славянской письменности X–XI вв. встречаются и такие обозначения культовых мест, как коумирьница, капищьница, святилище, святило. Для языческих паломников, приходивших в святилище, были характерны охранительные и заклинательные амулеты, которые они носили на шее, поясе либо украшали ими головные уборы.

Широко были распространены деревянные идолы, изображавшие богов. Об этом упоминается, в частности, в «Повести временных лет» за 983 год: «не суть то бози, но древо». Князь Владимир, придя к власти в Киеве в 980 году, повелел основать там новое святилище. В «Повести временных лет» можно прочитать: «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и осквернялись землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот». Капище Перуна также появилось и в Новгороде: «Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как богу». Вероятно, Владимир Святославич распорядился построить святилища и в других крупных городах. Во Владимирском пантеоне не находилось места популярному в народе богу Велесу не потому, что князь его не признавал, а скорее всего из-за несовместимости верховных небесных божеств, стоящих на холме, с божеством нижнего мира. Исследователи предполагают, что идол Велеса находился в нижней части Киева, на Подоле, а расположенная ныне там улица Волоская, или Волошская, в древности вела прямо к капищу Велеса [7].

Традиционно идолы большей частью выглядели антропоморфно, например, с рогом изобилия в руках, с фаллическими символами либо без особых признаков. Археологи находят также и маленьких деревянных идолов, очевидно, изображения домовых. А. В. Карпов предполагает, что идолы у славян появились под влиянием иных народов, а ранее святилищами были лишь рощи и расчищенные для отправления культа требища. По его мнению, основным видом языческих культовых мест, скорее всего, было расположенное под открытым небом место для молений и поклонений богам. Если на Руси в этот период и были культовые постройки, то они выглядели бедно и невыразительно. Подобная картина была характерна для внешнего облика культовых сооружений и соседних славянских народов: поляков, чехов, мораван, о чем свидетельствуют многочисленные археологические раскопки [7].

По мнению В. А. Чудинова, восточнославянские язычники имели полный набор храмов: открытые, закрытые, пещерные, типа хенджей. Наиболее ранними храмами считаются пещерные, особыми храмами среди усыпальниц являлись катакомбы. Открытые храмы по функциям можно разделить на жреческие, военные, массовые и малой группы верующих. Причем большое количество храмов было посвящено богине Мокоши и богу Роду. Традиционный храм Мокоши представлял собой обычную избу под двускатной крышей с высоким фронтоном. Храм Рода сначала был круглым, а затем восьмиугольным вертикальным строением с куполом наверху. Малые святилища, обычно ритуальные центры сельской местности, часто состояли из одного камня на берегу реки, болота либо в горах [8].

Что касается жреческой организации славянских культов, то, по мнению Л. Т. Мирончикова, она состояла из следующих классов языческого «духовенства»: старцев, старост и волхвов. Старец возглавлял сотенную организацию и был руководителем сельской общины, старосты подчинялись ему. Старец совершал жертвоприношение: закалывал жертвенное животное, варил мясо, организовывал место для трапезы, определял порядок поедания жертвенного мяса. При этом бескровная жертва именовалась требой. Древнерусское слово «волхв» идентично древнегреческому

«магу» и употреблялось в значении языческий жрец, звездочет, чародей, предсказатель. Волхвы воспринимались как лидеры магической религиозности [7]. Они подготавливались к странствиям, совершали обряды и просили богов в первую очередь об обильном урожае и ладе, изготовляли обереги и амулеты, а также украшения для членов общины [1].

И сегодня, не задумываясь, многие из нас повторяют древние ритуалы. Например, хороводы и некоторые детские игры являются отголосками языческих обрядов наших предков. Также зачастую можно наблюдать картину, когда, посетив службу в христианском храме, прихожанин, возвращаясь домой, целенаправленно идет в сторону, чтобы поклониться священному камню, дубу либо роднику. Поэтому неудивительно, что и неоязычество достаточно популярно среди современников.

В настоящее время количество последователей древней славянской веры ежегодно растет, причем адептами становятся как атеисты, так и люди, разочаровавшиеся в традиционном христианстве, среди которых высокий процент образованных людей. Причинами, по которым произошел всплеск интереса к данной религии, являются укорененность языческих верований в культуре восточных славян; активный поиск национальных корней после развала Советского Союза и обретения государствами независимости; новые данные археологических раскопок индоевропейской культуры; противодействие идеологическому влиянию стран Запада; недоверие людей к либерально-рыночным реформам, ведущим к разрушению традиционного образа жизни; боязнь экологической катастрофы, связанной с техницизмом и дегуманизацией современного образа жизни.

В неоязычестве создана четкая структура, позволяющая служителям культа ясно оценивать и влиять на свою паству. При этом имеется развитая система взглядов по догматическим, натурфилософским, этическим, обрядовым и бытовым вопросам. Особое влияние на эти взгляды оказала так называемая «Велесова книга». В новом пантеоне представлены древние боги, среди которых на первый план выходят Сварог, Велес и Перун, а также мифические либо реальные герои, как, например, князь Святослав Игоревич, Степан Разин, Кудеяр и другие. Хорошо спланирован религиозно-праздничный календарь, основанный на годовом солнечном цикле, где особое значение приобретают зимнее и летнее солнцестояние, дни равноденствия. Обряды неоязычников сопровождаются набором символов: свастика как солярный знак, трезуб, рунические тексты, специфические песнопения о природе и родной земле [9].

Первое массовое легальное богослужение неоязычниками было проведено 23 декабря 1989 года около станции Салтыковская Горьковской железной дороги г. Салтыковки Московской области и посвящено богу солнца Хорсу. Адепты языческой веры жгли огромные костры, водили хороводы, устраивали рукопашные бои славяно-горицкой борьбы, совершили церемонию «антикрещения» [10].

Для современных язычников сама родная земля священна. Но существуют и конкретные объекты поклонения, куда совершаются путешествия. Например, украинские неоязычники весьма почитают дуб в Рокитнянском районе Ровенской области, так называемое «дерево князя Игоря», которому уже около 1350 лет, заповедник «Каменная могила», где периодически проходит обряд Славления богов, остров Хортицу, Замковую гору Киева, царские курганы киммерийцев и скифов, «таврское святилище Девы» и другие.

Идеология современного неоязычества в какой-то степени утверждает теорию единой «индоевропейской» культурно-исторической общности большинства народов Евразии и призывает к возрождению ведической религии как более естественной [11, с. 13].

Заключение. В итоге можно с уверенностью отметить, что наши предки ощущали себя частью природы. Вода, дерево, камень, земля осознавались ими в качестве живых существ и требовали к себе такого же почтительного отношения, как и к людям. Даже идолы изготовлялись, главным образом, не из камня, а из дерева, как части растительного мира. Все это поддерживало традиционную календарную систему ритуалов, обрядов и странствий.

Земледельческая общинная религия составляла господствующую форму верований и культа у восточнославянских племен до их христианизации [12]. Причем эта вера не прекратилась с пришествием христианства. Так, митрополит Макарий в грамоте 1534 года написал: «Многие христиане молятся по скверным своим мольбищам деревьям и камням» [4, с. 59].

Язычество было универсальной системой, которая давала обобщающую картину мира и пронизывала все сферы человеческого быта. Сверхъестественный мир находился в постоянной взаимосвязи с миром людей. Каждая из сфер соотносилась с иерархией мифологических существ, от высших богов до низших духов [7].

Сохранившееся на протяжении тысячелетий язычество до сих пор остается частью мировоззрения некоторых белорусов, русских и украинцев [13, с. 47]. Жить в ладу с природой, к чему призывают лидеры новых языческих движений, весьма актуально для нашего времени, особенно после техногенной и духовной катастроф, последствия которых серьезнейшим образом повлияли на нашу жизнь [4, с. 75–76].

Очевидно, наша земля хранит множество нераскрытых тайн, а наши предки-язычники обладали глубокой мудростью, которую, будем надеяться, нам еще предстоит познать.

Список использованных источников

1. Манифест языческой традиции / Д. Гаврилов [и др.]. – М. : Ладога-100, 2007. – 40 с.
2. Блинова, Г. П. Истоки русских праздников и обрядов / Г. П. Блинова. – М. : Вуз. кн., 2008. – 103 с.
3. Язычество / авт.-сост.: А. А. Грицанов, А. В. Филиппович. – Минск : Кн. дом, 2006. – 382 с.
4. Левкиевская, Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. – М. : Астрель, АСТ, 2002. – 526 с.
5. Волошина, Т. А. Языческая мифология славян / Т. А. Волошина. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 445 с.
6. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – 2-е изд. – М. : Наука, 1994. – 607 с.
7. Карпов, А. В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках / А. В. Карпов. – СПб. : Алетейя, 2008. – 179 с.
8. Чудинов, В. А. Священные камни и языческие храмы древних славян : опыт эпиграфического исследования / В. А. Чудинов. – М. : Гранд Фаир-Пресс, 2004. – 618 с.
9. Сморжевская, О. А. Современное язычество в религиозно-культурной жизни: исторические очерки / О. А. Сморжевская, Р. В. Шиженский. – Н. Новгород : Историко-лит. музей финно-угор. народов им. В. Колумба, 2010. – 303 с.
10. История религий в России : учеб. / Л. А. Баширов [и др.] ; под ред. Н. А. Трофимчука. – М. : Изд-во РАГС, 2001. – 591 с.
11. Асеев, О. В. Язычество в современной России: социальный и этнополитический аспекты : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.06 / О. В. Асеев ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 1999. – 22 с.
12. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – М. : Политиздат, 1990. – 622 с.
13. Носова, Г. А. Язычество в православии / Г. А. Носова. – М. : Наука, 1975. – 152 с.

References

1. Gavrilov D., Brutal'skii N., Avdonina D., Speranskii N. *The manifesto of the pagan tradition*. Moscow, Ladoga-100 Publ., 2007. 40 p. (in Russian).
2. Blinova G. P. *The origins of Russian holidays and ceremonies*. Moscow, Vuzovskaya kniga Publ., 2008. 103 p. (in Russian).
3. Gritsanov A. A., Filippovich A. V. (comp.). *Paganism*. Minsk, Knizhnyi dom Publ., 2006. 382 p. (in Russian).
4. Levkievskaya E. *Myths of the Russian people*. Moscow, Astrel', AST Publ., 2002. 526 p. (in Russian).
5. Voloshina T. A. *Pagan mythology of the Slavs*. Rostov n/D, Feniks Publ., 1996. 445 p. (in Russian).
6. Rybakov B. A. *Paganism of the ancient Slavs*. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1994. 607 p. (in Russian).
7. Karpov A. V. *Paganism, Christianity, dual faith*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2008. 179 p. (in Russian).
8. Chudinov V. A. *Sacred stones and pagan temples of ancient Slavs*. Moscow, Grand Fair-Press Publ., 2004. 618 p. (in Russian).
9. Smorzhevskaya O. A., Shizhenskii R. V. *Modern paganism in religious and cultural life: historical essays*. Nizhny Novgorod, Historical and Literary Museum of the Finno-Ugric peoples W. Columbus, 2010. 303 p. (in Russian).
10. Bashirov L. A., Zuev Yu. P., Kerimov G. M., Trofimchuk N. A. *History of religions in Russia*. Moscow, Russian Academy of State Services, 2001. 591 p. (in Russian).
11. Aseev O. V. *Paganism in modern Russia*. Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 1999. 22 p. (in Russian).
12. Tokarev S. A. *Early forms of religion*. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 622 p. (in Russian).
13. Nosova G. A. *Paganism in Orthodoxy*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 152 p. (in Russian).

Информация об авторе

Зайцев Дмитрий Михайлович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук. Белорусская государственная академия связи (ул. Ф. Скорины, 8/2, учеб. корп. № 1, 220114, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mdizaj@tut.by

Information about the author

Dmitry M. Zaitsev – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor (Department of Humanities). Belarusian State Academy of Communications (8/2 F. Scorina Str., Edu Bldg no. 1, Minsk 220114, Belarus). E-mail: mdizaj@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.346.32-053.6
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-152-164

Поступила в редакцию 16.01.2020
Received 16.01.2020

Е. В. Шухно, А. П. Соловей

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

Аннотация. Рассматривается проблема построения системы показателей и индикаторов социологического измерения социального самочувствия. Репрезентируется авторская концептуальная схема анализа данного феномена применительно к социально-демографической группе «молодежь», включающая его основные компоненты: эмотивный, конативный, когнитивный и эвалюативный. Анализируется социальное самочувствие студенческой молодежи Республики Беларусь. Данные эмпирического социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса студентов белорусских высших учебных заведений в апреле – мае 2019 г., показывают, что студенческая молодежь Республики Беларусь оптимистически относится к жизни и испытывает к ней интерес. Большинство студентов ощущают себя счастливыми, уверены в себе и готовы к переменам, с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее, удовлетворены социально-экономическими, экологическими условиями своей жизни, а также своей жизнью в целом. В наибольшей степени студенты удовлетворены взаимоотношениями с родителями и друзьями, социальным статусом, жилищными условиями, здоровьем. Основание ценностной иерархии студенчества составляют такие ценности, как здоровье, любовь, дружба, интересная работа, профессия, семья. Наиболее актуальными проблемами для студенчества являются будущее профессиональной карьеры, состояние здоровья родных и близких, отсутствие свободного времени.

Ключевые слова: социальное самочувствие, молодежь, студенчество, концептуальная схема, показатели социального самочувствия

Для цитирования: Шухно, Е. В. Социальное самочувствие студенческой молодежи Республики Беларусь: концептуализация понятия и эмпирический анализ / Е. В. Шухно, А. П. Соловей // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 152–164. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-152-164

Yauheni V. Shukhno, Alesya P. Solovey

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL WELL-BEING OF STUDENTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CONCEPTUALIZATION OF THE TERM AND EMPIRICAL ANALYSIS

Abstract. The paper considers problem of constructing a system of indicators of a sociological research of social well-being. Authors' conceptual scheme of analysis of the phenomenon with reference to social-demographic group of "youth" is represented, including its emotive, conative, cognitive and evaluative components. Social well-being of students of the Republic of Belarus is considered. Data of the empirical sociological research conducted with a questionnaire survey of students of Belarusian higher educational institutions in April – May 2019 shows that students of the Republic of Belarus are optimistic about life and are interested in it. Most students feel happy, self-confident and are ready for change, look to the future with hope and optimism, are satisfied with the socio-economic, ecological conditions of their life, as well as their life in general. Most of all students are satisfied with relations with relatives and friends, social status, living conditions, health. The most relevant problems for students are future of their professional career, health of relatives, absence of free time.

Keywords: social well-being, youth, students, conceptual framework, indicators of social well-being

For citation: Shukhno Ya. V., Solovey A. P. Social well-being of students of the Republic of Belarus: conceptualization of the term and empirical analysis. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 152–164 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-152-164

[1] Статья подготовлена в рамках реализации проекта, поддержанного БРФФИ «Наука-М», договор № Г18М-017 «Социальное самочувствие молодежи в системе показателей эффективности государственной молодежной политики Республики Беларусь».

© Шухно Е. В., Соловей А. П., 2020

Введение. Актуальность изучения социального самочувствия молодежи в целом и студенческой молодежи в частности определяется тем, что уровень социального самочувствия выступает в качестве одного из основных показателей, характеризующих эффективность государственной молодежной политики. Анализ социального самочувствия студенческой молодежи позволяет адресно, дифференцировано выстраивать государственную молодежную политику относительно данной категории молодежи, что обеспечит дальнейшее повышение эффективности реализации республиканских программ в сфере государственной молодежной политики.

Изучение социального самочувствия студенческой молодежи Беларуси как одно из направлений научных исследований молодежной проблематики актуализируется законодательством Республики Беларусь. Так, согласно статье 23 «Информационное и научное обеспечение государственной молодежной политики» Закона Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» от 7 декабря 2009 г. № 65-З, «в республиканских программах в сфере государственной молодежной политики должно предусматриваться проведение научных исследований по проблемам молодежи» [17].

Эффективное государственное управление предполагает наличие у населения в целом и молодежи в частности достаточно высокого уровня социального самочувствия, который достигается посредством социально-политической стабильности, поддержания приемлемого уровня жизни населения, существующими перспективами социального, политического, экономического и культурного развития.

Основная часть. Показатели и индикаторы социального самочувствия, вырабатываемые в ходе процедур интерпретации и операционализации, позволяют осуществить переход от концептуализации понятия к построению инструментария эмпирического социологического исследования. Проблематикой построения показателей и индикаторов социального самочувствия занимались такие белорусские социологи, как С. А. Шавель, Л. П. Галич, Л. В. Филинская, Л. А. Соглаева, В. В. Кириенко [3; 12; 19; 22]. Среди российских ученых необходимо отметить таких исследователей, как М. И. Корнилова, Я. Н. Крупец, О. Н. Суняйкина, Л. И. Михайлова, Р. И. Зинурова, Ф. Ф. Фатыхова, Р. В. Карамельский, Б. А. Грушин, А. А. Грачев, А. А. Русалинова и др. [5; 6; 9; 10; 14–16; 21]. Социальному самочувствию непосредственно молодежи и студенчества посвящены исследования Т. А. Гужавина, Б. В. Давыдова, Л. Е. Петрова, В. П. Щербакова [7; 8; 18; 23]. Наиболее известные украинские исследователи социального самочувствия – это Е. И. Головаха, Н. В. Панина, А. П. Горбачик [4].

Белорусский социолог Л. П. Галич определяет *социальное самочувствие* как «эмерджентный (новоявленный) уровень индивидуального и общественного сознания, формирующийся в процессе восприятия и оценок состояния социума и собственной жизни с точки зрения настроения и самочувствия, удовлетворенности жизнью и материального благополучия, терпимости и оптимизма, что обусловливает активность его носителей, побуждая к целенаправленным формам социального действия» [3, с. 43]. По мнению основателя отечественной школы теории и методологии социологических исследований С. А. Шавеля, социальное самочувствие выступает показателем, отражающим индивидуальный жизненный тонус, восприятие собственного социального положения, состояние самого общества. Базовые эмпирические индикаторы социального самочувствия включают: самооценки настроения, эмоционального состояния, жизненной удовлетворенности и материального благополучия, оценки экономического потенциала и политической ситуации в стране, оценки перспектив повышения качества жизни и изменения экономической, политической, социальной и духовной сфер [22, с. 84].

Социальное самочувствие является интегральной характеристикой, отражающей общий уровень удовлетворенности жизнью, оценку своих жизненных перспектив (в том числе личных, профессиональных, образовательных и др.), оценку социально-экономической и общественно-политической ситуации в обществе, связанное с данными аспектами стремление (или его отсутствие) к изменению сложившейся личной жизненной ситуации, к участию в общественно-политических процессах в той или иной форме. Следует отметить, что в научной литературе отсутствует единая трактовка категории «социальное самочувствие», что обусловливает необходимость его методологической адаптации применительно к изучаемой категории населения.

Изучение социального самочувствия предполагает построение концептуальной схемы, чему предшествует процедура концептуализации понятия «социальное самочувствие молодежи», которая призвана обеспечить теоретическую организацию и схематизацию изучаемого явления (рис. 1). Тем самым концептуальное объяснение эксплицирует интерпретационный фактор, который задает ту или иную объяснительную стратегию. Концептуальная схема отражает существенные стороны социального самочувствия молодежи и включает набор необходимых исходных концептов-конструктов, задавая теоретическое понимание целостности изучаемого объекта. Концепт – «содержание понятия, его смысловая наполненность в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения» – выступает базовым элементом концептуальной схемы [1, с. 461]. Каждый концепт занимает четко обозначенное место на том или ином уровне концептуальной схемы.

Следует отметить, что концептуальная схема имеет многоуровневый характер, внутри которой формируется структура концептов. По мнению В. Л. Абушенко, «концептуальную схему можно определить как определенную совокупность гипотез и предположений о природе исследуемых объектов, основанную на имеющихся теоретических выводах и заключениях, схватывающую тенденции и зависимости (законы) между отдельными компонентами исследуемой области и соответствующую сложившейся системе понятий и позволяющую выходить (через интерпретационную схему) на уровень эмпирической работы с заданными предметами (установление внешних связей понятий)» [2, с. 463]. Следовательно, концептуальная схема социального самочувствия молодежи состоит из двух основных концептов: «социальное самочувствие» и «молодежь», которые в свою очередь определяются через совокупность микро- и макроуровневых конструктов.

Предметная рамка теоретизирования при концептуализации социального самочувствия молодежи задается концептом «социальное самочувствие», схватывая максимально возможную предметную область рассматриваемого концептуального пространства в целом безотносительно к конкретной социальной общности, тогда как концепт «молодежь» дифференцирует объектную рамку анализа. Последняя позволяет соотнести смысловое содержание категории «социальное самочувствие» сообразно с определенным социальным объектом – молодежью, категорируя релевантные для данной социально-демографической группы показатели и позволяя наполнить их соответствующим содержанием при переходе от процедуры концептуализации к процедуре операционализации, рассматривая их как основные понятия эмпирического социологического исследования.

Структурное измерение анализируемого социального феномена представляет собой сложную взаимосвязь психологического и социального аспектов, с которыми достаточно жестко сопряжены эмоциональный и конативный компоненты соответственно и значительно менее строго когнитивный и эвалюативный компоненты [3, с. 74]. Однако, несмотря на взаимосвязанность когнитивного и эвалюативного компонентов с психологическим и социальным аспектами социального самочувствия, два названных компонента тяготеют к психологическому аспекту. Каждый из четырех компонентов социального самочувствия включает в себя ряд частных показателей, которые операционализируются до индикаторов, позволяя перейти к конструированию инструментария эмпирического социологического исследования.

Эмотивный компонент (восходящий непосредственно к психологическому аспекту) раскрывается через доминирующие чувства и настроения, ситуативные эмоциональные состояния, которые определяют наличие или отсутствие удовлетворенности и уверенности в своей жизни и деятельности.

Конативный компонент (восходящий к социальному аспекту) включает в себя проявление готовности или неготовности людей к тем или иным действиям по изменению своей жизни и деятельности, уровня социальной активности. Структурно в него включены жизненные цели и планы, которые вместе с готовностью к действованию сопряжены с ценностными ориентациями личности.

Два следующих компонента социального самочувствия молодежи – когнитивный и эвалюативный – находятся в определенной структурной взаимосвязи посредством такой составляющей когнитивного компонента, как «оценки». *Когнитивный компонент* включает знание, которым индивид руководствуется в повседневной жизни, а также восприятие и осмысление людьми социальных процессов, своих социальных ожиданий и своего места в системе общественных отношений (социальных позиций), оценку представлений о себе как субъекте социальной деятельности.

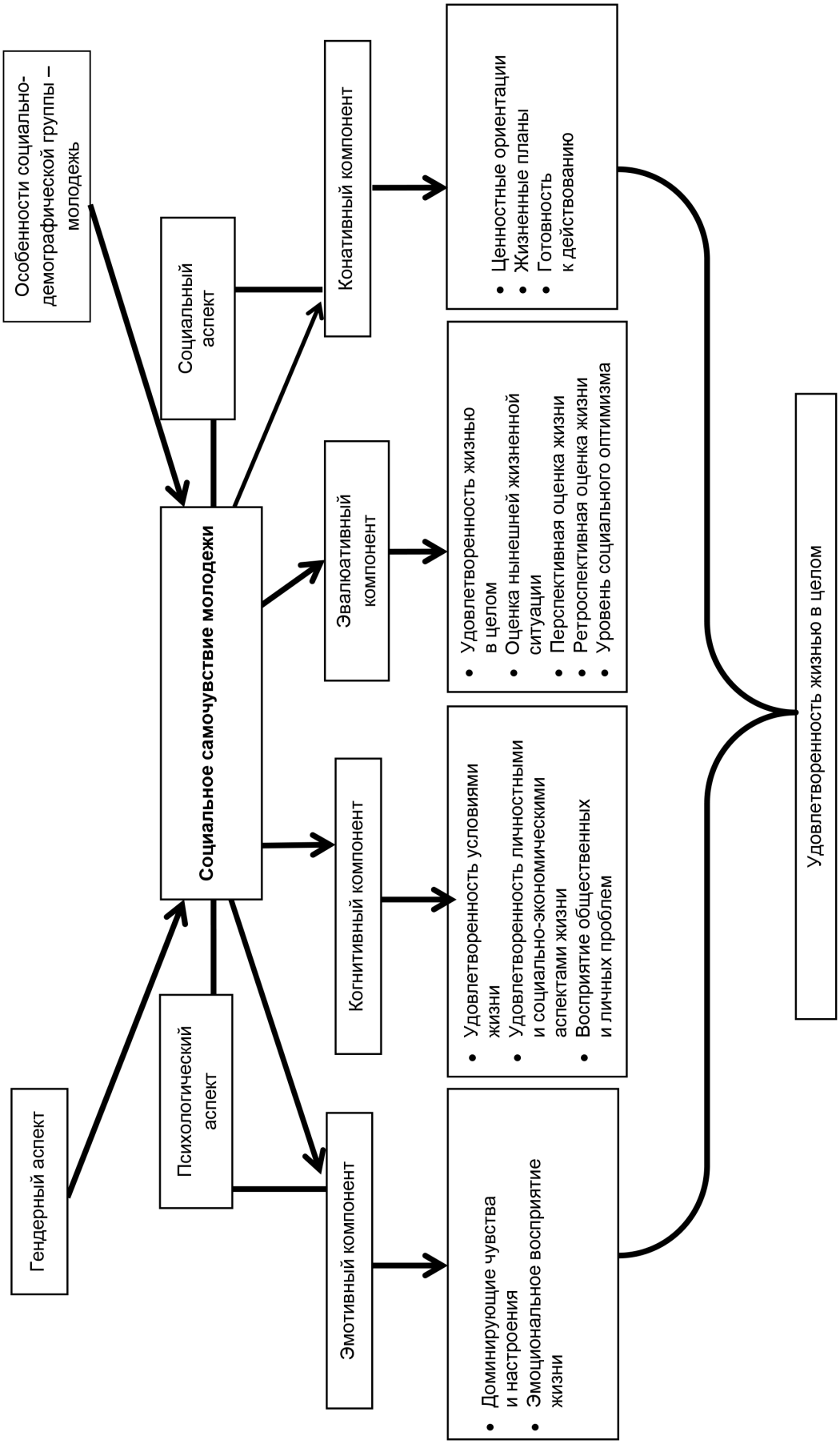

Рис. 1. Концептуальная схема социологического измерения социального самочувствия молодежи

Fig. 1. Conceptual scheme of sociological measurement of social well-being of youth

Введение в концептуальную схему социального самочувствия отдельного эвалюативного компонента обусловлено его интегративным характером по отношению к эмотивному, когнитивному и конативному компонентам. Так, в *эвалюативном (оценочном)* компоненте выражается степень субъективного благополучия личности, которая операционализируется через такие концепты, как индекс терпения и индекс оптимизма, а также через удовлетворенность жизнью в целом как интегральный показатель субъективного благополучия. Эвалюативный компонент позволяет понять основания осуществления того или иного выбора на когнитивном и эмотивном уровнях. Также данный компонент позволяет объяснить и стратегические предпочтения на конативном уровне.

При дифференциации объектной рамки анализа рассматриваемой нами концептуальной схемы «молодежь» выступает основным понятием. Особенности данной социально-демографической группы в силу специфических характеристик являются одним из детерминирующих факторов социального самочувствия. *Молодежь* – это «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [13, с. 476]. Молодежь представляет собой наиболее активную социально-демографическую группу, которая характеризуется высоким уровнем мобильности, освоением новых социальных ролей, процессами социализации, адаптации, идентификации и активным поиском своего места в жизни. В силу чего молодежь во многом подвержена влиянию окружения и средств массовой информации. Данное влияние зачастую носит негативный характер, не только воздействуя на мировоззрение молодых людей, но также и побуждая их к определенным деструктивным поведенческим моделям, что в свою очередь в значительной мере обусловливает (конструирует) соответствующее социальное самочувствие молодежи.

Также необходимо отметить гендерный аспект социального самочувствия, поскольку одним из факторов социального самочувствия могут выступать гендерные различия в силу существования гендерной асимметрии относительно потребностей, установок, ценностных ориентаций, удовлетворенности основными сферами жизни. Исследование различных составляющих социального самочувствия молодежи в гендерном разрезе позволит обеспечить приращение теоретического знания посредством выработки специфических показателей и индикаторов. С точки зрения практической значимости экспликация влияния гендерного аспекта на социальное самочувствие молодежи позволит обоснованно подойти к выработке рекомендаций по корректировке и повышению уровня социального самочувствия молодых мужчин и женщин.

Рассмотрим основные показатели социального самочувствия студенческой молодежи в соответствии с его компонентами по результатам прикладного социологического исследования, проведенного в апреле–мае 2019 года. Методом сбора первичной социологической информации являлся анкетный опрос студенческой молодежи (в данном исследовании опрос был групповым, очным, раздаточным, письменным и разовым). Генеральная совокупность представлена студентами очной (дневной) формы получения высшего образования, обучающимися как на бюджетной, так и на платной основе в высших учебных заведениях Республики Беларусь, и составила 159,8 тыс. человек в 2017/2018 учебном году [20, с. 149]. Выборочную совокупность составили 992 респондента ($\Delta = \pm 3{,}1$ %, при $\alpha = 0{,}05$), которые обучаются в учреждениях образования Минска, Гомеля, Гродно, Витебска, Могилева, Бреста.

Как было отмечено ранее, структура социального самочувствия включает эмоциональный, когнитивный, эвалюативный и конативный компоненты. *Эмотивный компонент* социального самочувствия студенческой молодежи в данном исследовании включает в себя эмоциональное восприятие своей жизни, субъективное ощущение счастья. Показатель *«эмоциональное восприятие жизни»* отражает настроение, испытываемые чувства, уверенность в будущем и перспективные возможности. Одним из индикаторов данного показателя является оценка эмоционального

состояния как обобщающая характеристика переживаемых студентами чувств. С данной целью респондентам был задан вопрос, в котором предлагалось выбрать одну из позиций: «Какие чувства в последнее время Вы испытываете чаще всего?». Эмоциональное состояние респондентов характеризуется следующим: интерес к жизни испытывали 83,0 % (безразличие к жизни – 17,0 %), радость – 72,1 % (печаль – 27,9 %), оптимизм – 72,0 % (пессимизм – 28,0 %), уверенность в себе – 62,5 % (неуверенность – 37,5 %), спокойствие – 48,1 % (тревожность – 51,9 %), уверенность в завтрашнем дне – 47,9 % (неуверенность в завтрашнем дне – 52,1 %).

Из позитивных чувств у студенческой молодежи преобладают интерес к жизни, радость, оптимизм, готовность к переменам и уверенность в себе. При этом юноши оказались более уверенными в себе, чем девушки: 68,8 % и 58,0 % соответственно. В то же время интерес к жизни больше испытывают девушки, нежели юноши: 86,1 % и 78,6 % соответственно. Из негативных чувств у студентов преобладает тревожность и неуверенность в завтрашнем дне. Доля тех, кто испытывает тревожность, выше среди девушек (57,2 %), чем юношей (43,9 %). Следует отметить, что 72,4 % студентов ощущают себя счастливыми. В то же время 18,7 % респондентов не ощущают себя таковыми, 8,9 % затруднилась с ответом. Доля тех, кто ощущает себя счастливыми, выше среди девушек (76,3 %), чем юношей (66,9 %).

Когнитивный компонент представлен оценками студенческой молодежи условий своей жизни, восприятием проблем общественного развития, оценкой различных аспектов своей жизни и восприятием личных проблем. В табл. 1 представлена степень удовлетворенности студентов различными условиями своей жизни в Республике Беларусь.

Таблица 1. **Степень удовлетворенности студентов различными условиями своей жизни в Республике Беларусь, %, по выборке в целом**

Table 1. **Satisfaction of students with various conditions of their life in the Republic of Belarus, %, sample in general**

Степень удовлетворенности	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Полностью не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Деятельностью учреждений культуры, искусства	11,3	49,2	22,8	7,3	9,5
Деятельностью учреждений физкультуры и спорта	16,2	49,2	18,1	5,3	11,3
Деятельностью учреждений здравоохранения	7,7	34,9	35,8	13,6	8,1
Качеством получаемого образования	13,0	43,1	29,5	9,2	5,2
Уровнем общественной безопасности	20,9	46,6	17,6	6,7	8,2
Условиями для самореализации (творческой, образовательной, личностной)	12,3	39,3	28,0	12,8	7,7
Экологическими условиями	17,3	44,9	23,5	8,4	5,9

Две трети студентов удовлетворены уровнем общественной безопасности (67,5 %), а также деятельностью учреждений физкультуры и спорта (65,4 %). Более половины студентов удовлетворены экологическими условиями (62,2 %), деятельностью учреждений культуры, искусства (60,5 %), качеством получаемого образования (56,1 %), условиями для самореализации (51,6 %). Деятельностью учреждений здравоохранения удовлетворены 42,6 % студентов, не удовлетворены – 49,4 %.

В табл. 2 отражена степень удовлетворенности студентов различными аспектами своей жизни. Оценка молодежью удовлетворенности личностно-эмоциональными и социально-экономическими аспектами своей жизни оказывает непосредственное влияние на интегральный уровень социального самочувствия.

В наибольшей степени студенты удовлетворены взаимоотношениями с родителями (89,5 %), взаимоотношениями с друзьями (88,1 %), социальным статусом (78,2 %), жилищными условиями (76,4 %), здоровьем (74,8 %). Более половины респондентов удовлетворены проведением досуга

(71,3 %), своей общественной активностью (68,6 %), учебной деятельностью (63,1 %), эмоционально-психологическим состоянием (61,4 %), возможностью реализовать свои жизненные цели (61,1 %), устроенностью личной жизни (60,2 %), степенью реализации своих способностей (58,2 %). Финансовым положением удовлетворены менее половины опрошенных – 46,0 %, практически половина студентов данным аспектом не удовлетворена – 49,5 %.

Таблица 2. **Степень удовлетворенности студентов различными аспектами своей жизни, %, по выборке в целом**

Table 2. **Satisfaction of students with various aspects of their life, %, sample in general**

20. *Republic of Belarus: statistical yearbook, 2018*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2018. 490 p. (in Russian).

21. Sunyaikina O. N. Concept of "social well-being" in sociology. *Vestnik Mordovskogo universiteta = Mordovia University Bulletin*, 2011, no. 3, pp. 98–101 (in Russian).

22. Shavel' S. A., Galich L. P. Social well-being of population of Belarus and Russia: a comparative sociological analysis. *Sotsiologiya* [Sociology], 2012, no. 1, pp. 76–95 (in Russian).

23. Shcherbakova V. P. Subjective well – being of youth as the complex indicator of her social adaptation for societal transformations in Russia. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tula State University. Film Humanities,* 2011, iss. 3, pt. 1, pp. 221–232 (in Russian).

Информация об авторах

Шухно Евгений Валерьевич – магистр социологических наук, научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: *eshuhno@mail.ru*

Соловей Алеся Петровна – магистр социологических наук, научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: *alesia.salaviej@gmail.com*

Information about the authors

Yauheni V. Shukhno – MA (Sociol.), Scientific Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: *eshuhno@mail.ru*

Alesya P. Solovei – MA (Sociol.), Scientific Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: *alesia.salaviej@gmail.com*

Уводзіны. Вывучэнне гісторыі лібералізму пачатку XX ст. уяўляе сабой актуальную навуковую і палітычную задачу. У глабальнай трансфармацыі ўсіх бакоў грамадскага і дзяржаўнага жыцця, якую перажываюць з канца мінулага стагоддзя беларускія землі, ліберальная ідэалогія і палітычная практыка адыгрываюць адну з вядучых роляў. Практычна немагчыма ўявіць сучасную палітычную сістэму дэмакратычнай дзяржавы без партый і рухаў ліберальнага кірунку. Гісторыя XX ст. паказала, што ліберальныя каштоўнасці, нягледзячы на ўсе выпрабаванні, застаюцца прыцягальнымі для значнай колькасці людзей. У сувязі з гэтым актуалізуецца даследаванне гісторыі ліберальных партый пачатку XX ст., у якіх пачаўся якасна новы перыяд развіцця. Падчас Першай расійскай рэвалюцыі аформіліся ліберальныя партыі (Канстытуцыйна-дэмакратычная партыя (КДП), «Саюз 17 кастрычніка»), якія актыўна дзейнічалі на палітычнай арэне да ўсталявання савецкай улады ў краіне. За гэты час яны распрацавалі мадэль перабудовы Расійскай імперыі, куды ўваходзілі і беларускія землі, заснаваную на прынцыпах грамадзянскай супольнасці і прававой дзяржавы. Нягледзячы на тое, што ліберальныя каштоўнасці не былі ўспрыняты большай часткай грамадства, дзейнасць палітычных партый ліберальнага кірунку таго часу дае павучальныя ўрокі для сучаснасці, іх ідэі выкарыстоўваюцца ў палітычнай практыцы ў нашы дні.

Гэтым абумоўлена навуковая задача – аб'ектыўна і ўсебакова прааналізаваць працэс, вынікі, значэнне і перспектывы даследавання гісторыі ліберальных партый і іх адгалінаванняў на тэрыторыі Беларусі ў пачатку XX ст. Такая праца дазволіць зрабіць больш поўнымі і аб'ектыўнымі навуковыя ўяўленні аб палітычнай гісторыі нашай краіны ў XX ст., развіцці айчыннай гістарыяграфіі на працягу стогадовага перыяду, выявіць праблемы і вызначыць задачы далейшага развіцця гістарычнай думкі.

Розныя аспекты гісторыі палітычных партый пачатку XX ст. распрацоўваліся многімі даследчыкамі. Пры вызначэнні перыядаў у развіцці гістарыяграфіі вывучэння палітычных партый найбольш часта ўжываецца агульная перыядызацыя гісторыі гістарычнай навукі, цесна звязаная з асноўнымі этапамі айчыннай гісторыі. У сувязі з гэтым вылучаецца дарэвалюцыйная, савецкая і сучасная (ці найноўшая) гістарыяграфія.

Асноўная частка. Асновы вывучэння палітычных партый закладваліся ў дарэвалюцыйны перыяд. Першыя спробы асвятлення гісторыі лібералізму пачатку XX ст. былі зроблены гісторыкамі, палітыкамі, грамадскімі дзеячамі ва ўмовах вострай ідэйна-палітычнай барацьбы 1905–1917 гг. Большасць аўтараў пры гэтым былі непасрэднымі ўдзельнікамі апісваемых падзей (М. М. Вінавер, М. А. Грэдэскул, П. М. Мілюкоў, П. Б. Струвэ і інш.) [1–4]. Іх працы з'яўляюцца адначасова і гістарыяграфічным фактам, і крыніцай. З аднаго боку, яны неслі значную факталагічную інфармацыю, але ў той жа час змяшчалі ацэнкі і характарыстыкі, якія выходзілі на ўзровень канцэптуальных абагульненняў.

Асноўныя канцэптуальныя падыходы да гісторыі лібералізму вынікалі з палітычных поглядаў аўтараў і адпавядалі тром асноўным напрамкам грамадскай думкі: ліберальнаму, кансерватыўнаму, сацыялістычнаму.

Першы зыходзіць з таго, што галоўная мэта лібералаў – мірнае эвалюцыйнае рэфармаванне краіны на прынцыпах грамадзянскай супольнасці і прававой дзяржавы на аснове разумнага кампрамісу з уладай. Адсюль вынікае прызнанне тактыкі заканадаўчай парламенцкай работы як адзінага магчымай ва ўмовах, якія складваліся на пачатку XX ст. (з 1906 г.). Пры гэтым асноўная віна за рэвалюцыйныя ўзрушэнні ўскладвалася, з аднаго боку, на ўладу, якая не здолела знайсці паразумення з грамадствам і ліберальнай апазіцыяй, з другога – на левыя партыі, якія займалі дэструктыўныя пазіцыі, а ў Дзяржаўнай думе займаліся рэвалюцыйнай прапагандай замест парламенцкай работы.

У аснове кансерватыўнага погляду на лібералізм знаходзілася сістэмаўтваральная ідэя аб тым, што лібералізм як з'ява заходняй цывілізацыі не адпавядала гістарычным рэаліям Расійскай імперыі. Пры такім падыходзе лібералы з'яўляліся ледзь не галоўнымі вінаватымі ў сацыяльна-эканамічным і палітычным крызісе ў пачатку XX ст. Дадзеныя тэарэтычныя ўстаноўкі вызначылі як "абвінаваўчую" накіраванасць, так і тэматыку работ пра лібералаў. Аўтары кансерватыўнага напрамку, правыя лібералы не лічылі патрэбным сур'ёзна аналізаваць сістэму поглядаў

і каштоўнасцей расійскіх лібералаў, ідэалогію іх палітычных партый, якія дзейнічалі ў тым ліку і на беларускіх землях.

Крытычныя характарыстыкі дзейнасці ліберальных партый былі ўласцівы работам аўтараў, якія прытрымліваліся сацыял-дэмакратычнай ідэалогіі (меншавікоў і бальшавікоў), хаця ўзровень крытыкі, якая змяшчаецца ў меншавіцкай і бальшавіцкай літаратуры, быў розным.

У 1909–1914 гг. пад рэдакцыяй сацыял-дэмакратаў Ю. В. Мартава, С. М. Маслава і А. М. Патрэсава выйшаў пяцітомнік «Общественное движение в России в начале XX века» [5]. Зборнік з'яўляўся спробай асэнсавання перадумоў, ходу і вынікаў Першай расійскай рэвалюцыі. У ім змяшчаецца аналіз гісторыі ўсіх галоўных палітычных партый Расіі, у тым ліку прыводзяцца некаторыя звесткі аб колькасці і тактыцы кадэтаў і акцябрыстаў на тэрыторыі Паўночна-Заходняга краю. Аўтары сцвярджалі, што ліберальная буржуазія з'яўлялася актыўнай апазіцыйнай сілай у барацьбе з самадзяржаўем. Больш таго, партыю кадэтаў аўтары-меншавікі адназначна лічылі дэмакратычнай.

Іншыя ацэнкі лібералаў змяшчаліся ў працах бальшавіцкіх аўтараў, дзе даказваліся буржуазная класавая накіраванасць ліберальных партый і контррэвалюцыйны характар іх дзейнасці. Гэта даследаванні В. В. Вараўскага, А. В. Луначарскага, а таксама іншых аўтараў і, галоўным чынам, У. І. Леніна, які адыграў галоўную ролю ў фарміраванні гістарыяграфічнай традыцыі, што стане адзінай у СССР [6; 7, с. 410]. У такіх працах дэкларавалася, што галоўная мэта лібералаў – усталяваць у краіне буржуазны лад, ліквідаваўшы пражыткі феадалізму. Але на рашучыя метады барацьбы лібералы былі няздольны з-за баязлівасці і слабасці буржуазіі, цесна звязанай з самадзяржаўем, а таксама з-за асцярогі выклікаць у краіне народную рэвалюцыю. Адсюль вынікаюць умеранасць тактыкі лібералаў і іх імкненне дамовіцца з імператарскай уладай. У цэлым жа, на думку сацыялістаў, парламенцкая тактыка ліберальнай апазіцыі не магла прынесці поспеху з-за слабасці лібералаў і вастрыні пражывемага краінай крызісу, пераадолець які можна было толькі рэвалюцыйным шляхам.

Асаблівае месца ў дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі займае выдадзены ў 1910 г. пад рэдакцыяй А. І. Кастэлянскага зборнік "Формы национального движения в современных государствах", які быў напісаны калектывам даследчыкаў на матэрыялах трох імперый – Аўстра-Венгерскай, Расійскай і Германскай [8]. На прыкладзе нацыянальных рэгіёнаў Расійскай імперыі аўтары характарызавалі пашырэнне ліберальнай ідэалогіі, у тым ліку і на беларускіх землях. У раздзеле "Недержавные национальности и первые этапы национального строительства" былі змешчаны публікацыі М. Грушэўскага – аб украінцах, Р. Петэрсана – аб латышах, С. Дубнова – аб яўрэях, Л. Кржывіцкага і М. Ромера – аб паляках Польшчы і Паўночна-Заходняга краю, З. Авалава – аб грузінах, С. Ціграняна – аб армянах. У гэты ж раздзел увайшоў артыкул А. Навіны (А. Луцкевіча) "Белорусы", дзе аўтар аналізуе прычыны і перадумовы зараджэння беларускага нацыянальнага руху [9, с. 32–33].

Такім чынам, у дакастрычніцкі перыяд пачалі фарміравацца некалькі гістарыяграфічных традыцый асвятлення праблемы. Гэта разнастайнасць, як правіла, была звязана з адрозненнем ідэалагічных пазіцый, светапоглядным плюралізмам аўтараў, якія належалі да тых ці іншых палітычных (партыйных) груповак і падзялялі іх погляды і праграмы. Аднак у Расіі пасля кастрычніцкіх (1917 г.) падзей атрымала развіццё толькі бальшавіцкая канцэпцыя. Астатнія былі выцеснены разам з іх носьбітамі за межы дзяржавы і рэалізоўваліся ў працах эмігрантаў, а з цягам часу – у працах заходніх навукоўцаў.

Савецкі перыяд гістарыяграфіі праблемы звязаны з афармленнем і функцыянаваннем аднапартыйнай палітычнай сістэмы. Ён характарызуецца наяўнасцю адной метадалагічнай парадыгмы (марксісцка-ленінскай). Многія пытанні, звязаныя з гісторыяй "непралетарскіх" партый, знаходзіліся пад ідэалагічнай забаронай. Гэтым тлумачыцца малая колькасць даследаванняў, прысвечаных арганізацыям ліберальнага кірунку.

Пачатак вывучэнню арганізацыйнай структуры, асаблівасцей ідэалогіі і тактыкі ліберальнай апазіцыі ў Беларусі быў пакладзены ў артыкуле А. Бонч-Асмалоўскага, уключанага ў зборнік «Беларусь», які быў выдадзены ў 1924 г. у сувязі з пяцігоддзем абвяшчэння БССР [10]. Аўтар закрануў палітычны аспект у дзейнасці такіх арганізацый, як Таварыства аматараў выяўленчага

мастацтва, Пушкінскай бібліятэкі, Таварыства аховы жанчын і іншых. Аднак пісаў ён, галоўным чынам, пра апазіцыю царызму ў Мінскай губерні.

На пачатку XX ст. ліберальнай ідэалогіі, асабліва пры вырашэнні нацыянальнага і аграрнага пытанняў, прытрымліваліся некаторыя яўрэйскія і польскія палітычныя партыі, якія распаўсюджвалі сваю дзейнасць на тэрыторыі Беларусі.

Пытанні яўрэйскага ліберальнага руху на беларускіх землях закранаюцца ў працах Ю. І. Гесена і С. М. Дубнова, прысвечаных гісторыі яўрэяў у Расійскай імперыі [11; 12]. Дзейнасць Саюза дасягнення раўнапраўя яўрэяў у Расіі, а таксама іншых яўрэйскіх грамадскіх арганізацый часткова асвятлялася ў зборніках "Расія і яўрэі", якія выдаваліся за мяжой [13].

Польскі нацыянальны рух на беларускіх землях у айчыннай гістарыяграфіі доўгі час не з'яўляўся аб'ектам спецыяльнага даследавання. Хаця існуюць працы, прысвечаныя асобным аспектам гэтага руху. Так, шмат справядлівых заўваг наконт дзейнасці на тэрыторыі Беларусі польскіх землеўладальнікаў і гарадской інтэлігенцыі можна знайсці у кнізе А. Цвікевіча [14]. Палітычную дзейнасць польскіх землеўласнікаў і прадстаўнікоў каталіцкага духавенства ў сваёй манаграфіі разгледзеў К. Шабуня [15]. Ён засноўваўся, галоўным чынам, на аналізе думскіх выступленняў польскіх дэпутатаў і разглядаў толькі той аспект іх палітычнай дзейнасці, які быў звязаны з аграрным пытаннем. Пры гэтым аўтар грунтаваўся на пазіцыі, што адзіным абаронцам сялянства былі бальшавікі і толькі іх праграма цалкам адпавядала гэтым інтарэсам. Адным з першых польскіх даследчыкаў, хто прадпрыняў спробу аналізу польскага нацыянальнага руху на тэрыторыі Беларусі, быў публіцыст, навуковец і палітык Л. Васілеўскі [16]. Ён ахарактарызаваў першыя польскія палітычныя партыі краю, прычым асноўную ўвагу ўдзяліў Канстытуцыйна-каталіцкай партыі і Польскай дэмакратычна-нацыянальнай партыі на Літве, якія па многіх пытаннях займалі ліберальныя пазіцыі.

У канцы 1950-х – 1970-я гг. крытыка культу асобы Сталіна, спробы пераасэнсавання асобных гістарычных фактаў узмацнілі цікавасць да вывучэння непралетарскіх партый. Аднаўлялася ленінская канцэпцыя трох палітычных лагераў у Першай расійскай рэвалюцыі, што павысіла цікавасць і да гісторыі лібералізму ў Расійскай імперыі. Аднак да канца 1960-х гг. у савецкай гістарыяграфічнай навуцы не існавала даследаванняў з комплексным аналізам усіх бакоў праблематыкі ліберальных партый. Вывучаліся толькі яе асобныя аспекты, найбольшая ўвага надавалася аграрнаму, нацыянальнаму пытанням, праблеме ўвядзення земстваў у заходніх губернях. Найперш, гэта працы У. В. Коміна і Л. М. Спірына [17; 18].

У 1970–1980-я гг. выходзяць працы па гісторыі асобных партый ліберальнага кірунку. Ліберальным рухам пачатку XX ст. займаліся К. Ф. Шаціла, Н. А. Балашова і іншыя даследчыкі [19–20]. Упершыню лібералізм стаў разглядацца як цэласная з'ява, якая бярэ пачатак у земскім лібералізме, такім чынам, была пастаўлена праблема ўзаемасувязі "старога" паслярэформеннага земскага лібералізму з "палітычным кірункам расійскай буржуазіі" напярэдадні і ў перыяд Першай расійскай рэвалюцыі. Была таксама ўдакладнена перыядызацыя працэсу станаўлення лібералізму ў Расіі як комплекснай з'явы ідэалогіі, палітыкі і арганізацыі.

Аб розных аспектах гісторыі Канстытуцыйна-дэмакратычнай партыі пісалі В. В. Шалахаеў, Н. Г. Думава і іншыя гісторыкі [21–23]. В. В. Шалахаеў даследаваў асноўныя этапы стварэння партый кадэтаў і акцябрыстаў, іх арганізацыйную структуру і колькасць, сацыяльны склад, праграмныя палажэнні і тактыку. Праўда, аб дзейнасці канстытуцыйных дэмакратаў і "Саюза 17 кастрычніка" ў беларускіх губернях у яго працах згадваецца толькі эпізадычна [21–22]. У манаграфіі Н. Г. Думавай былі разгледжаны асобныя аспекты дзейнасці фракцыі кадэтаў у IV Дзяржаўнай думе, зроблена спроба вывучэння лібералаў у комплексе з іншымі расійскімі партыямі ў кантэксце вырашэння імі тых ці іншых праблем (аграрнай, нацыянальнай і інш.) [23]. Я. Д. Чэрменскі прааналізаваў пазіцыі расійскай буржуазіі і дзеянні царскага ўрада ў ходзе Першай расійскай рэвалюцыі. У яго манаграфіі ёсць сведчанні і пра дзейнасць ліберальнай апазіцыі на тэрыторыі Беларусі [24]. У цэлым, аўтарамі была зроблена спроба выявіць узровень апазіцыйнасці ліберальных партый, у прыватнасці кадэтаў, напярэдадні і ў ходзе Першай расійскай рэвалюцыі, была пастаўлена праблема характару перапляцення апазіцыйных і згодніцкіх тэндэнцый у пра-

чае, што канкрэтная праграма лібералізму змяняецца ў адпаведнасці з тым, дэфіцыт якіх правоў (эканамічных, сацыяльных, палітычных, нацыянальных, рэлігійных) асабліва адчувальны для дадзенага грамадства. Адсюль, на думку даследчыка, вынікае даволі распаўсюджаная супярэчнасць: «Постоянное изменение форм либеральной идеологии и даже некоторых ее содержательных параметров» [33, с. 43].

У пачатку 1990-х гг. з'яўляюцца айчынныя даследаванні, у якіх адным з кампанентаў выступае вывучэнне ліберальнай тэматыкі. Гэта працы па гісторыі беларускай дзяржаўнасці, аграрнага пытання, расійскіх рэвалюцый і палітычных партый [34–36]. Пэўную ролю адыгрываюць даследаванні па гісторыі сумежных праблем – земскага самакіравання, Дзяржаўнай думы, Часовага ўрада, расійскага палітычнага масонства [37–39]. Разам з тым неабходна адзначыць, што большасць даследаванняў праводзілася ў агульнарасійскім кантэксце. Спецыфіка, умовы дзейнасці ліберальных партый і іх адгалінавнняў на беларускіх землях вывучаліся не дастаткова.

У апошнія гады беларускія гісторыкі працягваюць вывучаць праблемы гісторыі ліберальных партый. Гэтай тэматыцы прысвечана даследаванне Д. С. Лаўрыновіча [40]. Асноўная ўвага ў працы нададзена аналізу дзейнасці вядучых палітычных партый ліберальнага кірунку – канстытуцыйных дэмакратаў і акцябрыстаў, а таксама арганізацый, якія падзялялі іх ідэалогію. Раскрыты ўмовы іх фарміравання на тэрыторыі Беларусі: наяўнасць пэўных сацыяльных слаёў грамадства – чыноўнікаў, інтэлігенцыі, памешчыкаў рымска-каталіцкага веравызнання; грамадскіх арганізацый і органаў самакіравання (гарадскіх і земскіх), якія атрымалі ва ўмовах Першай расійскай рэвалюцыі магчымасць рэалізаваць свае палітычныя мэты. Важным у даследаванні з'яўляецца аналіз тэрытарыяльнага размяшчэння, арганізацыйнай структуры, колькасці, канфесійнага, нацыянальнага і сацыяльнага складу ліберальных арганізацый і іх саюзнікаў у заходніх губернях, дзе ў параўнанні з іншымі рэгіёнамі Расійскай імперыі вялікім было прадстаўніцтва католікаў і іўдзеяў. Разам з тым аўтар фактычна не закранае пытання аб магчымасці кансалідацыі розных аб'яднанняў у адзіную партыю беларускага лібералізму. Раскрываючы дзейнасць ліберальных арганізацый, аўтар не надае належнай увагі аналізу польскіх палітычных партый ліберальнага кірунку, якія распаўсюджвалі сваю дзейнасць на тэрыторыю Беларусі. У той жа час у даследаванні абгрунтавана сцвярджаецца, што спецыфіка нацыянальнага складу КДП у Паўночна-Заходнім краі з'явілася прычынай таго, што ў параўнанні з кадэтамі цэнтра Расіі беларускія кадэты займалі больш радыкальныя пазіцыі, выказваліся за роўнасць нацый, свабоду нацыянальнага жыцця, увядзенне мясцовага самакіравання, адукацыі на роднай мове, прадастаўленне раўнапраўя яўрэйскаму насельніцтву.

У 2018 г. выйшла з друку калектыўная манаграфія "Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг.". Розныя аспекты афармлення і дзейнасці ліберальных партый (агульнарасійскіх і нацыянальных) у канцы XIX – пачатку XX ст. асвятляюць М. М. Забаўскі, М. А. Сакалова і А. У. Унучак. Адзначаецца, што грамадскія арганізацыі і групы, якія ўзнікалі ў канцы XIX ст. на беларускіх землях, будучы па сутнасці сваёй ліберальнымі, займаліся вырашэннем сваіх надзённых праблем, якія ўрэшце зводзіліся да ўсталявання грамадзянскіх правоў і свабод. Лідары ліберальнай апазіцыі гэтых зямель – І. Віткевіч, І. Мятлін, А. Аляксандраў і інш. – пазней увайшлі ў склад КДП. Ліберальныя праграмы мелі і дзеючыя на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў Саюз для дасягнення паўнапраўя яўрэйскага народа ў Расіі і Польская нацыянальна-дэмакратычная партыя. Аднак слабая дыферэнцыраванасць групавых інтарэсаў перашкаджала эфектыўнай кансалідацыі ліберальнага руху: паколькі фундаментальным прынцыпам лібералізму з'яўляецца жыццёва неабходны мінімум правоў асобы, у розных палітычных плынях, якія выказвалі інтарэсы пэўных груп насельніцтва, фармуляваліся розныя праграмы з патрабаваннем эканамічных, сацыяльных, рэлігійных, палітычных і іншых правоў. Разам з тым, на думку аўтараў, ліберальны рух стаў стымулам фарміравання і адным з першых рэальных элементаў грамадзянскай супольнасці на беларускіх землях у пачатку XX ст. Гэты аспект грамадскага жыцця ўстойліва развіваўся ў беларуска-літоўскіх губернях да 1917 г. [41, с. 445].

У цэлым, сучасная гістарыяграфія зыходзіць з наступных палажэнняў: праграмы ліберальных партый былі накіраваны на фарміраванне грамадзянскай супольнасці, прававой дзяржавы, рацыянальнай і эфектыўнай рынкавай эканомікі, цывілізаванае рашэнне нацыянальных і канфесійных праблем. Канчатковай мэтай было забеспячэнне ўсебаковага развіцця асобы.

турный феномен», «социальный статус эдиции» понятийный аппарат археографии обогатился новыми терминами и понятиями – эдиторской трансляцией ИИ, сферой эдиции и др. [8]. Особенностью формирования терминосистемы археографии выступает и необходимость корреляции международных терминов и терминологии, укоренившейся в советской археографии. В постсоветских странах используется многозначный термин «археография», который служит к тому же наименованием научной дисциплины [9]. В западной науке доминирует базисный термин «эдиция» [10]. Гармонизация международной и постсоветской терминологии археографии при построении терминосистемы требует в данном случае замены терминов с терминоэлементами «археография» на термины с терминоэлементами «эдиция».

Особенностью формирования терминосистемы документоведения является то, что в связи с интенсивным развитием и оформлением документологии как междисциплинарной области знаний (осуществляющей синтез системы знаний документоведения с системами знаний смежных научных дисциплин) его базисные понятия необходимо коррелировать с её базисными понятиями. Соответственно, большинство понятий, внесенных в ГОСТ 51141-98 [11] под маркером «общие понятия» (а в СТБ 2059-2013 [12] – под маркером «основные понятия»), составляют понятийный аппарат документологии. Исходными базисными понятиями управленческого документоведения при этом выступают понятия делопроизводства и управленческого документа. Целенаправленно разработку терминосистемы документоведения на основе документологических исследований ведут Ю. Н. Столяров и Г. Н. Швецова-Водка (ими строятся терминологические ряды, разработана общая теория документа и книги [13–14]). Мы указываем на существенное возрастание при этом логико-эпистемологического анализа и синтеза, а также его значимость [15]. Междисциплинарная корреляции понятий и терминов необходима для избежания противоречий изложения и построения теорий, непротиворечивого построения терминосистем научных дисциплин. В археографии без неё неосуществима экспликация большинства базисных понятий (напр., ИД, эдиторской технологии, документального издания).

Трансформация предтермина в термин в рамках унификации и оптимизации терминов осуществляема различными способами. В случае экспликации понятия, в том числе и на основе корреляции базисных понятий, она заключается в модификации лексической единицы при сохранении значения. В литературе по археографии обосновывается модификация термина «археографический заголовок» в термин «эдиторский заголовок» [16]. Иной раз такая трансформация происходит как изменение значения, которым наделяется лексическая единица, сопровождаемое дифференциацией и межинтеграцией понятий. Это касается термина археографии «неисправность ИД», термина документоведения «подлинник документа» (используемого при эдиции ИИ). Более сложная терминоситуация возникла с употреблением терминов «археографическое оформление», «археографическая легенда» и конкурирующих с ними терминов. При этом полисемии термина «археография» и замены терминоэлемента «археографический» терминоэлементом «эдиторский» здесь недостаточно. Поскольку восходящий к прототермину терминоэлемент «легенда» метафоричен, то включающие его языковые выражения выступают профессионализмами, так как используемый взамен него (напр., в [17]) термин «археографическое описание», исходя из автологического и фактического значения, имеет более «широкий» референт. Он относится и к описанию ИД, и к библиографическим данным к публикуемому ИД, и к обозначению места хранения и архивного шифра ИД и др. Поскольку сокращённая передача публикуемого ИД в форме регеста сочетает различные аспекты публикации ИД – передачу текста и эдиторский заголовок, то она не идентифицируется в нормативно-методической литературе как «археографическое оформление».

Ниже представляем аппроксимацию нормализации и оптимизации терминомассива. *Археография* – научная и учебная дисциплина, изучающая практику, историю, методику и теорию эдиции, разрабатывающая нормы и требования её осуществления, а также принципы камеральной работы с ИД, доводящая до эдиторов условия осуществления организационной и деловой деятельности, предваряющей, сопровождающей, завершающей её осуществление, составляющей литературу по подготовке эдиторов.

ловок к содержанию документа, нормативного правового акта, нарратива, составленный (внесенный) первоначально (а не при его переписке, бытовании). *Эдиторское наименование (ИД)* – элемент заголовка к ИД, представляющий собой указание на вид (разновидность) документа, материала либо дублирование его аутентичного наименования. *Резюме содержания ИД* – элемент заголовка к ИД, представляющий собой краткое (сжатое либо развернутое) раскрытие содержания публикуемого документа, материала. В нормативно-методическом документе «Правила издания исторических документов в СССР» (М., 1990) данное понятие обозначается терминами «содержание» и «обозначение содержания». В международной нормативно-методической литературе и «Метадычных рэкамендацыях да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII – XIV стст.» (Мн., 2005) оно обозначается термином «экстракт». *Автор ИД* – элемент заголовка к ИД, представляющий собой указание на составителя ИД, должностное лицо, подписавшее документ, учреждение, организацию, издавшую документ. *Адресант* – элемент заголовка к ИД, представляющий собой указание на субъекта межличностной коммуникации, общественной жизни, посылающего нарратив и иной материал, документ, либо указание на учреждение, организацию, официально отправляющую документ, а также указание на контрагента сделки, устанавливающего её условия. *Адресат* – в ЭП элемент эдиторского заголовка, представляющий собой указание на учреждение, лицо, получившее документ (нарратив), а также на контрагента сделки, по отношению к которому устанавливается правовая норма, доводится управленческое решение и т. д. *Географическая дата* ИД – указанное в ИД, установленное (точно либо приблизительно) место создания, получения адресатом публикуемого нарратива, место создания, включения в документооборот публикуемого документа. *Хронологическая дата ИД* – указанная в ИД, точно либо приблизительно установленная дата создания, удостоверения публикуемого документа, введения его в действие, включения в документооборот, создания публикуемого нарратива, его отправления, опубликования. *Описание ИД* – элемент оформления ИД либо предисловия, представляющий собой раскрытие результатов изучения характеристик бытования публикуемого документа (материала) в социальной среде, его внешней формы. *Регест* – результат регестирования, представляющий собой краткое, с сохранением стиля и структуры, формализованное изложение содержания публикуемого ИД, сопровождаемое легендой, а при необходимости – его цитированием и примечаниями. *Регестирование* – прием эдиции, заключающийся в квинтэссенцировании содержания публикуемого ИД, иногда – в сокращенной передаче его текста (цитировании). *Единичный регест* – регест, составляемый к единственному публикуемому ИД. *Групповой регест* – регест, составляемый к группе публикуемых ИД. *Краткий регест* – регест, в котором изложение содержания публикуемого материала представлено в форме расширенного заголовка к ИД. *Частичный регест* – регест, составляемый к единственному публикуемому материалу. *Пространный регест* – регест, в котором изложение содержания публикуемого ИД является полным. *Краткая передача текста* – форма передачи текста, представляющая собой воспроизведение либо его модификацию в сокращённом объёме (в извлечении). *Таблица* – краткая передача содержания публикуемого текста, представленная в табличной форме. *Модернизация текста* – элемент передачи публикуемого текста ИД, заключающийся в замене вышедших из употребления букв графическими средствами современного алфавита, видоизменении знаков, закавычивании литературных названий, разложении лигатур и др. *Извлечение текста* – обособленный фрагмент текста ИД, образуемый в результате мотивированного сокращения его при публикации. *Транскрипция (практическая)* – передача слов, являющихся иноязычными именами собственными, терминами, номенклатурными обозначениями, средствами алфавита конкретного национального языка с учетом произношения этих слов. *Транслитерация* – побуквенная передача слова (словосочетания, языковых значимых элементов текста), созданного средствами одного алфавита (одной графической системы письма), средствами другого алфавита (другой графической системы письма). *Эдиторское транскрибирование* – осуществляемая эдитором на основе транслитерации передача иноязычных текстов ИД.

Таким образом, в научных методических и метатеоретических исследованиях сформированы предпосылки для построения терминосистемы археографии. На современном, переходном

этапе её построения (нормализации и оптимизации), основное внимание следует уделять трансформации предтерминов в термины, эпистемологическому анализу, направленному на непротиворечивую корреляцию (достигаемую при междисциплинарной проекции формирования) обозначаемых терминами базисных понятий.

Список использованных источников

1. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Изд. 4-е. – М. : URSS, Либроком, 2009. – 255 с.

2. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Наука, 1989. – 243 с.

3. Козлов, В. П. Основы теоретической и прикладной археографии / В. П. Козлов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Росспэн, 2008. – 247 с.

4. Нестерович, Ю. В. Некоторые вопросы теории и терминоведения археографии, связанные с интерференцией содержания понятий / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Минск, 2009. – Вып. 10. – С. 186–196.

5. Нестерович, Ю. В. Терминология и понятийный апарат археографии / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Минск, 2009. – Вып. 10. – С. 298–302.

6. Терминологический словарь по археографии : отчёт о НИР (заключ.) / Белорус. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. – Минск, 2008. – 231 с.

7. Нестерович, Ю. Предпосылки формированяи терминосистемы археографии и документоведения и интерференция понятий / Ю. Нестерович // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань : зб. наук. пр. / Київ. нац. ун-т культури і мистецтв. – Київ, 2013. – Вип. 7. – С. 31–37.

8. Нестерович, Ю. В. Об определении социокультурного («общественного») статуса археографии / Ю. В. Нестерович // Вестн. архивиста. – 2005. – № 5. –6. – С. 20–25.

9. Нестерович, Ю. В. Оптимум употребления термина «археография» / Ю. В. Нестерович // Архіварыус : зб. навук. паведамл. і арт. / Дэпартамент па арх. і справаводству М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Нац. гіст. арх. Беларусі. – Минск, 2008. – Вып. 6. – С. 75–79.

10**.** Королёв, Г. И. Иностранные интерпретации статуса теории и методики публикации исторических источников / Г. И. Королёв // Археографический ежегодник за 1989 год / АН СССР, Отд-ние истории, Археогр. комис. – М., 1990. – С. 38–50.

11. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. – Введ. 01.01.99. – М. : Изд-во стандартов, 1998. – 7 с.

12. СТБ. 2059–2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения = Справаводства і архіўная справа. Тэрміны і азначэнні. – Взамен СТБ П 2059-2010 ; введ. 01.09.13. – Минск : Госстандарт, 2013. – 20 с.

13. Столяров, Ю. Н. Развитие документологической терминологии / Ю. В. Столяров // Науч.-техн. информ. Сер. 1: Орг. и методика информ. работы. – 2004. – № 8. – С. 5–10.

14. Швецова-Водка, Г. Н. Общая теория документа и книги : учеб. пособие / Г. Н. Швецова-Водка. – М. : Рыбари ; Киев : Знання, 2009. – 487 с.

15. Нестерович, Ю. О терминосистеме и экспликации базисных понятий документоведения / Ю. Нестерович // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань : зб. наук. пр. / Київ. нац. ун-т культури і мистецтв. – Київ, 2011. – Вип. 6. – С. 52–59.

16. Нестерович, Ю. В. Заголовок к историческому документу (терминологический аспект) / Ю. В. Нестерович // Беларускі археаграфічны штогоднік / Беларус. навук.-даслед. ин-т дакументазнаўства і арх. справы. – Минск, 2011. – Вып. 12. – С. 156–164.

17. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў па гісторыі Беларусі XVI – першай паловы XIX ст. / Дэпартамент па арх. і справаводству М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Беларус. навук.-даслед. ин-т дакументазнаўства і арх. справы ; склад. А. І. Шаланда. – Минск : БелНДІДАС, 2012. – 46 с.

References

1. Leichik V. M. *Terminology: subject, methods, structure*. 4nd ed. Moscow, URSS, Librokom Publ., 2009. 255 p. (in Russian).

2. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. *General terminology: theory issues*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 243 p. (in Russian).

3. Kozlov V. P. *Fundamentals of theoretical and applied archeography*. 2nd ed. Moscow, Rosspen Publ., 2008. 247 p. (in Russian).

4. Nesterovich Yu. V. Some questions of the theory and terminology of archeography related to the interference of the content of concepts. *Belaruski arkheagrafichny shtogodnik* [Belarussian archeagraphic shtogodnik]. Minsk, 2009, iss. 10, pp. 186–196 (in Russian).

5. Nesterovich Yu. V. Terminology and conceptual apparatus of archeography. *Belaruski arkheagrafichny shtogodnik* [Belarussian archeagraphic shtogodnik]. Minsk, 2009, iss. 10, pp. 298–302 (in Russian).

6. *The terminological dictionary of archeography: report on research (conclusion)*. Minsk, 2008. 231 p. (in Russian).

7. Nesterovich Yu. Prerequisites for the formation of the term systems of archeography and document management and interference of concepts. *Terminologiya dokumentoznavstva ta sumizhnikh galuzei znan': zbirka naukovikh prats'* [Terminology of documentation and related fields of knowledge: collection of scientific papers]. Kiev, 2013, iss. 7, pp. 31–37 (in Russian).

8. Nesterovich Yu. V. On the determination of the sociocultural ("public") status of archeography. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivist*, 2005, no. 5–6, pp. 20–25 (in Russian).

9. Nesterovich Yu. V. The optimum use of the term "archeography". *Arkhivaryus: zbornik navukovykh pavedamlennyau i artykulau* [Archivist: a collection of scientific reports and articles]. Minsk, 2008, iss. 6, pp. 75–79 (in Russian).

10. Korolev G. I. Foreign interpretations of the status of the theory and methodology of publication of historical sources. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1989 god* [Archaeographic yearbook for 1989]. Moscow, 1990, pp. 38–50 (in Russian).

11. *GOST R 51141-98. Record Keeping and Archiving. Terms and Definitions*. Moscow, Izdatel'stvo standartov Publ., 1998. 7 p. (in Russian).

12. *STB 2059–2013. Paperwork and archiving. Terms and Definitions*. Minsk, Gosstandart Publ., 2013. 20 p. (in Russian).

13. Stolyarov Yu. N. Development of documentological terminology. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 1, Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty* [Scientific and technical information. Series 1. Organization and methodology of information work], 2004, no. 8, pp. 5–10 (in Russian).

143. Shvetsova-Vodka G. N. *General document theory and books*. Moscow, Rybari Publ., Kiev, Znannya Publ., 2009. 487 p. (in Russian).

15. Nesterovich Yu. About the term system and the explication of basic concepts of document management. *Terminologiya dokumentoznavstva ta sumizhnikh galuzei znan': zbirka naukovikh prats'* [Terminology of documentation and related fields of knowledge: collection of scientific papers]. Kiev, 2011, iss. 6, pp. 52–59 (in Russian).

16. Nesterovich Yu. V. Title to a historical document (terminological aspect). *Belaruski arkheagrafichny shtogodnik* [Belarussian archeagraphic shtogodnik], Minsk, 2011, iss. 12, pp. 156–164 (in Russian).

17. Shalanda A. I. (comp.). *Guidelines for the publication of documents on the history of Polish-Belarus XVI – first half of XIX century*. Minsk, Belarusian Research Institute of Records Management and Archives, 2012. 46 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Нестерович Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник. Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил Республики Беларусь (ул. Калиновского, 4, 220103, Минск, Республика Беларусь). E-mail: niivs@it.org.by

Information about the author

Yuri V. Nesterovich – Ph. D. (Hist.), Scientific Researcher. Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus (4 Kalinovski Str., 220103 Minsk, Belarus). E-mail: niivs@it.org.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 81’373.611(81.161.1:811.161.3)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-189-196

Поступила в редакцию 05.02.2019
Received 05.02.2019

М. А. Лавыш

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘НАДЕЛЯТЬ ПРИЗНАКОМ, НАЗВАННЫМ МОТИВИРУЮЩИМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ’ В СОСТАВЕ НОМИНАТИВНЫХ РЯДОВ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена глаголам-отадъективам, реализующим значение «наделение признаком, названным мотивирующим прилагательным», а также их аналитическим эквивалентам, рассматриваемым в составе глагольных номинативных рядов с каузативной семантикой в русском и белорусском языках. Различные аспекты сопоставительного анализа деривационных подсистем близкородственных языков позволяют более детально и всесторонне изучить деривационные сочетания, состав номинативных рядов с данным деривационным значением, их функционирование в близкородственных языках. Наиболее регулярным дискретным соответствием каузативных глаголов является достаточно простая деривационная модель «делать каким» / «рабіць якім», при этом в состав аналитических структур могут входить родственные единицы не только принадлежащие к разным частям речи, но и отстоящие от мотивирующего прилагательного на несколько ступеней производности. В организации номинативных рядов могут принимать участие и другие типы словосочетаний, активно выступающие в деривационной функции. В ходе исследования выявлены целые микросистемы неполных номинативных рядов: с синтетической либо аналитической составляющей. Подробный анализ таких номинативных рядов позволяет выявить различные причины их возникновения (семантические, формальные, стилистические). Существенные различия в деривационном потенциале глаголов-отадъективов в русском и белорусском языках могут обнаруживаться не только в семантико-словообразовательном формировании конкретных словообразовательных пар, но и на более поздних ступенях деривации, в составе более сложных объединений родственных единиц, различных фрагментах деривационных гнезд (словообразовательных цепочек, парадигм).

Ключевые слова: словообразование, словообразовательный тип, каузативные глаголы, глаголы-отадъективы, деривационные сочетания, номинативный ряд

Для цитирования: Лавыш, М. А. Глаголы со значением ‘наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным’ в составе номинативных рядов в русском и белорусском языках / М. А. Лавыш // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 189–196. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-189-196

Maryna A. Lavysh

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

VERBS WITH THE VALUE OF ‘TO GIVE A SIGN, CALLED MOTIVATING ADJECTIVE’ IN THE COMPOSITION NOMINATIVE SERIES IN RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

Abstract. The article deals with the nominative series of verbs formed from adjectives that implement the value of “to give a sign” in Russian and Belarusian languages. Special attention is paid to the study of equivalent derivational combinations that make up the nominative series of such verbs, their functioning in closely related languages. The most regular discrete correspondence of causative verbs is a fairly simple derivational model “do what”, while the analytical structures may include related units not only belonging to different parts of speech, but also separated from the motivating adjective by several steps of productivity. Other types of phrases actively participating in the derivational function can also take part in organizing nominative series. The study revealed whole microsystems of incomplete nominative series: with a synthetic or analytical component. Detailed analysis of such nominative series allows us to identify various causes of its occurrence (semantic, formal, stylistic). Significant differences in the derivational potential of adjective verbs in the Russian and Belarusian lan-

© Лавыш М. А., 2020

guages can be found not only in the semantic-word-formation of specific word-formation pairs, but also in later stages of derivation, as part of more complex associations of related units, different fragments of derivational nests (word-formation chains, paradigms).

Keywords: word formation, word-formation type, causative verbs, verbs formed from adjectives, derivational combinations, nominative series

For citation: Lavysh M. A. Verbs with the value of 'to give a sign, called motivating adjective' in the composition nominative series in Russian and Belarusian languages. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 189–196 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-189-196

К глаголам, представляющим данное словообразовательное значение, например, относятся: ***белить, грязнить, желтить, пьянить, рыхлить, гладить, слепить, старить, холодить, чистить; бадзёрыць, брудзіць, весяліць, вінаваціць, вузіць, гарбаціць, ледзяніць, маркоціць, няславіць, сушыць*** [1, с. 335; 2, с. 327]. Помимо суффикса *-и-* / *-і-*, в организации данного значения может принимать участие суффикс *-ова-* / *-ава-* (***радовать, уродовать; мацаваць, раўнаваць***), а также его морфы *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-* / *-ізава-* (*-ызава-*), *-ірава-* (*-ырава-*): ***объективировать, национализировать, локализовать; папулярызаваць, уніфікаваць, цывілізаваць***. При этом формально различные морфы в русском и белорусском языках являются семантическими коррелятами. Ср.: ***актив-ировать – актыв-аваць, актив-изировать – актыв-ізаваць, русифицировать – русіфік-аваць, стабил-изировать – стабіл-ізаваць*** [3]. Данный словообразовательный тип оказывается продуктивным главным образом в книжной речи – общественно-политической и научно-технической терминологии [4, с. 133]. В рамках непродуктивных словообразовательных типов образованы глаголы-отадъективы с суффиксом *-а-* / *-я-* (***коротать, ровнять; зневажаць, раўняць***).

Наиболее регулярным дискретным соответствием таких глаголов является достаточно простая деривационная модель «*делать каким*» / «*рабіць якім*»: ***дырявить – делать дырявым, кривить – делать кривым, кудрявить – делать кудрявым, прямить – делать прямым; бадзёрыць – рабіць бадзёрым, брудзіць – рабіць брудным, рыхліць – рабіць рыхлым, халадзіць – рабіць халодным***. Обращая внимание на деривационное значение данных отадъективов и эквивалентные им дискретные соответствия, следует отметить такую грамматическую особенность, как переходность. Говоря о грамматической категории вида каузативных глаголов, стоит отметить, что значение 'наделить признаком' нередко реализуется в префиксально-суффиксальных единицах (*вы-, за-, из-, на-, о-, об-, обез-, пере-, по-, под-, про-, раз-, с-* + *-и-*), которые составляют довольно внушительную группу.

Зачастую в составе номинативных рядов рассматриваемой группы глаголов-отадъективов оказываются деривационные сочетания (ДС) с формой сравнительной степени мотивирующего прилагательного. Ср.: ***молодить – делать более молодым, ровнять – делать ровнее, более ровным, совершенствовать – делать совершеннее; вузіць – рабіць больш вузкім; драбніць – рабіць больш дробным, драбнейшым, поўніць – рабіць больш поўным***. В зависимости от семантики производного глагола дискретные соответствия могут включать только исходную форму прилагательного, выражая наделение полной мерой признака, новым признаком, либо обе формы и с производящим именем прилагательным, и с формой сравнительной степени. Ср.: ***грязнить – делать грязным, мочить – делать мокрым, мутить – делать мутным, равнять – делать равным, ржавить – делать ржавым; бадзёрыць – рабіць бадзёрым***, ***дзіравіць – рабіць дзіравым, знаёміць – рабіць знаёмым, крывіць – рабіць крывым, брыдзіць – рабіць брыдкім; темнить – делать темным, делать более темным; тяжелить – делать тяжелым, более тяжелым; тупіць – рабіць тупым, больш тупым; таўсціць – рабіць тоўстым, больш тоўстым***.

Несмотря на простоту и ясность данных словообразовательных моделей, «аналитические формы номинативных рядов глаголов-отадъективов зачастую являются единственным способом выражения номинативного значения» [5, с. 191]. Ср.: ***делать плавным – ∅, делать подвижным – ∅, делать более удобным – ∅, делать менее заметным – ∅, делать менее трудным – ∅; рабіць больш массіўным – ∅, рабіць менш чутным – ∅, рабіць цяжкім, цяжэйшым – ∅, рабіць прыемным – ∅, рабіць вялым – ∅, рабіць карысным – ∅, рабіць больш вядомым – ∅***.

Такие микросистемы неполных номинативных рядов в русском и белорусском языках могут возникать по разным причинам: семантическим и формальным. Так, белорусскому глаголу ***узмацніць*** эквивалентно эксплицитное ДС ***зрабіць моцным, мацнейшым***. Конкретизируя семантику глагола, лексикографы в словарных статьях зачастую представляют такие синонимические эквиваленты, которые по сути также являются ДС, однако обнаруживающими имплицитную связь с глаголом: з***рабіць больш трывалым, зрабіць больш выразным, зрабіць больш яркім, зрабіць больш магутным, зрабіць больш уплывовым.*** В двух значениях из пяти данный отадъектив приобретает отличную от производящего прилагательного семантику, что позволяет выделить такие ДС, как ***зрабіць больш дзейсным, зрабіць больш эфектыўным***, фактически представляющие собой неполные номинативные ряды, а также ДС, которые входят в номинативные ряды синонимичных глаголов: ***актывізаваць – зрабіць больш актыўным***; ***палепшыць – зрабіць лепшым***. Следует, однако, заметить, что в семантическую структуру глагола ***узмацніць*** не спроецированы следующие значения и оттенки мотивирующего имени прилагательного:

1) Здаровы, дужы. // Які робіцца з вялікай сілай. // Інтэнсіўны сканцэнтраваны;
2) Надзейны, устойлівы; трывалы. // Глыбокі, вялікі (аб пачуццях, перажываннях і пад.;
3) Добра ўмацаваны. // Добра ўзброены, шматлікі;
4) Насычаны, канцэнтраваны; не разбаўлены. // З вялікай колькасцю градусаў. // Рэзкі, востры;
5) перан. Дасведчаны, вопытны, спрактыкаваны; з добрымі ведамі [6, т. 3, с. 176].

Если привязочный компонент ДС ***зрабіць моцным, мацнейшым*** в определённом контексте приобретает одно из указанных значений, то, несмотря на одинаковую структуру эксплицитных глаголу ***узмацніць*** сочетаний, их следует рассматривать как лексико-семантические варианты данного ДС.

Естественно, что количество неполных номинативных рядов с аналитической составляющей значительно. Интересен и тот факт, что словосочетаниям с деривационным компонентом ***более*** системой русского и белорусского языков в принципе определен возможный словообразовательный коррелят, а словосочетаниям с компонентом ***менее*** – нет. Случаи синтетизма при выражении деривационного значения ‘делать каким’ словосочетаниями с компонентом ***менее*** единичны: ***децентрализовать / дэцэнтралізаваць – сделать (делать) менее централизованным / зрабіць (рабіць) менш цэнтралізаваным*** («*Развіццё інфармацыйных тэхналогій ужо сёння дазваляе дэцэнтралізаваць інфармацыю*») (Як патрапіць у геаэканоміку? // “Звязда”); ***десенсибилизировать / дэсенсібілізаваць*** (спец.) **– *сделать (делать) менее чувствительным / зрабіць (рабіць) менш адчувальным*** (*Сразу после душа наносить десенсибилизирующее увлажнение (той же марки, что и очищение)* (Красота, здоровье, отдых // «Красота» (форум). 2005); ***обесценить / абясцэніць – сделать менее ценным / зрабіць менш каштоўным*** (*Наогул, уражанне такое, што задумана гэта размова для таго, каб абясцэніць паэму, прынізіць яе значэнне і ролю* (Дзеяслоў. Год двухтысячны. Выбраныя старонкі з дзённіка (працяг). 2012. № 1 (56)); ***разукрупнить / разбуйніць – сделать менее крупным / зрабіць менш буйным*** (*Сегодня же у нас другая задача: **разукрупнить** эти учреждения, превратить их из больших «казенных» домов в маленькие, уютные* (Невинная И., Карелова Г. Согласие – есть непротивление трех сторон // «Российская газета». 03.02.2003 г.) [7; 8]. Можно предположить, что это отчасти связано со специфичностью не только самого значения, но и с деривационным потенциалом и особенностями функционирования префиксов *обез-*, *раз-* и заимствованного *де-* (ограниченным кругом самих глаголов с данным префиксом) в русском и белорусском языках [13].

Учитывая известный факт существования оппозиции каузативных (на *-ить / -іць*) и инхоативных (на *-еть / -ець*) глаголов-отадъективов, следует также заметить, что сопоставление их номинативных рядов как словообразовательно-синтаксических микросистем может более рельефно указать на внутриязыковой механизм функционирования категорий, объединяющих единицы разных уровней. Ср.: ***тяжелеть – становиться тяжёлым*** и ***тяжелить – делать тяжёлым***; ***ветшать – становиться ветхим*** и ∅ – ***делать ветхим***; ∅ **– *становиться знакомым*** и ***знакомить – делать знакомым***; ***саладзець – станавіцца больш салодкім*** и ***саладзіць – рабіць больш салодкім***; ***званчэць – станавіцца званчэйшым*** и ∅ – ***рабіць званчэйшым***; ∅ **– *станавіцца пярэстым*** и ***пярэсціць – рабіць пярэстым***.

В образовании номинативных рядов глаголов со значением ‘наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным’ могут принимать участие и другие типы словосочетаний, активно выступающие в деривационной функции, а также полноценно деривационные дискретные соответствия. Например, для глаголов ‘наделения цветовым признаком’ актуальными являются такие дискретные эквиваленты, как ***окрашивать в (какой) цвет, пачкать в (какой) цвет*** (***желтить / жаўціць, синить / сініць, багрянить / барваваць***). Наряду с ДС модели ***делать каким*** в некоторых значениях таким глаголам соответствует ДС *покрывать чем*, например: ***белить – покрывать белилами; охрить – покрывать охрой; румяніць – пакрываць румянцам, пакрываць румянамі; залаціць – пакрываць золатам, пакрываць пазалотай; рабаціць – пакрываць рабаціннем, рабізной***. Целому ряду глаголов-отадъективов, характеризующих лицо по внешнему признаку, эквивалентны словосочетания модели ***делать (каким) на вид***: ***молодить – делать более молодым на вид, паўніць – рабіць з выгляду паўнейшым***. Аналогичны соответствия глаголам ***худить, толстить, стройнить, уродовать***.

Номинативные ряды глаголов эмоционального состояния, помимо ДС с адъективным присвязочным компонентом, включают и ДС с родственными именами существительными. Ср.: ***бодрить – делать бодрым, придавать бодрость***; ***веселить – делать весёлым, вызывать веселье; злаваць – рабіць злым, выклікаць злосць; нерваваць – рабіць нервовым, даводзіць да нервовага стану***. Для номинативных рядов глаголов с аффиксами *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-* / *-ізава-* (*-ызава-*), *-ірава-* (*-ырава-*), реализующих частное словообразовательное значение ‘обработать определённым образом’, характерны ДС ***подвергать чему / праводзіць што***: ***нейтрализовать / нейтралізаваць – подвергать (подвергнуть) нейтрализации / праводзіць (правесці) нейтралізацыю***; ***гальванизировать / гальванізаваць, герметизировать / герметызаваць***. Зачастую именным компонентом в ряде дискретных эквивалентов в деривационной функции являются наречия, мотивированные теми же прилагательными, что и глагол: ***дешевить –*** *продавать слишком дешево* (ср. ***удешевить – сделать дешёвым, дешевле***); ***теснить –*** *прижимать так, что становится тесно*; ***медлить –*** *делать медленно*; ***працверазіць –*** *зрабіць здольным цвяроза разважаць*; ***часціць –*** *вельмі часта рабіць (рухі, дзеянні і пад.).* Нетрудно заметить, что в состав аналитических структур, соответствующих глаголу-отадъективу, могут входить родственные единицы не только разных частей речи, но и отстоящие от мотивирующего прилагательного на несколько ступеней производности (***радовать – делать радостным***).

Особенности процесса коммуникации приводят к тому, что в качестве эквивалентов глаголам могут выступать (и эти случаи нередки) различные по характеру модельности, степени регулярности и коммуникативной мобильности словосочетания в деривационной функции. Ср.: ***косить –*** *придавать косое положение*; ***кудрявить*** *– завивать в кудри*; ***женить –*** *содействовать женитьбе, помочь / заставить жениться;* ***радніць –*** *ствараць адносіны роднасці*; ***ласаваць*** *– частаваць ласункамі*. При этом необходимо подчеркнуть, что наличие эксплицитной (материально выраженной) связи между составляющими номинативного ряда глагола-отадъектива является важнейшей деривационной чертой. Сравнительно невелико количество глаголов, мотивированных прилагательными, которые не коррелируют с деривационно родственными сочетаниями. Например: ***горячить*** ‘приводить кого-либо в возбужденное состояние’; ***дорожить*** ‘беречь, не желать терять, высоко ценить’ (хотя ср. *считать дорогим*); ***коротать*** ‘проводить время, заполнять его чем-н.’; ***жывіць*** ‘забяспечваць неабходным для нармальнай дзейнасці’; ***рыхтаваць*** ‘прыводзіць у стан гатоўнасці, рабіць годным для выкарыстання’. В таких случаях речь идёт об индивидуальных по структуре и семантике номинативных рядах, в частности, отражающих специфику многозначных глаголов. Например, глагол-отадъектив ***глушить*** и в русском, и в белорусском языках, формально образованный от многозначного прилагательного ***глухой***, имеет следующие значения:

1) ударом ошеломлять; приводить в бесчувствие; лишить слуха ударом, громким звуком;
2) делать более глухим, менее слышным;
3) не давать расти, подавлять развитие чего-н.;
4) заставлять гаснуть; выключать;
5) пить (спиртное) в большом количестве (прост.) [9, т. 3, с. 85].

Удивительно, но в четырёх значениях из пяти данный глагол не образует никаких эксплицитно связанных с ним структур синтетико-аналитического типа. Лишь во втором значении этого глагола имеет место полный номинативный ряд ***глушить / глушыць – делать глухим / рабіць глухім***: *Хваёвы бор між тым поўніўся ветраным шумам, які несціхана мкнуў з вышыні і* ***глушыў*** (= ***рабіў глухімі***) *усе іншыя лесавыя гукі* (Быкаў В. “Ваўчыная яма” (1998)); *Говорить друг с другом они почти не могли – грохот разрывов* ***глушил (= делал глухими)*** *голоса, из-за пыли они захлебывались в кашле* (Гроссман В. “Жизнь и судьба”. Ч. 2 (1960)) [7].

Как мы уже отмечали, словообразовательное значение ‘наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным’ достаточно регулярно реализуется в отадъективных глаголах на *-ить / -іць*. Подобная регулярность отчасти объясняет тот факт, что глаголы, образованные от качественных имен прилагательных, нефразеологичны и относятся к области синтаксической деривации, «поскольку семантические приращения в глаголах носят субкатегориальный характер» [10, с. 27].

Однако не стоит забывать и об определенных семантических ограничениях на образование глаголов с данным значением. Как пишет М. Н. Янценецкая, «не вступают в мотивационные отношения лексико-семантические варианты прилагательных, обозначающие признаки, которые характеризуют предмет: а) через указание на назначение предмета: ***белая*** (горница), ***грязное*** (ведро), ***черный*** (ход), ***чистый*** (ход); б) путем сравнения с другими предметами или с самим собой в разное время существования: ***грязная*** (бледность), ***пьяная*** (песня), ***старая*** (монета), ***старый*** (университет); в) через количественное сопоставление предмета с возможной его частью: ***круглый*** (год), ***полное*** (ведро), ***полная*** (победа), ***полный*** (день), ***целая*** (картофелина), ***чистая*** (прибыль), ***чистый*** (вес); г) через качественное уподобление целому, частью которого характеризуемый предмет является, ср.: ***ледяной*** ‘холодный, вежливый’ (тон) – (тон) ***холодно вежливого*** человека, ***чистый*** (взгляд) – (взгляд) ***чистого*** человека, т. е. ***человека чистой души***. Независимо от степени дробности выделяемых групп все прилагательные данного типа характеризуют предмет опосредованно, т. е. являются или собственно относительными, или близко к ним стоящими» [11, с. 110]. Также не дают мотивационных пар с глаголами на *-ить*, по мнению М. Н. Янценецкой, прилагательные, выражающие признаки, присущие предмету с момента его «появления», не способные возникнуть в уже существующем предмете: ***белые*** (ночи), ***зеленый*** (корм); прилагательные со значением признака, источник которого не может рассматриваться как находящийся вне предмета, характеризуемого этим признаком: ***бодрая*** (свежесть), ***веселый*** (спектакль); прилагательные с подчеркнуто высокой степенью интенсивности качества: ***богатый*** (урожай), ***густой*** (слой пыли) [11, с. 111 – 112]. Интересно замечание А. В. Никитевича на этот счёт: «Не пытаясь сколько-нибудь оспорить наблюдения М. Н. Янценецкой, нам бы хотелось все же обратить внимание на исключительно “слов образовательный” статус сформулированных закономерностей. Аналитический способ представления каузативной семантики, в целом подчиняясь указанным выше семантическим ограничениям, способен на «исключения» из цитированного выше семантического правила. Ср.: *Выходки этого актера* ***делают (сделали)*** *спектакль* ***веселым***. *Знание всех обстоятельств происшедшего* ***делает*** *его намек* ***грязным***. Конечно, при определенных условиях что-то ***делает богатым*** и урожай, и пир. С другой стороны, следует признать, что семантические ограничения сказываются на употреблении и деривационных сочетаний» [12, с. 313].

При сопоставлении номинативных рядов глаголов-отадъективов со значением ‘наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным’ в русском и белорусском языках оказались очевидными факты некоторых различий в области деривации исследуемого значения каждого из близкородственных языков.

Анализ собственно формальных особенностей создания глаголов в данных близкородственных языках показывает, что в процессе деривации могут быть использованы разные аффиксы, при этом в белорусском языке чаще используется суффикс *-ава-*, например: ***злить – злаваць, раззлоўваць; жидить – вадкаваць; крепить – мацаваць***. При этом один из немногочисленных русских глаголов ***уродовать*** – ***делать уродливым*** с суффиксом *-ова-* в белорусском языке не имеет эксплицитного эквивалента: ∅ – ***рабіць выродлівым*** (син. *нявечыць, брыдзіць*). В бело-

русском языке, в отличие от русского, возможна проекция в глагол со значением ‘наделить признаком’ мотивирующего прилагательного с префиксом *не-* (*ня-*) синтетическим способом: ***знясіліць – зрабіць бяссільным, зняверыць, знявечыць, зняволіць, няславіць***. В белорусском литературном языке русскому отадъективу ***утончать – делать тоньше, тонким*** соответствуют глаголы ***патанчаць, вытончваць***, однако имеет место употребление и беспрефиксального глагола ***таніць – рабіць больш тонкім***: *Там, дзе пляцёнка прымацоўвалася да пасу, яна таксама была таўсцейшаю, прыкладна ўпалец, у колькі столак, а далей Лёшка яе* ***таніў і таніў*** *на працягу некалькіх метраў і ўрэшце зводзіў да жвавай вяровачкі-жыгучкі,можа, у сярнічку таўшчынёй* (Някляеў У. “У крыжовай прасторы: папулярны біяграфічны нарыс”) [8].

Как известно, близкородственные языки имеют целый пласт общей лексики, которая в последующем самостоятельном для каждого из языков развитии по-разному участвовала в процессе деривации. Так, прилагательное ***лютый / люты*** спроецировано в глагол со значением ‘проявлять признак’ и в русском, и в белорусском языках (***лютовать / лютаваць***), однако только в белорусском языке синтетическим способом оказалось реализовано ДЗ ‘наделять признаком’ в префиксально-суффиксальном отадъективе ***разлютаваць – зрабіць лютым***: *Дзеці* ***разлютавалі*** *сабаку.* Ср., в русск.: *«Спрашивается, зачем и тысячи иметь, если они* ***делают таким лютым*** *человеческое сердце?..»* (Майстрах В. Ф. Полезные советы. Ответы на вопросы подписчиков «Трудовой Копейки» // «Трудовая копейка». 19.03.1915 г.) [7]. Подобная ситуация складывается и с прилагательным-отвербативом ***ласковый / ласкавы***: в белорусском языке словообразовательная цепочка продолжена отадъективами ***ласкавець – станавіцца больш ласкавым, уласкавіць – зрабіць ласкавым*** (и син. ***улагодзіць – зрабіць лагодным***): ***Уласкавіць*** *трэба бога злога, удабрыць лютага Яшчара* (Хмара С. «Аб богах крывіцкіх сказы») [8]. Ср., в русск. ∅ – ***сделать ласковым***: *Аркадий Заварзин переходит дорогу, усмехаясь стихиям, бесшумно поднимается на крыльцо милицейского дома, в сенях задерживается, чтобы, переменив выражение лица,* ***сделать*** *его* ***ласковым****, нежным, доброжелательным* (Липатов В. «И это все о нем» (1984)) [7].

Таким образом, существенные различия в деривационном потенциале глаголов-отадъективов в русском и белорусском языках могут обнаруживаться не только в семантико-словообразовательном формировании конкретных словообразовательных пар, но и на более поздних ступенях деривации, в составе более сложных объединений родственных единиц, различных фрагментах деривационных гнезд (словообразовательных цепочек, парадигм).

Следует отметить, что случаи, когда полному номинативному ряду глагола-отадъектива с каузативным значением в одном языке соответствует неполный ряд с аналитической составляющей в другом, не редкость: ∅, ***делать красным – чырваніць, рабіць чырвоным; бледнить, делать бледным –*** ∅, ***рабіць бледным; очерствлять, делать чёрствым –*** ∅, ***рабіць чэрствым; ужесточить, сделать жёстким, жёстче –*** ∅, ***рабіць жорсткім; ожесточить, сделать жестоким –*** ∅, ***рабіць бязлітасным*** и др.

Особый интерес вызывает исследование взаимосвязи «приобретённых» в процессе исторического развития семантических особенностей «общих» лексем и их деривационного потенциала в системе языка. Рассмотрим следующий пример. Семантическая структура русского многозначного прилагательного ***прямой*** идентична белорусскому ***прамы***. В русском языке деривационному сочетанию ***делать прямым*** (в 1-м знач. ‘ровно вытянутый, идущий в каком-либо направлении без изгибов’) соответствуют глаголы ***прямить, выпрямить, распрямить***. Однако в белорусском языке проекция в глагол данного лексического значения оказалась возможна отадъективами ***выпраміць – зрабіць прамым*** (в 1-м знач. ‘роўна выцягнуты ў якім-н. напрамку, без выгібаў, не крывы’: *Некаторыя сталічныя маршруты пракладзены не па найкарацейшым шляху.* ***Выпраміць*** *іх немагчыма па розных прычынах)* (Аплата без лішніх праблем // “Звязда”) и ***выпрастаць – зрабіць простым*** (в 10-м знач. ‘прамы, роўны, без выгібаў’). Любопытно, что по данным НКРЯ и Беларускага N-корпуса глагол ***выпрастаць*** чаще всего соответствует русским глаголам ***вытянуть*** (о частях тела), ***выпростать*** (прост. ‘вынув из-под чего-н., освободить’), ср.: *А будка хвацкая, так утульна ў ёй – каб яшчэ на пядзю даўжэй, то можна было б і ногі*

выпрастаць (Міська П. «Грот афаліны» (1980–1982)). – *А будка удобная, так уютно в ней, – если б еще на пядь подлинней, можно было бы и ноги* ***вытянуть*** (Мисько П. «Грот афалины» (А. Чеснокова, 1988)) [7].

Особенностями функционирования коммуникативной системы языка предопределено, что большое значение в формировании номинативного ряда глагола имеет стилистическая маркированность лексемы. К примеру, в русском языке глагол ***отчуждать*** имеет 2 значения: 1. (офиц.) Передавать (имущество) в пользу другого лица, организации, государства; 2. (книжн.) Делать далёким, чуждым кому-н., отдалять [9, т. 8, с. 853]. Очевидно, что эксплицитное дискретное сочетание ***делать чуждым*** входит в состав номинативного ряда данного глагола только во 2-м значении; в 1-м значении имеет место неполный номинативный ряд: ***отчуждать*** – ∅, так же, как и стилистически нейтральное деривационное сочетание ***делать чужим*** не имеет однословного коррелята: *Я люблю в Н. и то, что отдаляет ее от меня,* ***делает чужой****, а может быть – страшно признаться – даже ее нелюбовь ко мне* (Эпштейн М. Поэтика близости // «Звезда». 2003); *Эти пятна* ***сделали*** *привычный вид* ***чужим*** (Генис А. «Темнота и тишина» (1996–1997)) [7]. В белорусском языке соответствующие значения заключены в глаголе ***адчужаць***, который образует два номинативных ряда: ***адчужаць*** (спец.) – ∅, ***адчужаць*** – ***рабіць чужым*** [6, т. 5, с. 192]. *Усё, што абмяжоўвае чалавека ў свабодзе, робіць яго дробязным і нікчэмным, калечыць душу, ламае хрыбет, пазбаўляе годнасці,* ***адчужае*** *ад родных* (Гушча А. Цвік, забіты з майстэрствам // “Наша Ніва”) [8].

Таким образом, с одной стороны, становится очевиден межкатегориальный характер деривационных сочетаний, когда один и тот же тип аналитической конструкции (благодаря степени обобщенности выражаемой семантики) может соответствовать, к примеру, глаголам-отадъективам и глаголам-отсубстантивам. С другой стороны, деривационные сочетания, характеризующиеся наибольшей степенью регулярности, в составе номинативных рядов способны выполнить интегрирующую роль: соединить различные по характеру мотивационных связей родственные слова, порой находящиеся на различных ступенях производности. Номинативный ряд, как структура, отражающая процесс взаимодействия единиц разных уровней (производных слов и деривационных сочетаний), способен эксплицировать значительно более широкий круг формально-смысловых отношений между родственными единицами, нежели это имеет место в ограниченной формально словными производными системе собственно словообразования.

Список использованных источников

1. Русская грамматика : [в 2 т.] / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.

2. Беларуская граматыка : у 2 ч. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1 : Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с.

3. Бардовіч, А. М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы : вучэб. дапам. / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 413 с.

4. Васілеўскі, М. С. Дзеяслоўнае словаўтварэнне : адыменныя суфіксальныя лексемы / М. С. Васілеўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 248 с.

5. Никитевич, А. В. Словообразовательные лакуны в лексических подсистемах языка / А. В. Никитевич // Словообразуване и лексикология : докл. от Десетата Междунар. конф. на Комисията по славянско словообразуване при Междунар. ком. на славистите, София, 1–6 окт. 2007 г. / сост.: В. Радева, Ц. Аврамова, Ю. Балтова. – София, 2009. – С. 186–196.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 1977–1984. – 5 т.

7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ruscorpora.ru. – Дата доступа: 25.01.2019.

8. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://bnkorpus.info. – Дата доступу: 25.01.2019.

9. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – 17 т.

10. Никитевич, А. В. Деривация и смысл / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 233 с.

11. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. – 242 с.

12. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 347 с.

13. Лавыш, М. А. Синтетизм/аналитизм в выражении семантики глагольных моделей ‘лишить/лишиться того, что названо мотивирующим существительным’ / М. А. Лавыш // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А: Гуманит. науки. – Новополоцк : ПГУ, 2019. – № 2. – С. 127–130.

References

1. *Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress Intonation. Word formation. Morphology.* Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p. (in Russian).

2. *Belarusian grammar. Part 1. Phonology. Spelling pronouns. Morphology. Word formation. Pressure.* Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1985. 431 p. (in Belarusian).

3. Bardovich A. M., Krutalevich M. M., Lukashanets A. A. *Word-formation dictionary of the Belarusian language*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2000. 413 p. (in Belarusian).

4. Vasileuski M. S. *Verb word formation: suffix lexemes of the named part of speech*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1985. 248 p. (in Belarusian).

5. Nikitevich A. V. Word-formation lacunae in the lexical subsystems of the language. *Slovoobrazuvane i leksikologiya: dokladi ot Desetata Mezhdunarodna konferentsiya na Komisiyata po slavyansko slovoobrazuvane pri Mezhdunarodniya komitet na slavistite, Sofiya, 1–6 oktomvri 2007 g.* [Word-formation and Lexicology: reports from the 10th International conference of the Slavic Word Commission at the International Committee of Slavists, Sofia, October 1–6, 2007]. Sofia, 2009, pp. 186–196 (in Russian).

6. *Explanatory dictionary of the Belarusian language. 5 vol.* Minsk, Belarusian Encyclopedia named after Petrus Brovki, 1977–1984.

7. *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 25.01.2019) (in Russian).

8. *Belarusian N-korpus*. Available at: https://bnkorpus.info (accessed 25.01.2019) (in Belarusian).

9. Chernyshev V. I. (ed.). *Dictionary of modern Russian literary language. 17 vol.* Moscow, Leningrad, Publisher of the USSR Academy of Sciences, 1950–1965.

10. Nikitevich A. V. *Derivation and meaning.* Grodno, Grodno State University, 2014. 233 p. (in Russian).

11. Yantsenetskaya M. N. *Semantic questions of the theory of word formation.* Tomsk, Publisher of Tomsk University, 1979. 242 p. (in Russian).

12. Nikitevich A. V. *Russian verb as part of nominative series.* Grodno, Grodno State University, 2004. 347 p. (in Russian).

13. Lavysh M. A. Synthetic/analitical means of expression of the verb models’ semantics with the values ‘to deprive/deprived of what is called motivating nount’. *Vestnic Polotskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnic of PSU], 2019, no. 2, pp. 127–130 (in Russian).

Информация об авторе

Лавыш Марина Андреевна – аспирант. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: *lavyshmarina@yandex.ru*

Information about the author

Maryna A. Lavysh – Postgraduate student. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Ozheshko Str., Grodno, 230023, Belarus). E-mail: *lavyshmarina@yandex.ru*

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 81.373
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-197-202

Поступила в редакцию 24.07.2018
Received 24.07.2018

А. В. Загребельный

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

АВТОРСКАЯ ПАРЕМИЯ «*ЛЮБИШЬ ПЕЧАТАТЬ – ЛЮБИ И В КУТУЗКЕ СИДЕТЬ*» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1905–1907 гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу авторской паремии *«Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть»*. В ходе работы с источниками периода первой русской революции был выявлен единственный случай употребления данной паремии в рубрике «Новые пословицы» общественно-политического сатирического журнала «Зарницы». Научная новизна исследования состоит в том, что впервые анализируется авторская паремия *«Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть»*, ранее не привлекавшая внимания исследователей. В работе использованы методы компонентного, контекстуального, логико-семиотического анализа, а также анализа словарных дефиниций. В результате проведенного исследования были получены следующие результаты: 1) установлена паремия-источник; 2) охарактеризована имевшая место структурно-семантическая трансформация паремии-источника; 3) научно обоснована узнаваемость в авторской паремии её системного прототипа; 4) выполнен анализ событий социально-политической жизни российского общества периода первой русской революции, которые обусловили появление новой паремии; 5) сформулировано выражаемое авторской паремией суждение, определен её тип. В заключительной части статьи обозначены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: авторская паремия, диахронический анализ, структурно-семантическая трансформация, паремия-источник, высший логико-семиотический инвариантный тип

Для цитирования: Загребельный, А. В. Авторская паремия *«Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть»* в русском языке 1905–1907 гг. / А. В. Загребельный // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 197–202. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-197-202

Artur V. Zagrebel'ny

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

AUTHOR`S PAROIMIA "*IF YOU LIKE PRINTING, YOU SHOULD LIKE TO BE PRISONED*" IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 1905–1907

Abstract. The article is devoted to the analysis of the author's paroimia "*If you like printing, you should like to be prisoned"*. In the course of working with the sources of the period of the first Russian revolution, the only case of using this paroimia in the rubric "New Proverbs" of the socio-political satirical magazine "Zarnitsy" was revealed. The scientific novelty of the study is that for the first time the author's paroimia "*If you like printing, you should like to be prisoned"* is analyzed, which has not previously attracted the attention of researchers. The methods of component, contextual, logical and semiotic analysis, as well as analysis of vocabulary definitions were used in the work. As a result of the study, the following results were obtained: 1) a source paroimia was established; 2) a structural and semantic transformation of the source paroimia was characterized; 3) recognition of the author's paroimia was scientifically grounded in its system prototype; 4) an analysis of the events of Russian history of the period of the first Russian revolution, which led to the emergence of a new paroimia, was done, 5) the author's paroimia judgment was formulated, its type was defined. The final part of the article outlines the prospects for further research.

Keywords: author's paroimia, diachronic analysis, structural and semantic transformation, source paroimia, higher logical and semiotic invariant type

For citation: Zagrebel'nyi A. V. Author`s paroimia *"If you like printing, you should like to be prisoned"* in the Russian language of the 1905–1907. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 197–202 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-197-202

В ходе работы с различными источниками периода 1905–1907 гг. нами были выявлены десятки авторских паремий, ранее не становившихся объектом лингвистических изысканий (*на Витте надейся, но погрома жди; конституция не балалайка – поиграешь, на стену не повесишь; корми сына до поры: вырастет – в тюрьму на казенные хлеба сядет; любишь печатать – люби и в кутузке сидеть; в чужой арсенал со своим пулемётом не суйся; скажи, в кого ты стреляешь,*

© Загребельный А. В., 2020

а я скажу, кто ты; кому жандарм, а тебе дяденька; старого воробья на овсе не поймаешь; каков кабинет, таков и бюджет; не красна Москва домами, а кровавыми следами; на войско надейся, а сам уезжай; не все то золото, что лежит в Государственном банке; бей, адмирал – наместником будешь и др.). В рамках настоящей статьи мы не будем подробно останавливаться на специфике исследования авторской паремиологии русского языка начала XX века, так как эти вопросы неоднократно освещались нами в научных публикациях [1; 2; 3, с. 39–41; 4; 5, с. 221–222]. Отметим лишь, что под авторской паремией мы будем понимать вариант функционирующей в языке паремии, образованный конкретным человеком (группой людей) посредством использования соответствующего высшего логико-семиотического инварианта (в терминологии Г. Л. Пермякова), не приводящих к потере «узнаваемости» исходной структуры структурно-семантических трансформаций, в целях реализации конкретной, детерминированной определенными экстралингвистическими факторами, прагматической задачи автора [6]. Разделяя точку зрения В. М. Мокиенко, Х. Вальтера, М. А. Сташковой, З. М. Зайкиной и ряда других исследователей, мы относим авторские паремии к единицам языка, а не речи [7, с. 8; 8, с. 9; 9, с. 111].

Изучение самого явления трансформации существующих в языке паремий и их «превращения» в новые пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения началось относительно недавно – в начале 1990-х гг. [7, с. 9]. При этом по настоящее время проводятся преимущественно синхронические исследования, т. е. анализируется современный языковой материал, а в качестве источников используются в большинстве случаев тексты периодической печати и интернет-ресурсы [7, с. 9].

Работы же по изучению корпусов авторских паремий исторически дистанцированных эпох (например, периода первой русской революции) практически не представлены [1–5], что определяет научную новизну как данного направления в общем, так и настоящей статьи в частности.

Цель статьи состоит в анализе авторской паремии *«Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть»* в лингвистическом, логико-семиотическом и культурно-историческом аспектах. В числе задач исследования выявление паремии-источника и описание имевших место её структурно-семантических трансформаций; научное обоснование узнаваемости в авторской паремии её системного прототипа; определение фактов социально-политической жизни российского общества рассматриваемого временного периода, обусловивших появление новой паремии; формулировка выражаемого авторской паремией суждения и определение её типа.

В процессе анализа нами приводятся языковые значения всех слов-компонентов рассматриваемой паремии, что может показаться излишним. Тем не менее, наличие данного блока анализа является принципиально важным, так как установление типа авторской паремии (пословица, поговорка, пословично-поговорочное выражение) возможно лишь при сопоставлении выражаемого ею суждения со значениями образующих её слов-компонентов, в ходе которого идентифицируются первично и вторично маркированные компоненты [10, с. 30; 11, с. 123].

В данной статье мы приводим достаточно подробный анализ экстралингвистических фактов, обусловивших появление рассматриваемой авторской паремии. Необходимость столь подробного исторического анализа в лингвистической статье всецело обусловлено тем фактом, что корректное восприятие содержания авторских паремий носителями языка возможно при условии наличия общих у адресата и адресанта знаний [12, с. 159]. Исключение культурно-исторического анализа из методики анализа авторских паремий дореволюционного периода привело бы к «дисбалансу знаний» адресанта и адреса, утрате авторской паремией «… ассоциативности, экспрессивности и коммуникативно-прагматической нагрузки» [12, с. 159].

«Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть» [13, с. 2]. Анализируемая авторская паремия образована на базе паремии-источника *«Любишь кататься, люби и санки возить»*, выражающей следующее суждение: ‘Неизбежно приходится расплачиваться за то, что было сделано с охотой, с удовольствием’ [14, с. 165]. Потеря словами-компонентами паремии-источника связей с первоначальными областями референции позволяет утверждать, что перед нами пословица.

Рассматриваемая авторская паремия представляет собой образный вариант следующей типической ситуации: если какая-нибудь вещь (Q) зависит от другой вещи (P) и при этом вещь (P) обладает каким-нибудь свойством (x), то и зависимая вещь (Q) будет обладать тем же свойством [15, с. 21].

В нашем случае вещь (Q) именуется словом *кутузка*, вещь (P) – словом *печатать*, свойство (x) обоих вещей (Q) и (P) выражено словом *любить*. Паремия-источник является образным вариантом той же самой типической ситуации, объединяющей по классификации Г. Л. Пермякова паремии в высшую логико-семиотическую инвариантную группу II (1), в которой «… моделируются отношения между свойствами разных вещей в зависимости от отношения самих этих вещей…» [15, с. 21]. Моделируемые отношения могут быть представлены в виде следующей схемы: (P → Q) → [P (x) → Q (x)], где знаком → обозначена логическая операция импликации.

Анализируемая авторская паремия и паремия-источник входят в состав одной логико-тематической группы «Одинаковость – неодинаковость отношения» [6, с. 180].

Для определения типа рассматриваемой авторской паремии рассмотрим её компонентный состав.

Глагол *любить*, употребленный в форме 2 л., ед. ч., имеет значение ‘Быть довольным чем-л., испытывать удовлетворение от чего-л.’ [16, т. 9, с. 360]. Слово *печатать* означает ‘Воспроизводить какой-либо текст, какое-либо изображение и т. п. типографским способом’ [16, т. 16, с. 515]. Частица *и* соответствует по значению слову *также* [17, т. 5, с. 9]. Предлог *в*, употребленный с существительным в предложном падеже, используется для указания места лишения свободы, объективированного лексемой *кутузка* [17, т. 2, с. 14]. Устаревшее и просторечное слово *кутузка* имеет значение ‘Тюрьма, арестантская’ [16, т. 8, с. 829]. Глагол *сидеть* толкуется следующим образом: ‘6. Находиться в заключении; быть лишенным свободы’ [17, т. 13, с. 778].

Сумма значений слов-компонентов анализируемой паремии может быть представлена в следующем виде: ‘испытывая удовлетворение от воспроизведения текстов типографским способом, будь готов радоваться нахождению в тюрьме’.

Обратимся к событиям общественно-политической жизни России начала XX в., которые могли обусловить появление анализируемой языковой единицы.

Понимание того, что печатная агитационная продукция (листовки, прокламации, газеты и пр.) является одним из ключевых средств политической борьбы в России начала XX в., было у всех сторон политического процесса, однако отношение к данной продукции варьировалось.

Власть считала именно печать главной причиной антиправительственных выступлений, а не имевшие место социально-экономические и политические противоречия [18]. Так, министр Министерства внутренних дел В. К. Плеве в декабре 1902 г. в беседе с редактором «Русского богатства» Н. К. Михайловским утверждал следующее: «Общественное движение есть плод литературы <…> студенты, вообще молодежь, рабочие, крестьяне – все это пушечное мясо. Двигатель – печать и она должна платиться за все беспорядки, и будет платиться…» [19, с. 57].

Представители различных политических партий рассматривали печать как наиболее эффективное средство пропаганды. Так, один из основателей «Союза 17 октября» М. В. Красовский на первом общем собрании партии 4 декабря 1905 г. отмечал следующее: «Безразличие в политических убеждениях в настоящее время есть государственное преступление. Революционные партии превосходят нас тем, что в их рядах много молодежи, увлекающейся утопиями, но способной к самоотверженной деятельности, к самопожертвованию; мы большей частью люди зрелых лет. Чтобы привлечь на свою сторону, нам надо воздействовать на массы путем печати» [20, с. 31].

Как отмечали современники первой русской революции 1905–1907 гг., подъём революционного движения обусловил активизацию издательской деятельности политических партий, а печать же, в свою очередь, явилась одним из катализаторов революционного процесса, средством вовлечения зачастую политически инертных слоев населения в активную политическую жизнь: «Приезд Чехова в Москву совпал с первыми всплесками революционного движения. Смелей заговорила печать, все чаще и настойчивее раздавались призывы к свержению самодержавия, подкрепленные забастовками рабочих, студенческими сходками и выступлениями прогрессивных общественных деятелей» [21]; «Сегодня сравнительно спокойнее, хотя тревога еврейского населения продолжатся. Местная прогрессивная печать поставлена в невозможность осветить события в истинном свете; в то же время черносотенная “Русская Речь” открыто провоцирует и разжигает низменные страсти черни» [22].

Январские события 1905 г. вынудили императора Николая II пойти на ряд уступок: «Чтобы успокоить, умиротворить это революционнее движение, государь император, одушевленный любовью к родине, предпринял целый ряд государственных реформ и правительственных мероприятий. Особенно важны следующие: <…> 17 апреля обнародован указ о свободе вероисповеданий, причем такая свобода возвращена и русским старообрядцам. Изданы новые цензурные правила, в силу которых периодическая печать получила значительную свободу; допущена также свобода союзов и собраний, которою воспользовались разные политические партии для своей организации» [23]. Однако несмотря на принятые законы, Манифест 17 октября 1905 года, в котором была законодательно закреплена свобода печати, в действительности никаких существенных изменений не произошло: «Закон о свободе печати действительно издан, но в настоящее время 150 редакторов уже посажены в тюрьму» [20, с. 93].

Стремясь понизить градус социально-политической напряженности в стране правительство шло на формальные уступки, законодательно закрепляя ранее отсутствовавшие у граждан права и свободы. Противоречия же между реально предпринимаемыми правительством шагами по подавлению антимонархических выступлений в различных их проявлениях (в том числе и агитация населения примкнуть к революционным и центристским партиям с целью осуществления смены государственного строя) и содержанием издаваемых законов были абсолютно очевидны. Сам факт подобного «поведения» власти мог вызывать у либеральной интеллигенции лишь острое чувство негодования. Донести свою позицию по данному вопросу до широких слоев населения было возможно не только посредством использования эзопова языка на страницах периодических изданий, но и за счет обращения к богатым возможностям пословиц и поговорок русского языка, веками аккумулировавших народную мудрость.

Структурная модель пословицы *«Любишь кататься, люби и санки возить»* (глагол в форме 2-го л. ед. ч. + глагол в форме инфинитива, глагол в форме 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения + частица *и* + существительное в форме вин. п. ед. ч. + глагол в форме инфинитива) была использована (с незначительным изменением) неизвестным автором для создания новой паремии – *«Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть».*

Учитывая рассмотренные выше факторы внешней среды, суждение анализируемой авторской паремии может быть сформулировано следующим образом: ‘За печать антиправительственных материалов неминуемо наступит уголовная ответственность’. В связи с тем, что слово-компонент *печать* сохранило свою первоначальную область референции, тип рассматриваемой авторской паремии может быть определен как пословично-поговорочное выражение.

Таким образом, порождение новой языковой единицы сопровождалось изменением структурной модели паремии-источника, регрессией идеоматичности (пословица → пословично-поговорочное выражение), усилением мотивированности смысла.

Подводя итог, можем заключить, что использование неизвестным автором богатого образного потенциала пословицы *«Любишь кататься, люби и санки возить»*, её структурной модели позволили создать новую языковую единицу, выражающую ситуативно и экстралингвистически детерминированное суждение и также характеризующуюся высокой степенью образности, основывающейся на наглядно-чувственном представлении о ситуации высказывания.

Учитывая тот факт, что в Российской империи периода первой русской революции активно действовала цензура (несмотря на издание Николаем II манифеста от 17 октября 1905 г.) и любое инакомыслие в печатных СМИ незамедлительно наказывалось, образование новой паремии *«Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть»* позволило неизвестным авторам обратить внимание общественности на установленные государством запреты, на несоответствие между её словами и делами.

В качестве перспектив дальнейших исследований можно отметить исследование других авторских паремий русского языка периода первой русской революции; разработку и описание отсутствующей в современной лингвистике методики диахронического анализа авторских паремий; представление и изучение корпуса авторских паремий как системного образования; выявление, систематизация и описание трансформационных механизмов образования авторских паремий; составление словаря авторской паремиологии русского языка периода 1905–1907 гг.

Список использованных источников

1. Загребельный, А. В. Авторская паремиология в русском языке начала XX века / А. В. Загребельный // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : Междунар. конф. : V Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 12–15 окт. 2015 г.) : тр. и материалы : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. – Казань, 2015. – Т. 1. – С. 120–123.

2. Загребельный, А. В. Паремии-новации в русском языке 1905–1907 гг. / А. В. Загребельный // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : тр. и материалы Междунар. конф., Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г. : в 2 т. / Казан. (Приволж.) федер. ун-т, Ин-т филологии и межкультур. коммуникации ; под общ. ред. К. Р. Галиуллина [и др.]. – Казань, 2016. – Т. 2. – С. 82–92.

3. Загребельный, А. В. Авторские паремии в русском языке начала XX века / А. В. Загребельный // Вопр. филологии. – 2015. – № 3 (51). – С. 39–47.

4. Загребельный, А. В. Квазипаремия «Гусь свинье не товарищ, а товарищ графу не “братец”» в русском языке 1905–1906 гг. / А. В. Загребельный // Науч. обозрение: гуманит. исслед. – 2015. – № 8. – С. 121–128.

5. Загребельный, А. В. Революция 1905–1907 гг. в зеркале авторской паремиологии русского языка / А. В. Загребельный // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 221–230.

6. Пермяков, Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1979. – 671 с.

7. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 574 с.

8. Сташкова, М. А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / М. А. Сташкова. – М., 2015. – 22 с.

9. Зайкина, З. М. Понятийная и структурно-типологическая специфика паремиологических единиц / З. М. Зайкина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2018. – № 1 (79), ч. 1. – С. 108–112. https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-1-1.28

10. Батулина, А. В. Пословично-поговорочные выражения в современном русском языке : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Батулина. – Великий Новгород, 2003. – 211 л.

11. Жуков, В. П. Русская фразеология : учеб. пособие / В. П. Жуков. – М. : Высш. шк., 1986. – 310 с.

12. Гнедаш, С. И. Провербиальные единицы и возможности их трансформации в современном немецком языке / С. И. Гнедаш // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 155–159.

13. Зарницы : журн. лит.-художеств. и сатир. – 1906. – № 3.

14. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.

15. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1970. – 240 с.

16. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвист. исслед. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2017. – 1–24 т.

17. Словарь современного русского литературного языка : [в 17 т.] / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965. – 1–17 т.

18. Лихоманов, А. В. Правительство С. Ю. Витте и обеспечение свободы прессы в 1905 году / А. В. Лихоманов // Исторические записки / Отд-ние историко-филол. наук РАН. – М., 2008. – Вып. 11 (129). – С. 199–217.

19. Михайловский, Н. К. Моё свидание с В. К. Плеве / Н. К. Михайловский // Полн. собр. соч. – 2-е изд. – СПб., 1913. – Т. 10. – С. 59–64.

20. Партия «Союз 17 октября» : в 2 т. / Ассоц. «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1996. – Т. 1 : Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК, 1905–1907 гг. – 408 с.

21. Тройнов, В. П. Встречи в Москве (из воспоминаний) [Электронный ресурс] / В. П. Тройнов. – Режим доступа: http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st036.shtml. – Дата доступа: 10.07.2018.

22. Неизвестный. Вести (1906. 26 июля) [Электронный ресурс] // Русское слово. – 1906. – Режим доступа: http://ruscorpora.ru. – Дата доступа: 10.07.2018.

23. Иловайский, Д. И. Краткие очерки русской истории [Электронный ресурс] / Д. И. Иловайский. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_kratkie_ocherki.html. – Дата доступа: 10.07.2018.

References

1. Zagrebel’nyi A. V. Authors paremiology in the Russian language of the beginning of the 20th century. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: mezhdunarodnaya konferentsiya: V Boduenovskie chteniya (Kazanskii federal’nyi universitet, 12–15 oktyabrya 2015 g.): trudy i materialy* [I.A. Baudouin de Courtene and world linguistics: international conference: proceeding V Boduenovsky readings (Kazan Federal University, October 12–15, 2015)]. Kazan, 2015, vol. 1, pp. 120–123 (in Russian).

2. Zagrebel’nyi A. V. Paremias innovations in the Russian language of 1905–1907. *Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyi vektor issledovanii Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly: trudy i materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Kazan’, 31 oktyabrya – 3 noyabrya 2016 g.)* [Scientific heritage of V.A. Bogoroditsky and a modern vector of researches of the Kazan linguistic school: processing International conference, Kazan, October 31 – November 3, 2016]. Kazan, 2016, vol. 2, pp. 82–92 (in Russian).

3. Zagrebel'nyi A. V. Author''s paroimia in the Russian language of the early XXth century. *Voprosy filologii* [Philology Questions], 2015, no. 3 (51), pp. 39–47 (in Russian).

4. Zagrebel'nyi A. V. Quasiparoemia "A goose is no pal to a pig and the pal is no "brother" to a count" in the Russian language in 1905–1906. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya* [Scientific review: humanitarian researches], 2015, vol. 8, pp. 121–128 (in Russian).

5. Zagrebel'nyi A. V. The revolution of 1905–1907 in the mirror of an author`s paremiology of the Russian language. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2017, vol. 3, pp. 221–230 (in Russian).

6. Permyakov G. L. *Proverbs and sayings of the people of the East. The systematized meeting of sayings of two hundred people*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 671 p. (in Russian).

7. Val'ter Kh., Mokienko V. M. *Anti-proverbs of the Russian people*. St. Petersburg, Neva Publ., 2005. 574 p. (in Russian).

8. Stashkova M. A. *Functioning of proverbs and anti-proverbs with a gender component in modern English*. Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 2015. 22 p. (in Russian).

9. Zaikina Z. M. Conceptual and structural-typological peculiarities of paroemiological units. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2018, no. 1 (79), pt. 1, pp. 108–112 (in Russian). https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-1-1.28

10. Batulina A. V. *Poslovichno-pogovorochnye vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke*. Ph.D. Thesis. Velikiy Novgorod, 2003. 211 p. (in Russian).

11. Zhukov V. P. *Russian phraseology*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 310 p. (in Russian).

12. Gnedash S. I. Proverbial units and the ways of their transformation in the modern German language. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2010, no. 2, pp. 155–159 (in Russian).

13. *Zarnitsy: zhurnal* [Summer lightnings: journal], 1906, no. 3 (in Russian).

14. Zhukov V. P. *Dictionary of the Russian proverbs and sayings*. 7nd ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2000. 544 p. (in Russian).

15. Permyakov G. L. *From a saying to the fairy tale*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 240 p. (in Russian).

16. *Big Academy dictionary of Russian. Vol. 1–24*. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–2017 (in Russian).

17. *Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 1–17.* Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950–1965 (in Russian).

18. Likhomanov A. V. S.Yu. Witte's government and ensuring freedom of the press in 1905. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 2008, iss. 11 (129), pp. 199–217 (in Russian).

19. Mikhailovskii N. K. My appointment with V.K. Pleve. *Complete works. Vol. 10*. 2nd ed. St. Petersburg, 1913, p. 59–64 (in Russian).

20. Union on October 17 party. *Protocols of congresses, conferences and meetings of the Central Committee. Vol. 1. Minutes of congresses and meetings of the Central Committee, 1905–1907.* Moskow, ROSSPEN Publ., 1996. 408 p. (in Russian).

21. Troinov V. P. *Meetings in Moscow* (from memoirs). Available at: http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st036.shtml (accessed 10.07.2018) (in Russian).

22. Unknown. Messages (1906.07.26). *Russian word, 1906*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 10.07.2018) (in Russian).

23. Ilovaiskii D. I. *Brief essays on Russian history*. Available at: http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_kratkie_ocherki.html (accessed 10.07.2018) (in Russian).

Сведения об авторе

Загребельный Артур Владимирович – кандидат филологических наук, научный сотрудник. Вологодский научный центр Российской академии наук (ул. Горького, 56а, 160014, Вологда, Российская Федерация). E-mail: pechorin2106@mail.ru

Information about the author

Artur V. Zagrebel'nyi – Ph. D. (Philol.), Research Associate of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky Str., Vologda 160014, Russia). E-mail: pechorin2106@mail.ru

ISSN 2524-2369 (PRINT)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 783:781.68.036(476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-203-208

Поступила в редакцию 23.07.2019
Received 23.07.2019

Т. Г. Мдивани

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

КОМПОЗИТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ЭТОСА В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Аннотация. Впервые в белорусском литургическом музыковедении осуществляется анализ отношения отечественных композиторов к христианским истокам: темам, образам, стилю, церковной певческой культуре в целом. Доказывается, что интерес белорусских музыкантов периода государственного суверенитета фокусируется на двух христианских конфессиях – западно- и восточноевропейской, что сочинения композиторов по сути являются репрезентантами музыкального искусства, а не богослужебной певческой практики, а также что в основе композиторской работы лежит феномен интерпретации. Выделяются три типа композиторской интерпретации церковной традиции: переложение, авторская транскрипция и конвенциональность. Делается вывод, что духовный пласт отечественной музыкальной культуры современности, представленный композиторским творчеством, является своеобразным *эстетическим эвфемизмом* между восточным и западным христианством, который проявляет себя в разных аспектах.

Ключевые слова: христианство, музыка, интерпретация, переложение, транскрипция, конвенциональность

Для цитирования. Мдивани, Т. Г. Композиторская интерпретация христианского этоса в музыкальном искусстве современной Баларуси / Т. Г. Мдивани // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 203–208. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-203-208

Tatyana G. Mdivani

Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

COMPOSER'S INTERPRETATION OF THE CHRISTIAN ETHOS IN THE MUSIC ART OF SOVEREIGN BELARUS

Abstract. For the first time in the Belarusian liturgical musicology analysis of the attitude of domestic composers to Christian sources: themes, images, style, church singing culture in general is carried out. It is proved that the interest of the Belarusian musicians of the period of state sovereignty focuses on two Christian denominations – the Western and Eastern European; that the compositions of composers in their essence are representatives of musical art, and not of liturgical singing practice, and also, that the basis of the composer's work is the phenomenon of interpretation. Three types of composer interpretation of church tradition are distinguished: «leverage» (transposition, re-establishment), author's transcription and conventionality. The main conclusion of the work: the spiritual stratum of the national musical culture of modern times, presented by composer creativity, is a peculiar aesthetic euphemism between Eastern and Western Christianity, which manifests itself in various aspects.

Keywords: Christianity, music, interpretation, transcription, transposition («leverage»), conventionality

For citation. Mdivani T. G. Composer's interpretation of the Christian ethos in the music art of sovereign Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 203–208 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-203-208

Введение. Базовые ценности духовной жизни человека имеют религиозное происхождение, и их сохранение гарантирует целостность и устойчивость общественного развития. Существует светское и религиозное понимание духовности[1]. В светской традиции духовность так же, как и в религиозной, определяется нравственным законом, который индексирует чело-

[1] Этос атрибутируется понятиями «святой дух», «душа», «дух», где дух априори причастен божественному посредством веры. Ее основанием выступает религиозность – религиозные идеалы и религиозное мировоззрение, которые формируют особый тип «духовной личности», способной пребывать в особой, возвышенной духовной ауре.

© Мдивани Т. Г., 2020

веческую жизнь, но он не дается свыше, а представляет собою обобщенный культурный опыт человечества[1]. Духовность проявляет себя в нем в различных видах и формах, поскольку живет в ценностно окрашенном мире. Однако наиболее полно и конкретно-осязаемо о духовности можно говорить по отношению к искусству, которое как созидательно-выразительная система образов, как вид специфической (художественной) деятельности всегда апеллирует к одному из важнейших ценностных критериев – эстетическому началу.

Целью настоящей работы является формулировка и обоснование важнейших тенденций отношения композиторов к церковной этике, тематике, образам, стилистике сквозь призму **герменевтики**, а точнее интерпретационной **методологии**. В результате детального анализа музыкальных произведений, написанных в период государственного суверенитета Беларуси, создается эксклюзивная **концепция** путей и способов интерпретации христианского этоса белорусскими композиторами. Впервые материалом исследования являются все музыкальные жанры, что позволяет составить целостное представление о новом и важном пласте национальной музыки периода государственного суверенитета и предшествующего ему десятилетия как о формирующем новое композиторское сознание.

Основная часть. В 1980–1990-е гг. в музыкальном искусстве после ослабления политики официального государственного атеизма обострилась тяга композиторов к поиску духовных истоков, к христианскому этосу[2]. В белорусской музыке творческий интерес был связан с освоением религиозной тематики, с новым осмыслением исторических событий, так или иначе связанных с образами Евфросинии Полоцкой, Симеона Полоцкого, Кирилла и Мефодия, Франциска Скорины, а также с постижением архаичных основ православных богослужебных песнопений. Христианство выступило важнейшим культурообразующим фактором, определившим как стиль жизни, менталитет и творческую деятельность многих белорусских музыкантов, так и новый вектор композиторских интенций. Общим основанием обобщения христианской традиции стала религиозность. Под религиозностью понимается качественное своеобразие определенного круга явлений, совокупно представляющих религиозный опыт, религиозные традиции и тип сознания. Пути и способы освоения религиозной темы композиторами Беларуси были различными. Сначала были освоены жанры западнохристианской церкви, в частности, реквием, a priori конгруэнтный теме памяти по ушедшим в мир иной. Среди сочинений – реквием «Помните!» (1980) Л. Шлег, «Чернобыльский реквием» (1999) О. Залетнева, «Чернобыльский реквием» (2006) С. Бельтюкова. Литературной основой послужили слова М. Танка, Л. Прончака, В. Дзюбы, А. Адамовича, а также анонимных авторов, в т. ч. и канонические тексты в переводе на белорусский язык. Затем были освоены другие церковные жанры латинского обряда, в частности, *мотет* (триптих для солистов хора, оркестра и органа «Sancta Mater», 1992; «Ave Maria», 1993, Л. Шлег), *Stabat Mater* (А. Литвиновский, 1999; А. Безенсон, 2003; О. Ходоско, 2009), *Alleluia* (Maggiore sempre, 2002, В. Дорохина), *хорал* (4-я симфония «Homo sapiens» А. Мдивани, 1983), *месса* (месса «Gregorianica» А. Литвиновского, 1994; «Несвижская месса», 1997, «Святая імша», 2002, О. Залетнева; мессы на латинский канонический текст А. Безенсон). И хотя к мелодиям григорианского хорала – атрибуту западной церкви – композиторы не обращались, однако благодаря звучанию органа, хора мальчиков, символизирующего пение ангелов, оповестившее мир о рождении

[1] Между тем, согласно канону, соотношение веры и музыки в Восточной христианской церкви иное, нежели в Западной: в православии музыки как вида искусства нет, но есть музыкальное олицетворение Слова. Истоки такого соотношения сложились еще в Византии, где сформировалась оппозиция богослужебного пения как выразителя сакрального начала и музыки – как художественного начала. С тех пор репрезентантом этоса восточнохристианской церкви является православное песнопение, или омузыкаленное чтение Слова. Оппозиция была задана в книге пророка Даниила, где было отчетливо показано противостояние песнопений отроков звучанию инструментов (сопровождавших поклонение золотому истукану и тем самым мешавших пониманию смысла Слова Божия). Противопоставление богослужебного пения, которое, согласно Уставу, способствует пониманию богослужебного текста, музыке как виду искусства, в дальнейшем выразилось в сопоставлении нотации (крюковой и линейной), манеры пения (а капелла в православии и с сопровождением – в западном христианстве), песнопений службы (мессы – литургии) и т. д.

[2] 23 декабря 1980 г. Священный синод Московского патриархата постановил «начать подготовку к празднованию Русской Православной Церковью предстоящего великого юбилея» [4, с. 6–7]. 17 мая 1983 г. состоялась официальная передача комплекса строений московского Данилова монастыря для создания на его территории «Духовно-административного центра» Московского патриархата [3, с. 2]. Решение трактовалось в СССР как чрезвычайно важное событие, свидетельствующее о новом отношении руководства страны к религии, христианству в частности.

Спасителя в Вифлееме, секвенции «Dies irae», каноническим текстам и специфической интонационности, основанной на строгой семизвуковой диатонической ладовости и характерности мотивов, создавался некий обобщенный, совокупный образ христианской религиозности. При этом библейские сюжеты и образы, собственно религиозная тема получали символическую трактовку как в вокальных и вокально-инструментальных жанрах, так и в музыкально-театральных (балет, опера) и симфонических. Особенно высоких результатов достигла А. Безенсон, которая создала массу произведений в традициях латинского обряда, в т. ч. духовные гимны для детей.

Другими словами, западнохристианская тема стала необходимой составляющей духовного континента современного просвещенного человека, войдя в его плоть и кровь. Между тем в костелах, протестантских и лютеранских храмах сочинения не исполнялись, будучи светскими музыкальными произведениями. Таким образом, белорусские композиторы каждый по-своему, индивидуально интерпретировали западнохристианский культовый канон как в сфере интонационности, так и в содержательном аспекте, создавая оригинальное авторское концертное произведение.

С середины 1980-х гг. началось освоение и православной религиозности, что было отчасти связано с подготовкой, а затем и празднованием 1000-летия Крещения Руси[1]. Между тем налицо была разница в понимании композиторами христианского наследия и в области тематики, образной системы, и в сфере композиторской работы (жанры, стиль, принципы организации материала). Причиной тому явилось отсутствие школы и знания основ православной певческой культуры, поскольку восточнохристианская (греческая), или православная певческая, традиция по разным причинам – и прежде всего из-за атеистической политики СССР – находилась за пределами как учебной, так и творческой практики советских, в т. ч. белорусских музыкантов. Западнохристианская же музыкальная традиция осваивалась еще в детских музыкальных школах и музыкальных училищах, поскольку представляла творчество великих композиторов – И. С. Баха, Г. Ф. Генделя, В. А. Моцарта и др. Поэтому ренессанс образов и тем православия в творчестве белорусских композиторов периода государственного суверенитета и предшествующего ему десятилетия стал важным актом как в восстановлении целостности гражданского самосознания и духовного суверенитета современного белоруса, так и в возвращении музыкальному искусству его национальной самобытности.

Результатами творческих процессов по возрождению православной духовной традиции стали хоровые, вокально-инструментальные, симфонические и сценические произведения. В них обнаруживается индивидуальный авторский подход к трактовке церковного канона, который, находясь в органичной связи с академической музыкальной традицией, сформировал современный стиль концертной духовной музыки. Ее стилистическими маркерами выступили интонационный строй православных церковных песнопений (например, синодского знаменного Октоиха), хоровое пение a cappella и канонический текст. При этом каждый из композиторов предлагает свой способ интерпретации канона. В зависимости от того, какой аспект первоисточника подвергается переосмыслению, в белорусском композиторском творчестве отчетливо выделяются три тенденции.

Первой тенденцией в отношении белорусских композиторов к богослужебным жанрам (все жанры церковных распевов – зн***а***менный, греческий, киевский, супрасльский и т. д. – входят в православные службы, где центральной выступает литургия[2]) является *творческая интерпретация музыкального компонента* тропарей, стихир, кондаков, псалмов, литургии (и её структуры) при основе на канонический текст (на тексты годового круга), который не изменяется, а также хоровой жанр a cappella. При этом музыкальное содержание, как и эмоциональный настрой музыки, определяется культовым текстом. Примерами служат произведения А. Бондаренко («Во царствии Твоем», 1992; «Единородный Сыне», 1993; «Достойно есть», 1994; «Херувимская песнь», 1995; «Свете Тихий», 2002; «Ныне отпущаеши», 2004), Л. Шлег («Спас нерукотворный»

[1] Основные официальные праздничные мероприятия были согласованы за два года до юбилея: 29 июля 1986 года Священный Синод постановил «в связи с празднованием созвать Поместный собор Русской православной церкви и провести его […] с 6 по 9 июня 1988 года» [2, с. 4–5]. Запланированные на начало лета 1988 года основные церковные торжества, включая праздничное богослужение и благодарственный молебен во всех храмах Русской православной церкви, «было решено приурочить к Дню всех святых, в земле Русской просиявших, который, в соответствии с церковным календарём, выпадал на 12 июня» [2].

[2] В настоящее время бытует три разновидности литургии: литургия Иоанна Златоуста, Григория Двоеслова и Василия Великого.

и «Песнопения о белорусских святых», 1990; «Песнопения о Евфросинии Полоцкой», 1992; «Всенощная», 2010), М. Васючкова («Да воскреснет Бог!», 1992; «Молитва Честному Кресту», 1993 и др.), А. Короткиной («Молитва во скорбии» Симеона Полоцкого, 2002; «Стихира преподобной Евфросинии Полоцкой «Приидите любомудрении», 2006). В этом типе интерпретации композиторы придерживаются принципа *косвенного и прямого цитирования* интонационного строя православных песнопений с целью наибольшего приближения музыки к специфической манере молитвенного пения, или собственно вокальности, в частности, псалмодирования, а также характерного противопоставления антифонных хоровых групп. В области музыкально-языковой стилистики первое место композиторского интереса занимают такие критерии, как диатоническая ладовость, центонный принцип организации попевок (гласов), обиходный лад и октавно-квинтовые параллелизмы (бурдонирование), а также ритмическая мономерность и темброво-фактурное решение, ориентированное на конкретный певческий состав. Нередко используется «чистая» имитационная техника в движении голосов фактуры («Свете тихий», А. Бондаренко) и опора на народную попевочную структуру мелодики с характерным захватом квинты, использование ресурсов обиходного лада («Молитва на умиротворение враждующих», А. Бондаренко). Собственно современным моментом, позволяющим говорить именно об интерпретации святоотеческого православного наследия, является свободный диссонанс, который проступает в сочетаниях голосов (например, в скрытых параллелизмах секунд в «Милость мира» А. Бондаренко). Справедливости ради заметим, что диссонанс присутствует в русском демественном многоголосии, но, думается, что композитор все же руководствовался собственным слуховым опытом при солидном знании первооснов певческой культуры греческого обряда и создал именно свой, авторский вариант древнейшего памятника православия. Другими словами, композиторская интерпретация вербальной и музыкальной составляющих духовного христианского первоисточника восточнохристианской религиозной традиции основывается на прямом или косвенном цитировании музыкального компонента с определенной долей его переосмысления. Такой тип композиторской интерпретации, который связан с максимальным приближением композиторского материала к звуковому образу православного церковного пения и опирается на культовые тексты и интонационную основу древних напевов (согласий, распевов и т. д.), можно назвать *переложением*, а композиторов – «перелагателями» (термин Н. Гуляницкой) [1, с. 198].

Второй тенденцией в отношении белорусских композиторов к православной певческой традиции является создание хоровых акапельных композиций на основе обобщенной интонационности церковной стилистики и звукового образа древнеславянской храмовой музыки *без цитирования* гласов, попевок, церковных мелодий и без обращения к каноническому тексту. Текстовой основой в таких сочинениях являются прозаические и поэтические тексты с религиозными мотивами, свободно трактованные богословские тексты (например, вместо «мя..» – «меня» и т. п.), свободное высказывание на «вечные» темы, которое облекается в сдержанную и строгую манеру пения, близкую к молитве. Стилистическим маркером произведений, соединяющих воедино старинное и современное, является опора на диатонические лады, медленный темп и благородная, неспешная манера пения; семантическим маркером – литургичность, т. е. возвышенный настрой чувств и эмоций, вдумчивость и созерцательность, сакральное состояние души в целом. В центр внимания композитор ставит содержательный аспект православия – глубокое религиозное чувство, обращенное к высшему, божественному началу. В произведениях создается всем понятный звуковой и ментальный образ православной духовности, переработанный в индивидуальном творческом сознании. Тип композиторской интерпретации православия, не скованный рамками канонического текста и содержащий интенцию к созданию звукового аналога православному церковному пению, назван нами *авторской транскрипцией*[1]. Примерами служат хоровые циклы «Литания «Русь святая» на слова С. Есенина (1980) и «Усяночная» на слова Янки Купалы (1981) А. Мдивани, хоровые концерты «Похвала великому князю Владимиру Святославичу» на слова митрополита Киевского Илариона (1987) и «Вечерняя молитва» на слова С. Граховского (1993) А. Бондаренко, «Поучения старца Зосимы» на слова Ф. Достоевского (1991) В. Кузнецова,

[1] Авторская музыка исполняется в церкви вкраплениями – на праздники, на архиерейском богослужении и в тех случаях, когда соблюдены каноны гармонизации, в частности, в музыке отсутствует виртуозная интонационность, театральность.

«К тебе, о, Матерь Пресвятая!» на сл. Н. В. Гоголя (1998) М. Васючкова. Следует отметить, что произведения белорусских композиторов современности адресованы светскому слушателю, концерты по сути ***не*** используется в богослужебной практике.

Третьей тенденцией в отношении белорусских композиторов к христианской культуре является *конвенциональный* подход, при котором главные символы православных церковных песнопений – интонационность знаменного распева, гласовая организация звуковысотного материала, манера вокального интонирования и др. – находятся в неразрывной связи с таким атрибутом западнохристианской церковной практики, как инструментальное сопровождение. Обычно музыка, сочетающая в себе обе христианские традиции, преимущественно апеллирует к православной манере произнесения слова, интонирования в целом, тогда как вокально-инструментальный состав – не ограничен. Это может быть:

– орган в сочетании с голосом и камерным оркестром: А. Короткина, «Книга Иова» (Библейский текст);

– оркестр: речитатив «Бог в помощь, пахарь» из оратории «Вольность» на сл. А. Радищева, симфонические фрески «Страшный суд», «Голгофа», «Снятие Христа», «Оплакивание Христа» из балета «Страсти (Рогнеда)», симфония № 5 «Память земли» для народного оркестра, хора и солистки А. Мдивани; кантата «Скарына» для оркестра, хора и солистов А. Клеванца; опера «Князь Наваградскі» А. Бондаренко, оп. «Седая легенда» Д. Смольского; Симфония № 1 «Покаянная» О. Ходоско; «Книга Иова» для чтеца, хора, органа и камерного оркестра А. Короткиной;

– ансамбль: «Тихая молитва» для двух скрипок, фортепиано и голоса М. Васючкова; эпитафия для органа и сопрано А. Короткиной; инструментальные циклы «Рождество Пресвятой Богородицы», «Складень» Л. Шлег; духовный концерт № 136 «На реках Вавилонских» для виолончели solo и смешанного хора А. Бондаренко.

При этом инструментальность, имеющая своим прототипом западноевропейскую вокально-инструментальную церковную традицию, подчиняется восточнохристианской также церковной, но уже вокально-хоровой интонационной системе, образуя единство. Другими словами, *конвенциональный тип интерпретации* в религиозной ***не***ритуальной композиторской практике представляет собой своеобразный феномен, который апеллирует к христианскому сознанию. Будучи взятым совокупно, он предстает как синтез восточно- и западнохристианских традиций, разнообразно реализуя себя в белорусском композиторском творчестве академической традиции. При такой интерпретации с ярко выраженным доминированием личностного начала первоисточник (богослужебный текст, гласы, григорианика) становится собственностью композитора-интерпретатора, подвергаясь активному интонационному и смысловому «переинтонированию». Отсюда композиторская интерпретация христианского этоса, основанная на конвенции между музыкальной составляющей восточнохристианского песнопения и западнохристианской культовой (вокально-инструментальной) музыки, есть новый тип духовной певческой культуры, демонстрирующий своеобразный эстетический экуменизм. Мерилом художественности и качества творческого результата выступает здесь собственно эстетический («прекрасно то, что нравится без понятия» – И. Кант), а не теологический критерий. В этой тенденции особенно широка содержательная сфера, ибо заложенные в христианстве любовь к Отечеству и гордость за национальную культуру продиктовали обращение композиторов к церковным образам и образам белорусских просветителей – Евфросинии Полоцкой и Симеона Полоцкого (6-я симфония «Полоцкие письмена» А. Мдивани, 3-я симфония «Франциск Скорина: жизнь и бессмертие» В. Дорохина), Кириллу и Мефодию («Гимн в честь Кирилла и Мефодия» Л. Шлег), которые были контекстом к теме национальной и восточнославянской истории в целом («Заславльская легенда» В. Помозова», «Славянская древность» А. Бондаренко). Из сказанного следует, что независимо от того, к***а***к композитор относится к первоисточнику и чт***о*** в нем он избирает для интерпретации, авторские музыкальные произведения на христианскую тему – это произведения искусства как формы существования прекрасного. Их отличительными чертами выступают: творческое прочтение духовного образа, находящееся в зависимости от активности субъекта (интерпретатора); ориентация на стиль храмового богослужебного пения и на святоотеческую певческую традицию в границах христианской системы мышления и интонационной культуры; повышение значимости сл***о***ва и особая, церковная манера его распевания (юбиляции в западнохристианской

певческой традиции и псалмодирование в восточнохристианской) в вокальных и вокально-инструментальных композициях. Каждый элемент композиторского произведения инспирирован глубоким религиозным переживанием, библейской (вечной) темой и сюжетом. Отсюда, на наш взгляд, корреляция оппозиции, установившейся в православии, «богослужебное пение – музыка» неизбежна, поскольку эстетику невозможно строить целиком априори.

Заключение. Таким образом, творчество отечественных композиторов, обусловленное интересом к христианскому этосу, развивалось по трем важнейшим направлениям: в технике переложения, авторской транскрипции и путем конвенции двух христианских традиций – сугубо вокальной и вокально-инструментальной. Каждый путь имеет свои интересные находки, которые обогащает музыкальную культуру Беларуси. Интерес к христианству разных конфессий вылился в сочинение произведений разных жанровых диапазонов и масштабов – оперы, балета, симфонии, камерной музыки. Особенно возросло значение хоровой музыки, что указывает на своеобразный ренессанс этого жанра музыкального искусства. В целом, творчество белорусских музыкантов периода государственного суверенитета демонстрирует ориентацию на две разные христианские конфессии, и сочинения в своей сущности являются репрезентантами музыкального искусства, а не богослужебной практики. Духовный пласт музыкальной культуры современности, актуализировавшийся в суверенной Беларуси, является своеобразным *эстетическим эвфемизмом* между православным песнопением и вокально-инструментальной музыкой и, следовательно, между восточным и западным христианством в духовно-эстетическом и композиторско-технологическом аспектах. Думается, что в этой коммутации актуализируется феномен композиторской интерпретации христианского религиозного этоса, который, хотя и проявляет себя в разных аспектах, но в итоге определяется чувством прекрасного. Следовательно, музыка как композиторский результат в западном христианстве и музыкальный компонент в восточном имеет один общий «знаменатель» – духовность, а это высшее в шкале ценностей.

Список использованных источников

1. Гуляницкая, Н. С. Музыка духовная: современные «перелагатели» и «сочинители» / Н. С. Гуляницкая // Новое сакральное пространство. Духовные традиции и современный культурный контекст. – М., 2004. – С. 189–200. – (Научные труды Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского ; сб. 47).

2. 1000-летие Крещения Руси. Определения Священного Синода // Журн. Моск. патриархии. – 1981. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/1000-летие_Крещения_Руси.

3. 1000-летие Крещения_Руси. Определения Священного Синода // Журн. Моск. патриархии. – 1983. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/1000-летие_Крещения_Руси.

4. 1000-летие Крещения Руси. Определения Священного Синода // Журн. Моск. патриархии. – 1986. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/1000-летие_Крещения_Руси.

References

1. Gulyanitskaya N. S. Spiritual music: modern “leverage” and “writers”. *New sacred space. Spiritual traditions and modern cultural context: scientific works of the Moscow State Conservatory P.I. Tchaikovsky, no. 47.* Moscow, 2004, pp. 189–200 (in Russian).

2. 1000th anniversary of the Epiphany of Russia. Definitions of the Holy Synod. *Zhurnal moskovskoi patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1981, no. 2. Avialable at: https://ru.wikipedia.org/wiki/1000-anniversary_Crisations_Russies (in Russian).

3. 1000th anniversary of the Epiphany of Russia. Definitions of the Holy Synod. *Zurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1983, no. 5, p. 2. Avialable at: https://ru.wikipedia.org/wiki/1000-anniversary_Crisations_Russies (in Russian).

4. 1000th anniversary of the Epiphany of Russia. Definitions of the Holy Synod. *Zurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1986, no. 9. Avialable at: https://ru.wikipedia.org/wiki/1000-anniversary_Crisations_Russies (in Russian).

Информация об авторе

Мдивани Татьяна Герасимовна – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 333mt777@gmail.com

Information about the author

Tatyana G. Mdivani – D. Sc. (Art.), Professor, Leading Researcher. Center for Belarusian Culture Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: 333mt777@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 81’255.2=131.1=162.1+821.131.1.09–193.3
http://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-209-217

Паступіў у рэдакцыю 07.03.2019
Received 07.03.2019

С. Л. Мінскевіч

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

СТРАТЭГІЯ АДАМА МІЦКЕВІЧА ПРЫ ПЕРАКЛАДЗЕ САНЕТАЎ ФРАНЧЭСКА ПЕТРАРКІ

Аннотация. Исследуются VII и X «одесские сонеты» Адама Мицкевича, которые являются переводами CXII и LXI сонетов Франческо Петрарки из «Книги песен». Проводится сравнительно-сопоставительный анализ польских и итальянских текстов, а также переводов этих сонетов Франческо Петрарки на белорусский язык. Отмечается проблема утраты VII и X «одесских сонетов» Адама Мицкевича при переводе этого цикла на иностранные языки. Изучение переводческой стратегии Адама Мицкевича позволяет утверждать, что данные сонеты можно рассматривать как оригинальные авторские произведения, имеющие интертекстуальные связи с CXII и LXI сонетами Франческо Петрарки. Это обстоятельство открывает возможность для переводов VII и X «одесских сонетов» Адама Мицкевича на иностранные языки.

Ключевые слова: сонет, версификация, перевод, переводоведение, сравнительно-сопоставительный анализ, стиль, Петрарка, Мицкевич

Для цитирования: Мінскевіч, С. Л. Стратэгія Адама Міцкевіча пры перакладзе санетаў Франчэска Петраркі // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 209–217. http://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-209-217

Sergey L. Minskevich

Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ADAM MICKIEWICZ’S STRATEGY IN TRANSLATING PETRARCH’S SONNETS

Abstract. The article examines the VII and X ‘Odessan Sonnets’ by Adam Mickiewicz, which are translations of the CXII and LXI sonnets by Petrarch from the ‘Canzoniere’. A comparative analysis of Polish and Italian texts is carried out. The problem of the loss of VII and X ‘Odessan Sonnets’ by Adam Mickiewicz when translating this cycle into other languages is noted. The study of the translation strategy of Adam Mickiewicz suggests that these sonnets can be considered as original author’s works having intertextual connections with CXII and LXI sonnets of Francesca Petrarch. This circumstance opens up the possibility for translations VII and X ‘Odessan Sonnets’ by Adam Mickiewicz into foreign languages.

Keywords: sonnet, versification, translation, translation studies, comparative analysis, stile, Petrarch, Mickiewicz

For citation: Minskevich S. L. Adam Mickiewicz’s strategy in translating Petrarch’s sonnets. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 209–217 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-209-217

Уводзіны. У літаратурнай спадчыне Адама Міцкевіча ёсць два санеты, падпісаныя: «s Petrarki» («з Петраркі»). Адносяцца яны да «мілоснага», альбо паводле месца напісання – «адэскага» цыкла, упершыню апублікаванага ў кнізе «Санеты» (Масква, 1826 г.). Гэты цыкл, як і наступны – «Крымскія санеты», выразна структураваны. Міцкевіч кожнаму санету цыкла надаў парадкавы нумар, чым замацаваў яго месца ў развіцці сюжэта. «Адэскія санеты», відавочна, маюць драматургічны пачатак. У асобных вершах, як у сцэне пэўнай п’есы, адбываецца эвалюцыя адносін паміж героямі, падаюцца іх дыялогі, расказваецца гісторыя пачуцця ад моманту зараджэння да спробы справіцца з ім, пераадолець яго. Два санеты «з Петраркі» ў ланцугу падзей вельмі важныя.

© Мінскевіч С. Л., 2020

Першы, які мае нумар VII, паказвае, як вобраз каханай літаральна завалодвае жыццём лірычнага героя, ён бачыцца ўсюды – кожная мясціна нясе ўспамін пра сустрэчы з любай. Лірычны герой з сумам і захапленнем апавядае пра гэта сваім равеснікам. Другому санету Адам Міцкевіч даў назву *Błogosławeństwo* («Бласлаўленне») і пазначыў нумарам X. У ім усё, што звязана з каханай, лірычны герой узнёсла ўслаўляе, дзякуе і «праводзіць» у вечнасць. Ён адначасова сваё высокае пачуццё ў сябе захоўвае і адпускае. Нездарма за гэтым санетам ідзе апошні, з прысвечаных літоўскай Лаўры, санет XI *Rezygnacja* («Адмаўленне»). Аднак пры перакладах «адэскіх» санетаў на іншыя мовы санеты VII і X *Błogosławeństwo*, пазначаныя аўтарам як «з Петраркі», з гэтага цыкла прыбіраюцца. У дадзеным артыкуле ставіцца мэта выявіць перакладчыцкую стратэгію Адама Міцкевіча і даць характарыстыку двум гэтым творам з пункта гледжання сучаснага разумення паняцця перакладу.

Асноўная частка. Перад «адэскімі санетамі» Адам Міцкевіч паставіў эпіграф, узяты з першага санета «Канцаньерэ» («Кнігі песень») Франчэска Петраркі:

Quand' era in parte altr' uom da quel, ch'io sono…

Паэт у каментарыях сам перакладае гэты радок «Kiedy byłem trochę innym, niż dziś człowiekim» («Калі я быў трошкі іншым, чым сёння чалавекам») [1, с. 121].

Італьянскі эпіграф, імя адной з гераінь цыкла – Laura (Лаўра) і два санеты «з Петраркі» ствараюць кантэкстуальную сувязь са знакамітымі санетамі Франчэска Петраркі. Пры гэтым лірычны герой, прататыпам якога з'яўляецца сам аўтар, фразай з эпіграфа скіроўвае ўвагу чытача «адэскіх санетаў» у часы сваёй маладосці, у пару сваіх мілосных перажыванняў, фактычна, гэта ўводзіны ва ўспаміны, выкладзеныя вершам. Беларускі літаратуразнавец і перакладчык Адама Міцкевіча Уладзімір Мархель, разглядаючы «адэскія санеты», слушна заўважае: «Радзіма ў памяці паэта будзе паўставаць у вобразах больш яркіх, каханая стане вобразам, толькі вобразам, як і Петраркава Лаўра. Таму Міцкевічавы санеты эратычнага цыкла набылі выратавальную літаратурную ўмоўнасць, якая драму глыбокага пачуцця прыкрыла драматургіяй псіхалагічна-разнастайнага, шчодра-змястоўнага інтымнага свету» [1, с. 15–16]. Гэтыя драматычнасць і драматургія ствараюць шчыльную сувязь паміж санетамі, і калі які-небудзь пры чытанні прагарнуць, то яе можна згубіць. У цыкле ўтвараецца лакуна.

Але дагэтуль перакладчыкі «адэскіх санетаў» два санеты, пазначаныя як «з Петраркі», абыходзілі сваёй увагай, свядома ўтвараючы падобныя лакуны, кіруючыся прынцыпам «не перакладаць перакладзенае». Напрыклад, у перакладах на рускую мову Уладзіміра Бенедыктава «адэскім санетам» прысвоены новыя парадкавыя нумары, а ў каментарыях да іх паведамляецца, што «Санеты 7-ы і 10-ы, па нумарацыі Міцкевіча, пераклады з Петраркі – прапушчаны», і падаецца аўтарская нумарацыя такім чынам: «2, 3, 5, 8, 9, 10, 11, 14, 16, 17, 18, 19, 20 – Міцкевіч» [2].

Чэшскі перакладчык санетаў Адама Міцкевіча Уладзімір Голан у сваім перакладзе «адэскага» цыкла таксама прапусціў гэтыя санеты і ўвёў сваю нумарацыю. Праўда, як заўважае польская даследчыца К. Кардыні-Пеліканава, пазней укладальнік выбраных перакладаў Голана, Олджых Кралік, вярнуў нумарацыю Міцкевіча і дзякуючы гэтаму чэшскі чытач можа, прынамсі, «зарыентавацца, што паміж санетамі VI і VIII, а таксама IX і XI адсутнічаюць санеты» [3, с. 33].

Беларускі перакладчык адэскага цыкла Уладзімір Мархель пры падрыхтоўцы выдання «Санеты» Адама Міцкевіча 1998 года, дзе падаецца «люстраны» пераклад, прадэманстраваў свой падыход. Ён не прыбраў гэтыя два санеты «з Петраркі», а надрукаваў насупраць арыгінала ўласны падрадкоўны пераклад [1, с. 33, 39]. Гэтак укладальнік беларускамоўнага выдання не супярэчыў аўтарскай задуме, захоўваў цэласнасць цыкла і нумарацыю вершаў. Аднак падрадкоўныя пераклады насупраць паэтычнага твора, на нашу думку, не зусім арганічна выглядаюць. Безумоўна, у іх адсутнічае гармонія формы і зместу, што вельмі важна для паэтычнага твора, тым больш санета.

Паўстае пытанне: ці можна было размясціць насупраць Міцкевічавых перастварэнняў санетаў італьянскага паэта іншы беларускамоўны пераклад тых жа санетаў Петраркі? Але перш чым на гэтае пытанне адказаць, трэба прааналізаваць самі перакладныя творы Адама Міцкевіча.

Фабулярна VII і X «адэскія санеты» засноўваюцца адпаведна на CXII і LXI санетах «Канцаньеры» Франчэска Петраркі, але ж ці гэта пераклад у сучасным разуменні гэтага тэрміна?

Паводле «Тлумачальнага перакладазнаўчага слоўніка» Л. Л. Нялюбіна (2003 г.) мэта перакладу: «замяніць па магчымасці арыгінал для тых, якім ён недаступны праз няведанне мовы, і даць ім сродак і магчымасць атрымліваць асалоду ад яго і меркаваць аб ім» [4, с. 246]. Там жа падаецца важная ўмова: «у мастацкім перакладзе не дазваляецца ні выпускаў, ні дадаткаў, ні змен. Калі ў творы ёсць недахопы, іх неабходна перадаць (як ёсць) дакладна» [4, с. 246].

Francesco Petrarca
CXII

Sennuccio, i' vo' che sapi in qual manera
tractato sono, et qual vita è la mia:
ardomi et struggo anchor com'io solia;
l'aura mi volve, et son pur quel ch'i'm'era.

Qui tutta humile, et qui la vidi altera,
or aspra, or piana, or dispietata, or pia;
or vestirsi honestate, or leggiadria,
or mansüeta, or disdegnosa et fera.

Qui cantò dolcemente, et qui s'assise;
qui si rivolse, et qui rattenne il passo;
qui co' begli occhi mi trafisse il core;

qui disse una parola, et qui sorrise;
qui cangiò 'l viso. In questi pensier', lasso,
nocte et dí tiemmi il signor nostro Amore[1] [5, с. 142].

Adam Mickiewicz
VII
Senuccio i vo' che sappi…

Chcecie wiedzieć co cierpię rowiennicy moi,
Odmaluję najwierniéj ile pióro zdoła.
Mary ja dotąd pośród pamiątek kościoła
Myślą gonię, i duch mój o przeszłości roi.

Tu zwykła igrać, ówdzie zamyślona stoi
Tam z niechęcią twarz kryła, tu mię okiem woła,
Tu gniewna, tam posępna, tu znowu wesoła,
Tu swe lica w łagodność, tu w powagę stroi.

Tam piosenkę nuciła, tu mi dłoń ścisnęła,
Tu usiadła, tam naszéj rozmowy początek,
Stąd biegła, tu na piasku imię moje kryśli,

Tam słówko powiedziała, tu scicha westchnęła,
Tam się zarumieniła – ach! śród tych pamiątek
Wiecznie miota się serce i plączą się myśli[2] [1, с. 32].

---

[1] Падрадкоўны пераклад CXII санета Петраркі:

Сэнуча, я хачу каб ты ведаў, як (у які спосаб)
Я цярплю, і якое цяпер маё жыццё,
Я згараю, я пакутую, як і раней
Зефір закружвае мяне, я сам пераношуся ў былое.

Тут я ўбачыў ўсё яе змірэнне і яе супярэчнасці:
Вось яна суровая, цяпер мяккая, цяпер бязлітасная, а цяпер добрая.
Цяпер яна апранутая ў высакародства (велічнасць), а цяпер у міласэрнасць (грацыёзнасць).
Цяпер прыручаная, а цяпер пагарджальная і дзікая.

Тут яна салодка спявала, і тут яна сядзела,
тут яна звярнулася да мяне і тут зрабіла крок назад,
тут, яна сваімі чароўнымі вачыма працяла маё сэрца,

тут яна вымавіла слова, і тут яна ўсміхнулася,
тут яе твар змяніўся. На жаль, і ўночы, і ўдзень,
трымае/ахоплівае/палоніць мяне такімі думкамі наш спадар Амур.
(Зроблены з выкарыстаннем тэксту А. С. Клайн [6].)

[2] Падрадкоўны пераклад VII «адэскага санета» Міцкевіча:

Хочаце ведаць, што зношу, мае аднагодкі,
Намалюю так дакладна, як здолее пяро.
Мары я дагэтуль сярод памятак касцёла
Думкай даганяю, і дух мой у мінуласці лунае.

Тут яна прывыкла бавіцца (забаўляцца), а вунь – стаіць задуменная,
Там з неахвотай твар закрывала, тут мяне вокам кліча,
Тут гнеўная, там змрочная, тут зноў вясёлая,
Тут свой твар у лагодзе, тут у павазе падаé.

Там спявала песню, тут сціснула руку,
Тут прысела, там нашай гутаркі пачатак
Адтуль бегла, тут на пяску маё імя крэсліць.

Там сказала слоўка, тут ціха ўздыхнула,
Там зарумянілася – ах! Сярод тых памятак
Вечна мітусіцца сэрца і блытаюцца думкі.
(Зроблены з выкарыстаннем тэксту У. Мархеля [1, с. 33].)

Супаставім згаданыя вышэй VII і X «адэскія санеты» Адама Міцкевіча, падпісаныя як «з Петраркі», з арыгінальнымі CXII і LXI санетамі, узятымі з «Канцаньеры».

Пры параўнальна-супастаўляльным аналізе заўважаецца, што Адам Міцкевіч перадае малюнак рыфмы дакладна – *abba abba cde cde*. Аднак піша свой санет трынаццаціскладовікам з цэзураю пасля сёмага складу, нягледзячы на тое, што ў Франчэска Петраркі санеты памерам набліжаны да гендэкасілаба, чаму адпавядае сілабічны адзінаццаціскладовік. Менавіта гэтым памерам пазней санеты з «Канцаньеры» будуць перакладаць на польскую мову, напрыклад, так рабіў Фэліцыян Фаленьскі, вось пачатак перакладу гэтага ж санета 1881 года (прыводзім паводле нумарацыі, прынятай у часы перакладчыка):

Sonet 89

Sennuccio, chciałbym, byś znał, jak dalece
Pełne są cierpień życia mego dzieje… [7, с. 145].

Даслоўна на беларускай мове гэта гучыць як:

Сэнуча, я хацеў бы, каб ты ведаў, да якой ступені
Поўныя пакутамі жыцця майго дзеі...
(пераклад наш. – *С. М.*).

Варта адзначыць, што на беларускую, рускую і ўкраінскую мовы сілабічныя санеты Франчэска Петраркі збольшага перакладаюцца пяцістопным ямбам.

Мы бачым, што ўжо ў першым радку Адам Міцкевіч памяняў адрасата. Зварот італьянскага аўтара да сябра і таксама паэта, Сэнуча, вынесены ў эпіграф, а сам санет адрасаваны равеснікам, верагодна, сябрам, сярод якіх, відавочна, былі ўдзельнікі таварыстваў філарэтаў і філаматаў. У другім радку Міцкевіч уводзіць вобраз «пяра», які адсутнічае ў арыгінале. Гэты вобраз, магчыма, атаясамліваецца з лістом, што паведамляе – пасланне ідзе здалёк, а не так, як у Петраркі, калі паэт да свайго сябра звяртаецца непасрэдна. Далей у песняра з Наваградчыны згадваецца касцёл, чаго няма ў італьянскім тэксце. Гэта, безумоўна, рэаліі радзімы Міцкевіча, бо касцёл – тое месца, дзе «засталіся згадкі сустрэч з каханай».

Петрарка ў «Кнізе песень» абыгрывае імя *Laura*. Беларуская даследчыца літаратуры Н. Л. Каіроні прыводзіць некалькі каламбураў: *l'aurea*, г. зн. «залатая», *l'aureocrine* – «залатыя валасы», *lauro* – «лаўр», *l'aurasoave* – «прыемны подых ветру» і нават бег часу (*l'ora* – «час») [8, с. 23]. У прыведзеным вышэй санеце мы чытаем, што зефір (вецер), закружвае лірычнага героя – тут слова «зефір» гучыць як *l'aura*. У «адэскіх санетах» Міцкевіч таксама называе каханую Лаўра. Гэтае імя фігуруе ў санеце I *Do Laury* («Да Лаўры»), санеце VI *Ranek i Wieczór* («Ранак і Вечар»), санеце VIII *Do Niemna* («Да Нёмана») і санеце X *Błogosławeństwo* («Бласлаўленне»). Акрамя таго, у раннім санеце *Przypomniennie* («Прыпамін»), напісаным у пачатку 1819 года, таксама ёсць зварот да Лаўры. Гэта паэтычны псеўданім, дадзены лірычным героем сваёй выбранніцы ў гонар Лаўры, апяянай Франчэска Петраркам. А сапраўднае імя, якое было добра вядомае сябрам-«равеснікам», Міцкевіч акурат зашыфроўвае ў гэтым VII санеце «з Петраркі». Замест слоўнай гульні італьянаскага паэта ***l'aura*** *mi volve* ён падае свой варыянт – ***mary ja*** *myślą gonię* (***мары я*** *думкай адганяю*). Тут каламбурна абыгрываецца імя Марыя. Вядома, што імя Марыя і Марыля (паводле слоўнікаў польскіх імёнаў – сінанімічныя, апошняе можа быць ласкава-памяншальным), таму нескладана адкрыць, хто быў літвінскай Лаўрай для юнага паэта, – Марыянна Эва Верашчака, якую сябры звалі Марыля. Яшчэ аргумент на карысць такога разумення гэтага каламбура – верш Адама Міцкевіча, які ён прысвяціў Марыянне Путкамер (яна ўжо тады была замужам за графам Ваўжынцам Путкамерам), калі ахвяраваў ёй II том «Паэзіі». Верш пачынаецца радкамі:

Maryjo, siostro moja! Nie krewnym łancuhem,
Aleśmy pobratani umysłem i duchem... [9, с. 175].

На беларускую мову гэта даслоўна перакладаецца як:

Марыя, сястра мая! Не кроўным ланцугом,
Але пабрацімы мы розумам і духам…

Адзначанае вышэй паказвае, што VII «адэскі» санет надзвычай важны, можна сказаць, цэнтральны для ўсяго цыкла, бо потым, у «адэскіх санетах» з'яўляецца іншы жаночы вобраз, зашыфраваны літарай *D*, прататыпам якога была, верагодна, Караліна Сабяньска, а мілосныя адносіны лірычных герояў іншыя, ужо больш нагадваюць свецкую гульню.

Такім чынам, пясняр Літвы, не зважаючы на Петраркавы тэкст, мяняе адрасата санета. Аднак другі катрэн і першы тэрцэт набліжаны да арыгінала. Сітуацыя, апісаная ў гэтым месцы санета Франчэска Петраркі, супадала з фактамі біяграфіі Адама Міцкевіча. Можна адзначыць, што падобную карціну, калі ўсё вакол нагадвае пра лю́бую дзяўчыну, мы бачым у IV частцы паэмы «Дзяды», у якой паэтычна даследуецца стан закаханасці галоўнага героя – Густава. Таму гэтыя радкі не патрабавалі моцнай перапрацоўкі, у канцы санета яны напісаны ў рамантычна-ўзнёслым стылі. Замест палону, у якім трымае лірычнага героя спадар Амур, мы бачым у польскім пераствараенні неспакойнае сэрца і «блытаныя», парыўныя думкі.

Для супастаўлення прывядзём CXII санет Петраркі ў перакладзе на беларускую мову, выкананым Уладзімірам Скарынкіным:

CXII

Даведайся, як я жыву, Сеннучча,
Табе я нават словам не зманю.
Сябе я ад Лауры бараню,
Як і раней, і гэтак нерашуча.

У вочы мне то мякка, то калюча
Глядзіць мой кат, якога часта сню.
Пакладзістасці поўны ці агню,
Дасюль мяне ён тузае балюча.

То павярнецца ён, то схамянецца,
То запяе́, то запаволіць крок,
То сэрца вязня жорсткасцю праткне,

То штосьці вымавіць, то засмяецца,
То раптам з твару зменіцца знарок,
Так ён катуе кожны раз мяне [10, с. 134].

Стыль санета не зусім адпавядае Міцкевічаваму рамантычнаму, лятунковаму (напрыклад, ужываюцца дзеясловы з гутарковым семантычным адценнем – «тузае», то «павярнецца, то схамянецца»). У тэксце прапушчаны каламбур – імя Лаўра адкрыта называецца. Фразу *вось яна суровая* перакладчык робіць «ключавой», гіпербалізуе да «ка́та», які «кожны раз катуе» лірычнага героя (так завяршаецца санет), хоць у арыгінале, у канцы санета, фігуруе *спадар Амур,* менавіта ён прыносіць непакой. Гэтае пераствараенне не зусім адпавядае прыведзеным вышэй патрабаванням да сучаснага перакладу. І, відавочна, у «адэскім» цыкле санетаў Міцкевіча гэты пераклад выбіваўся б з агульнай карціны, як і ў выпадку з падрадковым перакладам. Аднак у корпусе каментарыяў, несумненна, ён мог бы несці нагрузку пашырэння інфармацыйнага поля ў беларускамоўным дыскурсе Петрарка–Міцкевіч.

Такім чынам, што датычыцца VII «адэскага» санета, то ён напісаны па матывах Петраркавага, Адам Міцкевіч вольна ўводзіў у тэкст рэаліі свайго часу, чым вырашаў спецыфічныя, важныя для сябе асабіста і свайго акружэння, мэты і задачы.

Цяпер звернемся да LXI санета «Канцаньеры» Петраркі і «адэскага санета» Міцкевіча X *Błogosławieństwo*. Правядзём іх параўнальна-супастаўляльны аналіз.

Francesco Petrarca LXI	Adam Mickiewicz X. **BŁOGOSŁAWIEŃSTWO** *s PETRARKI*
Benedetto sia'l giorno e'l mese e l'anno e la stagione e'l tempo e l'ora e'l punto e'l bel paese e'l loco ov'io fui giunto da'duo begli occhi che legato m'ànno;	Błogosławiony rok ów, miesiąc, i niedziela, I dzień ów, i dnia cząstka, i owa godzina, I chwila, i to miejsce, gdzie moja dziewczyna Uczucia mi natchnęła, choć ich nie podziela.
E benedetto il primo dolce affanno ch'ì ebbi ad esser con Amor congiunto, e l'arco e le saette ond'ì fui punto, e le piaghe che'nfin al cor mi vanno.	Błogosławione oczki blasku i wesela, Skąd amorek wygląda i łuczek napina, Błogosławiony łuczek, strzałki i chłopczyna, Co do mnie wówczas strzelił, ach! i dotąd strzela.
Benedette le voci tante ch'io chiamando il nome de mia donna ò sparte, e i sospiri e le lagrime e'l desio;	Błogosławię ci piérwsza piosnko nieuczona, Którą odbiły lasy domowe i rzeki, Którą potém ojczysta powtarzała strona.
e benedette sian tutte le carte ov'io fama l'acquisto, e'l pensier' mio, ch'è sol di lei; si ch'altra non v'à parte[1] [3, c. 79].	Błogosławię ci pióro, którém w czas daleki Wsławiłem Ją, i moja pierś błogosławiona, W któréj Laura mieszkała, i mieszka na wieki[2] [1, c. 38].

У гэтым творы Адам Міцкевіч, як было і ў папярэднім перастварэнні, строга прытрымліваецца рыфмаванага малюнка арыгінала, чым, відавочна, дэманструе сваё высокае паэтычнае майстэрства. Але зноў-такі пясняр Літвы адступае ад вобразаў, прадстаўленых у італьянскім тэксце, «пазычае» толькі тэматычна-ідэйную канву. Адам Міцкевіч напаўняе санет фактамі са сваёй біяграфіі, надзяляючы лірычнага героя пачуццямі і эмоцыямі, якія сам некалі перажываў.

[1] Падрадкоўны пераклад LXI санета Петраркі:

Блаславёны дзень, месяц і год,
і сезон, і час, і гадзіна, і момант,
і выдатная краіна, і месца, дзе я быў сустрэты позіркам,
дзе мяне азірнулі двое прыўкрасных вачэй, якія прывязалі/паланілі мяне.

і блаславяцца першыя салодкія пакуты,
якія я адчуў, якія звязаныя з Амурам,
і лук, і стрэлы, якімі я быў працяты,
і раны, якія пранікаюць у глыбіні майго сэрца.

Блаславёныя ўсе тыя песні/спевы/прамовы/голас, якія гучалі ва ўсе напрамкі,
Дзе вымаўлялася імя маёй панны
разам з уздыхамі, слязьмі і запалам.

І блаславяцца ўсе лісты/аркушы/пісанні
праз якія я знаходжу вядомасць і блаславяцца мае думкі,
гэта толькі яе (для яе), і нікога (ні для каго іншага).
(зроблены з выкарыстаннем тэксту А. С. Клайн [4]).

[2] Падрадкоўны пераклад X «адэскага санета» Міцкевіча:

Блаславёны год той, месяц і тыдзень
І дзень той, і дня частка і тая гадзіна,
І імгненне, і тое месца, дзе мая дзяўчына
Натхніла мяне на пачуцці, хоць іх не падзяляе.

Блаславёны вочкі бляску і весялосці,
Адкуль амурчык выглядае і лучык нацягвае,
Блаславёны лучык, стэрлкі і хлапчына,
Які у мяне тады стрэліў, ах! і дагэтуль страляе

Бласлаўляю цябе, першая песенька невучоная,
Якую адбілі лясы і свойскія/радзімыя/хатнія рэкі,
Якую потым айчынная старана паўтарала.

Бласлаўляю цябе, пяро, якім я ў час далёкі
Уславіў Яе, і мае персі блаславёны,
У якіх Лаўра жыла і жыве навекі.
(зроблены намі. – *С. М.*).

Як і ў Петраркавым санеце, лірычны герой Адама Міцкевіча спачатку бласлаўляе часавыя перыяды. Аднак, калі ў італьянскім тэксце іх бласлаўленне ідзе па нарастаючай, а потым «рэзка спускаецца» да імгнення сустрэчы з каханай: *дзень, месяц, год, сезон, час, гадзіна і момант,* то ў Міцкевіча «ланцужок» лагічны – па змяншэнні: *год, месяц, тыдзень, дзень, частка дня, гадзіна і імгненне.* Перад чытачом адкрываецца перспектыва ўваходжання ў той часава-прасторавы пункт, той міг і тое месца, дзе сталася надзвычайная падзея – зараджэнне кахання.

У санеце Франчэска Петраркі лірычны герой «успыхвае ад позірку пекнай панначкі», ён палонены яе вачыма. А ў творы Адама Міцкевіча дзяўчына натхняе лірычнага героя на пачуцці, таму можна дапусціць, што ў гэтым выпадку першая сустрэча была не толькі абменам позіркаў, але і адбылася размова. Відавочна, тут ідзе адсылка да аўтарскіх успамінаў.

У другім катрэне ў італьянскім санеце прыгадваюцца пакуты, якія шле Амур, – персаніфікаваны вобраз кахання. Бласлаўляюцца і пакуты, і стрэлы, і лук Амура, і цяжкія раны, якія гэтыя вострыя стрэлы, трапляючы ў сэрца, наносяць. У тэксце Адама Міцкевіча, у адпаведных радках, зусім іншая інтанацыя – жартаўлівая, гуллівая. Лірычны герой бласлаўляе вочкі лю́бай, якія зіхацяць гарэзлівай весялосцю. Паэт стварае вобраз (якога няма ў арыгінале) – у вочках мілай дзяўчыны хаваецца свавольны Амурчык, які падпільноўвае юнака і страляе ў яго з лучыка сваімі стрэлачкамі. Паэт дасягае эфекту мяккага гумару, выкарыстоўваючы памяншальныя суфіксы. Няма пакутлівых ран, лірычны герой іх быццам бы не заўважае, бо яму ў дадзены момант важнейшае тое ўзвышанае, радаснае, галавакружнае, што прыносіла каханне.

У першым тэрцэце арыгінала бласлаўляюцца прамовы ці песні, у якіх лірычны герой называе імя каханай, а таксама ўсе слёзы, уздыхі, сумныя эмоцыі, якія ён ніяк не можа стрымаць. У Міцкевічавым санеце ў гэтым тэрцэце лірычны герой звяртаецца да свайго першага верша і бласлаўляе яго. Гэты верш, нягледзячы на тое, што ён быў «першы, невучоны», як рэха, паўтарылі радзімыя лясы і рэкі, а таксама і ўся айчына – тут зноў бачым адсылку да біяграфічных фактаў аўтара – каханне Адама Міцкевіча да Марыі Верашчакі і згадкі пра яе ў ранніх паэтычных творах. Між радкоў прачытваецца настальгія па родным краі, і чытач можа здагадацца, што аўтар знаходзіцца далёка ад радзімы, (санеты пісаліся ў ссылцы), а эпітэт да лясоў і рэк, які па-польску гучыць як *domowe*, ствараюць алюзію да знакамітага санета «Да Нёмана», да *rzeki domowej (хатняй, радзімай ракі)*, першая версія, якога была напісана маладым Міцкевічам у Шчорсах прыкладна ў 1821 годзе. У вершы таксама фігуруе літвінская Лаўра.

У другім тэрцэце італьянскага санета бласлаўляюцца аркушы ці пісьменныя творы, якія прыносяць лірычнаму герою вядомасць і літаратурную славу. У канцы санета бласлаўляюцца ўласныя думкі і розум, бо гэта ўсё, як вялікі скарб, належыць каханай і толькі ёй.

Другі тэрцэт Міцкевічавага санета пачынаецца зваротам да пяра (паралелізм да першага катрэна VII «адэскага» санета), тут пяро – сімвал творчасці, з дапамогай якой лірычны герой услаўляе каханую, метафарычна вобраз пяра аналагічны петраркаўскаму вобразу паперы, лістоў, пісання. Аднак замест розуму ў канцы Міцкевічавага санета лірычным героем бласлаўляюцца свае персі (pierś), у якіх жыла Лаўра і будзе жыць навекі. Заканчэнне санета зноў-такі, як і ў выпадку з «адэскім» санетам VII, пададзена ў рамантычным ключы. Адам Міцкевіч як быццам уступае ў спрэчку з Франчэска Петраркам, сцвярджаючы словамі свайго героя, што пачуцці важнейшыя за розум.

У беларускай перакладной літаратуры ёсць пераклады LXI санета Франчэска Петраркі, якія належаць Лявону Баршчэўскаму і Уладзіміру Скарынкіну:

LXI	LXI
Дабраслаўляю дзень той, месяц, год, Часіну і дзівоснае імгненне, Дзе край, дзе бачыў вочы, нібы ў сненні, І, паланёны, шмат спазнаў турбот…	Няхай навекі будуць баславёны Год, месяц, дзень і момант дзіўны той, Калі ў цудоўным горадзе адной Усмешкай мілай быў я паланёны.
Дабраслаўляю горыч тых нягод, Што шле Амур у помслівым памкненні, Ды лук яго, чыя страла сустрэне Мяне й смяротны скончыць свой палёт.	Калі Мадонны позірк пранікнёны Мяне параніў востраю стралой – І справіцца з салодкаю журбой Ня здолеў я, упершыню ўлюбёны.

Дабрасляўляю гэты голас мой,
Які імя каханай паўтарае
З уздыхамі й вымовай незямной.

Дабраслаўляю песні, што стварае
Імпэт мой на лістках, бо ёй адной
І больш нікому ліра мая грае [11, с. 32].

(Пераклад Лявона Баршчэўскага)

Благаслаўляю ўсе свае радкі я,
Якімі праслаўляў яе імя,
Уздыхі, слёзы, сэрцу дарагія.

Належыць толькі ёй душа мая,
Не возьмуць у палон мяне другія.
І лёс такі благаслаўляю я [9, с. 102].

(Пераклад Уладзимира Скарынкіна)

Што датычыцца формы, то абодва аўтары дакладна перадалі рыфменны малюнак арыгінала, толькі ў стыку катрэнаў і тэрцэтаў нязначна парушаецца правіла альтэрнанса – разам стаяць дзве мужчынскія рыфмы. (Праўда, у арыгінале – нулявы альтэрнанс, і строгія прынцыпы гэтага правіла можна было не ўлічваць.)

Што датычыцца перадачы сэнсу і зместу, то перастварэнне У. Скарынкіна далейшае ад італьянскага тэксту. У яго каханая спачатку паланіла ўсмешкай, а яе позірк метафарычна пераўтварыўся ў стралу Амура. Наогул блаславенне Каханню ў вобразе Амура ў гэтым творы адсутнічае, а замест «глыбокіх ран у сэрцы» мы чытаем пра «салодкую журбу». У Л. Баршчэўскага ў гэтым месцы разгорнутая метафара смяротнага палёту, якая, у прынцыпе, можа быць аналогіяй цяжка параненага сэрца. Несумненна, варыянт Л. Баршчэўскага набліжаны да арыгінала. Аднак у гэтых абодвух беларускіх перакладах зменены санетны замок. Слова *pensieri* (*pensier'*) – *думкі* стаіць у заканчэннях двух прыведзеных вышэй санетаў Франчэска Петраркі. Пры працы над VII «адэскім санетам» Адам Міцкевіч гэтае слова пакідае, але яны, *думкі*, не палоненыя/скутыя Амурам, а заблытаныя паміж вобразамі каханай, якія нясуць успаміны. У заканчэнні санета X *Błogosławieństwo* пясняр Літвы замяняе *думкі*, як мы паказвалі вышэй, на «персі, у якіх жыве каханая».

Падобны прыём «перакладчыцкай замены» ўжылі і Л. Баршчэўскі, і У. Скарынкін. У першага замест лексемы *думкі* стаіць «імпэт, які стварае песні». *Імпэт* – збольшага ўласцівасць *эмоцыа*, аднак трэба прызнаць, што элементы *рацыа* ў гэтай метафарычнай аналогіі прысутнічаюць, бо для стварэння песень патрэбны розум (калі, вядома, гэта не аўтапісьмо ці плынь свядомасці). У другога перакладчыка мы знаходзім новы вобраз – *душа*, а ў замку санета лірычны герой бласлаўляе не *свае думкі*, як у арыгінале, а *лёс*. З'ява ўнутранага свету асобы, яе свядомасці, заменена на вонкавую.

Калі Л. Баршчэўскі для асваення праяў іншамоўных рэалій у тэксце (звязаных з біяграфіяй аўтара, яго індывідуальным светапоглядам) вышукваў аналогіі, паралелі ў дыскурсе беларускай мовы і літаратуры, а таксама прапанаваў адпаведны/набліжаны пераклад, то У. Скарынкін выкарыстоўваў свае ўласныя, персанальна-суб'ектыўныя замены, выказаныя беларускімі словамі (тое самае можна сказаць і пра яго пераклад CXII санета Франчэска Петраркі). Гэта хутчэй творы-наследаванні санетаў Петраркі.

Трэба адзначыць, што і Міцкевіч таксама ўжыў у сваіх перакладах персанальна-суб'ектыўныя замены, аднак яны цалкам адпавядаюць эпосе Рамантызму і разуменню паняцця перакладу, характэрным для першай паловы XIX ст., калі лічылася, што пісьменны чытач, які, несумненна, вывучаў і жадае вывучаць некалькі моў, можа арыгінал прачытаць сам, але для яго будзе цікавым, як выяўляе сваё прачытанне іншы аўтар. Таму стратэгічнай аўтарскай задачай пры стварэнні гэтых санетаў было не столькі зрабіць пераклад, колькі завуаляваць пад пераклад свае ўласныя перажыванні, апісанні жыццёвай сітуацыі, паслаць вестку з ссылкі да сваіх калег-сяброў.

Заключэнне. Той факт, што VII і X «адэскія санеты» Адама Міцкевіча мы можам кваліфікаваць як арыгінальныя аўтарскія творы, створаныя па матывах санетаў Франчэска Петраркі, адкрывае шлях для асваення іх іншамоўнымі літаратурамі.

Паставіць на іх месцах іншыя пераклады CXII і LXI санетаў Франчэска Петраркі было б не зусім карэктна, бо, паводле прыведзенага вышэй параўнальна-супастаўляльнага аналізу, гэтыя Міцкевічавы творы хоць і маюць інтэртэкстуальныя сувязі з санетамі Петраркі, у значанай ступені змяшчаюць вобразы і стылістычныя інавацыі, што прыўнёс у тэкст сам пясняр Літвы. І яны пры выкарыстанні замест VII і X «адэскіх санетаў» перакладаў з італьянскага арыгінала папросту будуць страчаны. Праблему можа вырашыць асобны мастацкі, адэкватны пераклад VII і X «адэскіх санетаў».

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Міцкевіч, А. Санеты = Sonety / А. Міцкевіч ; уклад. і камент. У. Мархеля ; пер. з пол. У. Мархеля, І. Багдановіч. – Мінск : Полымя, 1998. – 158 с.

2. Бенедиктов, В. Г. Переводы [Электронный ресурс] / В. Г. Бенедиктов. – Режим доступа: http://www.azlib.ru/b/benediktow_w_g/text_0100.shtml. – Дата доступа: 10.12.2018.

3. Kardyni-Pelikánová, K. «Sonety» Adama Mickiewicza w przekładach Vladimíra Holana / K. Kardyni-Pelikánová // Sb. prací Filozofické fakulty brněnské univ. X, Řada literárněvědné slavistiky. – 2006. – Vol. 55, iss. X9. – P. 29–39.

4. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.

5. Petrarca, F. Canzoniere / F. Petrarca. – Torino : Giulio Einaudi, 1964. – 471 p. – (Nuova Universale Einaudi ; 41).

6. Petrarch. The Complete Canzoniere [Electronic resource]. – Mode of access: http://people.virginia.edu/~jdk3t/petrarchkline.htm#_Toc12014289. – Date of access: 11.12.2018.

7. Petrarka, F. Felicyana przekład Pieśni Petrarki : objaśnieniami i przypisami opatrzony / F. Pietrarka, tłum. F. Faleńskiego. – Warszawa : Druk. Józefa Sikorskiego, 1881. – 304 s.

8. Каирони, Ф. Петрарка в белорусском поэтическом переводе (сравнительный анализ переводов сонета № 19 из сборника «Книга песен») / Ф. Каирони // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2017. – Вып. 11, ч. 2. – С. 21–24.

9. Mickiewicz, A. Wiersze / A. Mickiewicz. – Warszawa : Czytelnik, 1976. – 507 s.

10. Дантэ, А. Новае жыццё / А. Дантэ // Кніга песень / Ф. Петрарка ; пер. з іт. У. Скарынкіна. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2011. – 134 с.

11. Петрарка, Ф. Выбраныя песні з «Канцаньерэ» / Ф. Петрарка ; пер. з іт. Л. Баршчэўскага. – Мінск : Зміцер Колас, 2016. – 70 с.

References

1. Mickiewicz A. *Sonety.* Minsk, Polymya Publ., 1998. 158 p. (in Polish, in Belarusian).

2. Benediktov V. G. *Translates.* Available at: http://www.azlib.ru/b/benediktow_w_g/text_0100.shtml (accessed 10.12.2018) (in Russian).

3. Kardyni-Pelikánová K. «Sonety» Adama Mickiewicza w przekładach Vladimíra Holana [«Sonnets» by Adam Mickiewicz in translation by Vladimír Holan]. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky = Studia Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. X, Series Slavica Litteraria*, 2006, vol. 55, iss. X9, pp. 29–39 (in Polish).

4. Nelyubin L. L. *Explanatory dictionary of translation studies*. 3nd ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003. 320 p. (in Russian).

5. Petrarch. *Canzoniere*. *Nuova Universale Einaudi 41.* Torino, Giulio Einaudi, 1964. 471 p. (in Italian).

6. Petrarch. *The Complete Canzoniere*. Available at: http://people.virginia.edu/~jdk3t/petrarchkline.htm#_Toc12014289 (accessed 11.12.2018).

7. Petrarch. *Felicyana przekład Pieśni Petrarki : objaśnieniami i przypisami opatrzony* [Translation of Petrarch songs by Felicyan]. Warsaw, Drukarnia Józefa Sikorskiego, 1881. 304 p. (in Polish).

8. Kaironi F. Petrarch in Belarusian poetic translation (comparative analysis of translations of sonnet number 19 from the 'Book of Songs'). *Karpovskie nauchnye chteniya: sbornik nauchnykh statei* [Karpov scientific readings: collection of scientific articles]. Minsk, 2017, iss. 11, pt. 2, pp. 21–24 (in Russian).

9. Mickiewicz A. *Wiersze* [Poems]. Warsaw, Czytelnik, 1976. 507 p. (in Polish).

10 Dante A. New Life. *Kniga pesen'* [Book of songs]. Minsk, Litaratura i mastatstva Publ., 2011. 134 p. (in Belarusian).

11. Petrarch. Selected Songs from the «*Canzoniere».* Minsk, Zmitser Kolas Publ., 2016. 70 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Минскевич Сергей Леонидович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: inlinasbel@tut.by

Information about the author

Sergey L. Minskevich – Ph. D. (Philol), Senior Scientific Researcher. Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: inlinasbel@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 342.571
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-218-231

Поступила в редакцию 09.07.2019
Received 09.07.2019

В. В. Гончаров

Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников», Краснодар, Россия

РАМКИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена исследованию одной из важнейших проблем, препятствующих эффективному функционированию общественного контроля в Российской Федерации, – определению его пределов. Цель исследования – разработать правовую модель определения пределов общественного контроля в России как необходимого условия эффективного функционирования данного института гражданского общества. Задачи исследования: 1) дать определение понятию пределов общественного контроля в России; 2) провести анализ пределов общественного контроля (пространственных; по времени осуществления; по полноте наполнения (по его принципам, целям и задачам, формам, объектам, полномочиям субъектов и их количеству); по его оценке с позиции легальности и легитимности данного вида деятельности), разработав и обосновав мероприятия по совершенствованию действующего российского законодательства, регулирующего вопросы общественного контроля.

Проводится анализ пределов общественного контроля (пространственных; по времени осуществления; по полноте наполнения (по его принципам, целям и задачам, формам, объектам, полномочиям субъектов и их количеству); по его оценке с позиции легальности и легитимности данного вида деятельности). Автором разработаны и обоснованы следующие выводы: 1) под пределами общественного контроля следует понимать, во-первых, совокупность пространственных и временных границ его организации и осуществления; во-вторых, идеал, грани, к которым необходимо стремиться при его реализации; в-третьих, максимальный охват и мыслимую полноту его содержания; в-четвертых, крайнюю и высшую ступень реализации данного вида деятельности с позиций ее легальности и легитимности; 2) анализ пределов общественного контроля показал необходимость разработки системы мероприятий по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего данный институт гражданского общества: во-первых, в части уточнения пространственных и временных границ его осуществления; во-вторых, в части определения полноты его наполнения (по его принципам, целям и задачам, формам, объектам, полномочиям субъектов и их количеству); в-третьих, с позиции оценки пределов легальности и легитимности данного вида деятельности.

В статье использован ряд методов научного исследования, в частности, анализа; синтеза; классификации; сравнения; формально-юридический; метод правового моделирования; анализ теоретических и нормативно-правовых источников; нормативно-правовой; формально-логический.

Ключевые слова: общественный контроль, Российская Федерация, конституционно-правовой анализ, народовластие, институт гражданского общества, определение пределов, легальность, легитимность, проблемы, эффективность

Для цитирования: Гончаров, В. В. Рамки общественного контроля в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ / В. В. Гончаров // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 218–231. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-218-231

Vitaly V. Goncharov

Legal Consulting Corporation «Association of Independent Human Rights Defenders», Krasnodar, Russia

DETERMINATION OF LIMITS OF PUBLIC CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS

Abstract. The article is devoted to the study of the limits of public control in the Russian Federation. Objective: to develop a legal model for determining the limits of public control in Russia as a necessary condition for the effective functioning of this institution of civil society. Objectives of the study: 1) to define the concept of limits of public control in Russia; 2) to analyze the limits of public control (spatial; time of implementation; completeness of content (its principles, goals and objectives,

© Гончаров В. В., 2020

forms, objects, powers of subjects and their number); its assessment from the point of view of legality and legitimacy of this type of activity), having developed and having proved actions for improvement of the current Russian legislation regulating questions of public control.

In work is analysis of the limits of social control (spatial; time of implementation; the completeness of filling (according to his principles, purposes and tasks, forms, objects, and powers of the constituent entities and their amounts); the evaluation from the perspective of legality and legitimacy of the activity). The article uses a number of methods of scientific research, in particular: analysis; synthesis; classification; comparison; formal-legal; method of legal modeling; analysis of theoretical and regulatory sources; legal; formal-logical.

Keywords: public control, Russian Federation, constitutional and legal analysis, democracy, institution of civil society, definition of limits, legality, legitimacy, problems, efficiency

For citation: Goncharov V. V. Determination of limits of public control in the Russian Federation: constitutional and legal analysis. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 218–231 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-218-231

Определение понятия пределов общественного контроля в Российской Федерации. В процессе организации и осуществления общественного контроля в Российской Федерации возникают многочисленные проблемы, которые препятствуют эффективному функционированию данного института гражданского общества, без разрешения которых невозможна реализация конституционных принципов народовластия и участия общественности в управлении государственными делами.

Одной из вышеуказанных проблем является определение пределов общественного контроля, под которыми стоит понимать: 1) пространственные и временные границы его организации и осуществления; 2) идеал, грани, к которым необходимо стремиться при его реализации; 3) максимальный охват и мыслимую полноту его содержания; 4) крайнюю и высшую ступень реализации данного вида деятельности с позиций ее легальности и легитимности.

Правовая модель определения пределов общественного контроля как необходимое условие эффективного функционирования данного института гражданского общества. В целях разрешения указанной проблемы представляется необходимым разработать правовую модель определения пределов общественного контроля.

Таким образом, требуется провести анализ пределов общественного контроля (пространственных; по времени осуществления; по полноте наполнения (по его принципам, целям и задачам, формам, объектам, полномочиям субъектов и их количеству); по его оценке с позиции легальности и легитимности данного вида деятельности), разработав и обосновав мероприятия по совершенствованию действующего российского законодательства, регулирующего вопросы общественного контроля.

Пространственные пределы общественного контроля в России. Определение пространственных пределов общественного контроля в Российской Федерации, несмотря на кажущуюся очевидность их соответствия территориальным границам России, имеет ряд проблем.

В связи с тем, что статья 2 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ в правовую основу общественного контроля включила, наряду с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, еще и законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а также муниципальные нормативные правовые акты, то пространственными пределами осуществления общественного контроля в той части, в которой он дополнительно урегулирован региональными и муниципальными нормативно-правовыми актами, являются границы соответствующих субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Например, в разделе 1 Положения об Общественной палате муниципального образования город Краснодар оговаривается, что данный субъект общественного контроля создан в целях защиты прав и свобод граждан, проживающих на территории муниципального образования город Краснодар [1]. Более того, те полномочия Общественной палаты муниципального образования город Краснодар, которые носят не информационный или рекомендательный характер, а содержат права, которым соответствуют обязательные к исполнению третьими лицами обязанности (например, по направлению официальных обращений главе муниципального образования город Краснодар, администрации муниципального образования город Краснодар, ее отраслевым,

функциональным и территориальным органам, на которые последние обязаны ответить в тридцатидневный срок), также ограничены пространственными пределами муниципального образования.

В свою очередь статья 1 Закона Краснодарского края от 03.03.2017 г. № 3575-КЗ «Об Общественной палате Краснодарского края и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Краснодарского края» ограничивает пространственные пределы полномочий Общественной палаты Краснодарского края территорией Краснодарского края [2].

В связи с этим осуществление некоторых форм общественного контроля, например, общественных проверок, общественными палатами субъектов Российской Федерации и общественными палатами (советами) муниципальных образований, особенно вне пределов соответствующих регионов и муниципальных образований, затруднено. В частности, в соответствии со статьей 20 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» инициирование ими общественных проверок возможно лишь в случаях, специально предусмотренных законодательством Российской Федерации. Для того чтобы обеспечить возможность данным субъектам общественного контроля осуществлять общественные проверки свободно и повсеместно на территории страны, представляется необходимым изменить пункт 2 статьи 20 вышеназванного Федерального закона, дополнив перечень безусловных инициаторов общественной проверки общественными палатами субъектов Российской Федерации, а также общественными палатами (советами) муниципальных образований.

Определенная проблема существует и с организацией общественного контроля за соблюдением прав военнослужащих Вооружённых сил Российской Федерации на военных объектах, расположенных за рубежом. Ряд авторов отмечают, что в этих случаях отсутствует возможность органов общественного контроля и «правозащитников непосредственно встречаться с жертвами в Вооруженных силах РФ, проводить сбор информации об инцидентах насилия и иных формах нарушения общепризнанных норм международного права» [3]. В связи с этим представляет большой интерес зарубежный опыт по организации контроля за правами военнослужащих, в том числе в случаях их нахождения за пределами своей страны. Например, в ФРГ эффективно действует институт Уполномоченного по делам военнослужащих, который имеет право инспектировать зарубежные военные базы ФРГ и проверять соблюдение прав и свобод как военнослужащих Бундесвера, так и работающих на армию гражданских лиц [4]. В связи с этим представляется необходимым создать в России институт Уполномоченного по делам военнослужащих в Российской Федерации, приняв соответствующий федеральный закон, наделив данное должностное лицо полномочиями по контролю за соблюдением прав и свобод военнослужащих, в том числе, находящихся за пределами России.

Временные пределы общественного контроля в России. В настоящее время значительной проблемой, возникающей при организации и осуществлении общественного контроля в Российской Федерации, является определение его временных пределов (продолжительности проведения тех или иных форм общественного контроля и их периодичности).

Федеральное законодательство содержит временные ограничения лишь по срокам проведения отдельных форм общественного контроля. В частности, согласно пункту 5 статьи 20 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» срок проведения общественной проверки не должен превышать 30 дней [5]. Кроме того, в данном федеральном законе в пункте 5 статьи 26 прямо не урегулированы сроки, в течение которых органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные лица, органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, обязаны рассматривать направленные им итоговые документы, подготовленные по результатам общественного контроля, и направлять соответствующим субъектам общественного контроля обоснованные ответы (содержится лишь отсылочная норма к соответствующим федеральным законам).

В свою очередь Федеральный закон от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» в пункте 2 статьи 17 подобные сроки определил, но только по обращениям Общественной палаты страны: в течение тридцати дней со дня его регистрации (при этом

в исключительных случаях сроки рассмотрения обращения могут быть продлены не более чем на тридцать дней с уведомлением об этом Общественной палаты). В исключительных случаях, определяемых самой Общественной палатой Российской Федерации, должные лица публичных органов власти обязаны дать ответ на запрос Общественной палаты в течение четырнадцати дней (пункт 3 статьи 24 вышеназванного Федерального закона). В случае, если Общественная палата запрашивает заключения на проекты законов, рассматриваемых в рамках проводимого общественного контроля, то данные документы должны быть отправлены также в тридцатидневный срок (пункт 5 статьи 18) [6].

Периодичность проведения тех или иных мероприятий общественного контроля на федеральном уровне не установлена. Исключением из данного правила является лишь периодичность подготовки и опубликования субъектами общественного контроля итоговых докладов, справок о состоянии гражданского общества в стране и общественного контроля [6].

Однако в региональном законодательстве имеет место попытка установления предельных сроков осуществления тех или иных форм общественного контроля, а также ограничения периодичности их проведения. Например, Закон Свердловской области от 19.12.2016 г. № 151-ОЗ «Об общественном контроле в Свердловской области» в пункте 5 статьи 19 ограничил срок проведения общественной экспертизы 120 днями. В данном законе сделана попытка установления и минимальных сроков проведения отдельных форм общественного контроля (в частности, общественное обсуждение согласно пункту 8 статьи 20 не может проводиться в срок менее 30 дней) [7]. В свою очередь, в пунктах 8 и 9 статьи 9 Закона Краснодарского края от 25.12.2015 г. № 3305-КЗ «Об общественном контроле в Краснодарском крае» закреплено, что один субъект общественного контроля вправе посещать один и тот же орган или одну и ту же организацию не более одного раза в течение двух календарных лет, а общее число посещений одного и того же органа или одной и той же организации не может быть более трех в течение календарного года [8].

В то же время подобные ограничения сроков и периодичности проведения отдельных форм общественного контроля, установленные на региональном уровне, создают препятствия к его осуществлению, что, в свою очередь, противоречит пункту «в» статьи 71 Конституции Российской Федерации, установившей, что регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина находится в исключительном ведении Российской Федерации, а также пункту 4 статьи 2 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который запретил принятие нормативных правовых актов в целях воспрепятствования осуществлению общественного контроля.

В связи с этим представляется целесообразным определить на федеральном уровне либо сроки и периодичность по каждой форме общественного контроля, осуществляемой его субъектами, либо закрепить возможность установления данных сроков и периодичности на региональном и муниципальном уровне для субъектов общественного контроля, создаваемых в соответствии с нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Пределы общественного контроля в России по полноте наполнения содержания данного вида деятельности. Значительной проблемой, возникающей при организации и осуществлении общественного контроля в Российской Федерации, является определение полноты наполнения содержания данного вида деятельности (его принципов, целей и задач, форм, объектов, полномочий субъектов и их количества).

Определение полноты перечня принципов общественного контроля в России. Так, анализируя систему принципов общественного контроля, закрепленных в федеральном законодательстве, в частности, в Федеральном законе от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», ряд авторов считают их количество недостаточным для оптимальной организации данного института гражданского общества. О. А. Околёснова отмечает: «В случае, если те или иные особенности общественных отношений не предусмотрены базовым законом, приведённые принципы служат направлениями для формирования последующей нормативной правовой базы. Кроме того, они являются ориентиром при применении права по ана-

логии» [9, с. 110]. Это обстоятельство особенно актуально в силу того, что сам институт общественного контроля в Российской Федерации сравнительно молодой и нормативно-правовая база его регулирования еще только формируется, особенно на региональном и муниципальном уровне. Отсутствие же детально сформулированной и сбалансированной системы принципов организации и функционирования данного вида деятельности затрудняет построение единого правового поля общественного контроля в стране.

В этой связи Е. В. Бердникова делает вывод о необходимости расширения перечня общеправовых принципов общественного контроля, а также предлагает внесение изменений в действующее законодательство в части корректировки и уточнения регламентации межотраслевых и отраслевых правовых принципов общественной контрольной деятельности [10, с. 12].

С данным предложением следует согласиться, так как перечень принципов общественного контроля, закреплённый законодателем, представляется неполным, и в него можно включить, например, принцип этики и профессионализма представителей органов общественного контроля. В пользу включения данного принципа, в частности, в статью 6 вышеназванного Федерального закона, свидетельствует, например, практика организации и деятельности Общественной палаты Российской Федерации [11].

Однако предложения некоторых авторов по дополнению системы принципов общественного контроля представляются спорными и необоснованными. Так, по мнению М. А. Килессо, система принципов общественного контроля должна быть дополнена принципом безвозмездности общественного контроля [12, с. 24]. Автор считает, что представители органов общественного контроля должны осуществлять свою деятельность безвозмездно. Но при данном подходе это будет означать, что представители субъектов общественного контроля должны заниматься данной деятельностью в свободное от основной работы время, либо эта деятельность будет доступна не всем категориям граждан, а, например, пенсионерам или финансово обеспеченным людям. Действующее законодательство, напротив, обоснованно закрепило гарантии деятельности представителей субъектов общественного контроля [6].

Ряд авторов считают необходимым расширить пределы применения принципов общественного контроля, уже закрепленных в Федеральном законе от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Так, предлагается распространить принцип недопустимости вмешательства в сферу деятельности политических партий на другие виды общественных объединений в связи с тем, что в противном случае такое вмешательство будет противоречить самой сути общественных объединений как институтов гражданского общества [13, с. 92].

Однако представляется, что реализация данного предложения приведет к отсутствию общественного контроля за деятельностью многочисленных групп общественных объединений: общественных организаций; общественных движений; общественных фондов; общественных учреждений; органов общественной самодеятельности.

Более того, ряд авторов предлагают изъять данный принцип из вышеназванного Федерального закона в связи с тем, что «необходимость превращения политических партий в объект общественного контроля и распространение на них соответствующих положений Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» обусловлены двойственной природой политических партий, их ролью связующего звена между государством и обществом» [14, с. 13–18].

В то же время представляются оправданными предложения ряда авторов относительно приведения принципов осуществления общественного контроля в отдельных отраслях государственного управления (например, за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания) в соответствие с общими принципами общественного контроля [15, с. 42]. Это позволит, с одной стороны, сформировать единый правовой подход к формированию системы принципов организации и функционирования субъектов общественного контроля в России, а с другой – обеспечить равную реализацию права граждан страны на осуществление общественного контроля во всех сферах государственного и муниципального управления. Как отмечают некоторые

исследователи, это особенно актуально при осуществлении общественного контроля за правоохранительными органами [16, с. 38–42], а также деятельностью, упомянутой в пункте 2 статьи 2 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Определение полноты перечня целей и задач общественного контроля в России. Важную роль в процессе определения пределов общественного контроля играет формулирование его целей и задач. Представляется, что цели общественного контроля, предусмотренные в части 1 статьи 5 вышеназванного Федерального закона, закрепляют не все грани, к которым должен стремиться данный вид деятельности. Ряд авторов справедливо отмечают, что действующее законодательство в качестве основной цели общественного контроля в России закрепляет обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина [17, с. 9–13], однако игнорирует цели по предупреждению, профилактике и содействию пресечению нарушения прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Кроме того, общественный контроль выступает в качестве гарантии реализации конституционных принципов народовластия и участия граждан Российской Федерации в управлении государством, что также должно быть отражено при формулировании целей данного института гражданского общества.

В связи с этим представляется необходимым дополнить часть 1 статьи 5 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» пунктами 4–5 следующего содержания:

«4) обеспечение профилактики, предупреждение и содействие пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

5) обеспечение реализации конституционных принципов народовластия и участия граждан Российской Федерации в управлении государством».

Перечень задач общественного контроля, сформулированный в части 2 статьи 5 вышеназванного Федерального закона, также нуждается в дополнении, ориентированности на достижение конкретных результатов. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию предлагает не только организовать эффективный общественный контроль, но и с его помощью добиваться конкретного результата, которого ждут люди [18].

Достигнуть конкретного результата (т. е. цели) общественного контроля можно, лишь обеспечив сбалансированное формулирование внутренних и внешних его задач, диалектически связанных между собой. В связи с этим представляется необходимым изложить часть 2 статьи 5 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в следующей редакции:

«2. Задачами общественного контроля являются: 1) способствование признанию, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; 2) повышение уровня участия граждан Российской Федерации и их объединений в государственном управлении и местном самоуправлении; 3) формирование и развитие гражданского правосознания; 4) повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества; 5) содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов; 6) реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, профилактику, предупреждение и содействие пресечению их нарушений со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными

законами отдельные публичные полномочия; 7) обеспечение прозрачности и открытости деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 8) вовлечение населения в процесс противодействия коррупции, в том числе и путем формирования в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; 9) повышение эффективности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; 10) снижение рисков принятия и реализации органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, противоправных и (или) противоречащих общественным интересам решений».

Данные изменения позволят усовершенствовать законодательную базу общественного контроля, превратив его в действенный инструмент по искоренению причин и условий, способствующих нарушению прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Определение полноты форм осуществления общественного контроля в России. Проблема определения пределов общественного контроля тесно связана с вопросом о формах его осуществления и является предметом широкой дискуссии в отечественной учебной и научной литературе [19, с. 53–60; 20, с. 66; 21, с. 15–19; 23, с. 25]. Представляется, что закреплённый в статье 18 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» перечень форм общественного контроля хоть и носит условно открытый характер, но нуждается в уточнении и дополнении. В связи с этим необходимо изложить статью 18 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в следующей редакции:

«Статья 18. Формы общественного контроля.

1. Общественный контроль осуществляется в формах: а) общественного мониторинга; б) общественной проверки; в) общественной экспертизы; г) взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления (общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания); д) иных формах, не противоречащих настоящему Федеральному закону.

2. Общественный контроль может осуществляться одновременно в нескольких формах.

3. Порядок осуществления общественного контроля в формах, указанных в части 1 настоящей статьи, определяется настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами. Порядок осуществления общественного контроля в формах, указанных в пункте «д» части 1 настоящей статьи, определяется также иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами».

Определение полноты перечня объектов общественного контроля в России. Важную роль в определении пределов общественного контроля играет установление исчерпывающего перечня его объектов. Вопрос отнесения тех или иных органов публичной власти к объектам общественного контроля носит дискуссионный характер, являясь предметом широкого обсуждения в отечественной учебной и научной литературе. Представляется, что это связано с рядом следующих причин.

Другими словами, в федеральном законодательстве не дано прямого определения понятию объектов общественного контроля и не проведена их классификация.

В связи с этим В. В. Гриб отмечает: «Отнесение, например, Президента Российской Федерации к категории органов и организаций, в отношении которых осуществляется общественный контроль, объясняется его особым правовым статусом и характером осуществляемых им полномочий и, безусловно, носит дискуссионный характер» [25].

Более того, как показывает судебная и административная практика, в отдельных случаях имеет место необоснованное расширительное трактованное статьи 91 Конституции, когда судебные органы отказываются рассматривать жалобы граждан страны на действия (бездействие) должностных лиц Администрации Президента Российской Федерации, включая акты полномочных представителей главы государства в федеральных округах [26].

Кроме того, существенно затруднен общественный контроль в отношении отдельных видов правоохранительных органов.

Анализ федеральных законов, например, Федерального закона от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» показывает, что в них отсутствуют положения, регулирующие вопросы общественного контроля [27].

В то же время действующее законодательство не содержит определения понятия органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, а сама современная концепция публичной власти нуждается, по мнению В. Е. Чиркина, в уточнении [28, с. 5–14]. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в федеральное законодательство в части закрепления понятия органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, а также определения критериев отнесения к ним отдельных категорий юридических лиц. При определении перечня объектов общественного контроля в него следует включить организации, учреждения и предприятия (независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности), которые обладают полномочиями, которые могут влиять на процессы реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций.

Таким образом, некоторые авторы обосновывают необходимость включения в перечень данной разновидности объектов общественного контроля различных категорий вышеназванных организаций, учреждений и предприятий, например, субъектов естественных монополий и государственных корпораций. Это позволит, с одной стороны, узаконить уже состоявшуюся практику общественного контроля за данной категорией объектов, а с другой – придать субъектам общественного контроля необходимый статус и полномочия, обеспечив постоянный и повсеместный охват контролем со стороны институтов гражданского общества наиболее важных сторон жизнедеятельности общества.

Ряд исследователей считают оправданным включение в перечень объектов общественного контроля политических партий и движений [14, с. 13–18]. Так, Ф. И. Долгих подчеркивает: «Низкий показатель общественного доверия к политическим партиям как социально-политическому институту обусловлен, в том числе, недостаточной открытостью для общества финансовой деятельности политических партий, а введение общественного контроля рассматривается в качестве способа преодоления недоверия к политическим партиям как институту и повышения их авторитета среди граждан» [30, с. 84]. В связи с этим в качестве первого этапа охвата общественным контролем деятельности политических партий данный автор называет закрепление общественного контроля за их финансовой деятельностью. При этом данный подход представляется оправданным в силу того, что анализ бюджетов политических партий Российской Федерации, представленных в Государственной Думе, показывает, что доля их государственного финансирования в 2016–2017 гг. уверенно превышает 75 %-ный показатель и имеет устойчивую тенденцию к росту. Следовательно, получение финансирования, осуществляемого за счет денежных средств налогоплательщиков, дает основание для государственного и общественного контроля политических партий в части законности и обоснованности расходования данных финансовых ресурсов.

Представляется, что общественный контроль может осуществляться в отношении любых органов государственной власти и местного самоуправления, а также муниципальных и государственных учреждений, органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия.

В Федеральном законе от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» следует закрепить определение понятия объектов общественного контроля, провести их классификацию путем определения перечня данного вида объектов.

Кроме того, следует внести изменения в федеральное законодательство, регулирующее статус органов государственной власти, общественный контроль в отношении деятельности которых не охватывается вышеназванным Федеральным законом, в части определения перечня объектов общественного контроля, а также условий и порядка его осуществления.

Определение полноты перечня субъектов общественного контроля в России. Важную роль в определении пределов общественного контроля играет установление исчерпывающего перечня его субъектов.

Так, представляет интерес опыт ряда стран СНГ, например Республики Казахстан, по включению в перечень субъектов общественного контроля физических лиц – граждан Республики Казахстан (согласно части 3 статьи 17 Закона Республики Казахстан от 02.11.2015 г. № 383-V «Об общественных советах)» [31].

Кроме того, дискуссионным является и вопрос участия в деятельности субъектов общественного контроля иностранных граждан и лиц без гражданства.

В ряде стран, например, Республике Казахстан, делаются попытки закрепления права иностранных граждан и лиц без гражданства участвовать в осуществлении общественного контроля в качестве полноправных субъектов на территории страны [32].

Хотя часть 2 статьи 9 вышеназванного Федерального закона и закрепляет возможность создания в соответствии с законодательством Российской Федерации иных организационных структур общественного контроля, однако на практике основная масса субъектов общественного контроля представлена либо общественными палатами федерального, регионального и муниципального уровня, либо создаваемыми ими структурами. Кроме того, из части 2 статьи 9 вытекает, что создание организационных структур общественного контроля, кроме перечисленных в вышеназванном Федеральном законе, может осуществляться исключительно нормативно-правовыми актами федерального уровня. Однако представляется, что данное ограничение полномочий регионального и муниципального законодательства необоснованно и противоречит части 1 статьи 2 данного Федерального закона, согласно которой осуществление общественного контроля регулируется настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами.

В связи с этим представляется необходимым изложить часть 2 статьи 9 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в следующей редакции:

«2. Для осуществления общественного контроля в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, могут создаваться: 1) общественные наблюдательные комиссии; 2) общественные инспекции; 3) группы общественного контроля; 4) иные организационные структуры общественного контроля».

На наш взгляд, перечень субъектов общественного контроля возможно дополнить профессиональными союзами. Как справедливо отмечает И. А. Мурзанов, «анализ законодательства о профессиональных союзах показывает наличие формального закрепления их права осуществлять общественный контроль. Положения Закона об общественном контроле содержат закрытый перечень субъектов общественного контроля, в который не входят профсоюзы … данное противоречие требует законодательного … разрешения» [33, с. 52].

В связи с этим представляется необходимым внести изменения в Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [34], закрепив за профсоюзами статус субъекта общественного контроля, детально регламентировав их полномочия в данной сфере.

Определение полноты перечня полномочий субъектов общественного контроля в России. Значительной проблемой в установлении пределов общественного контроля является определение оптимального набора их полномочий.

Хотя перечень прав субъектов общественного контроля, закреплённый в части 1 статьи 10 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», носит открытый характер и может быть дополнен законодательством Российской Федерации, но, по мнению ряда авторов, действующее законодательство должно уйти от тенденции детального регулирования полномочий субъектов общественного контроля, так как это сковывает развитие данного института гражданского общества. Так, М. С. Хачатрян справедливо отмечает: «В связи с этим считаем, что правовое регулирование общественного контроля не должно быть детальным … предоставляя возможность развиваться новым формам общественного контроля, не предусмотренным законодательством» [35, с. 24–30].

Подобное расширение полномочий позволит превратить институт общественного контроля не только в реальный механизм обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан страны, а также их объединений, но и гарантировать реализацию конституционных принципов народовластия и участия граждан в управлении государственными делами.

Однако следует отметить, что уже закреплённый в действующем законодательстве за субъектами общественного контроля набор полномочий не в полной мере может быть реализован в связи с отсутствием его детализации в иных нормативно-правовых актах. Так, предусмотренное пунктом 7 части 1 статьи 10 вышеназванного Федерального закона право субъектов общественного контроля обращаться в суд для защиты прав неопределенного круга лиц, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в случаях, предусмотренных федеральными законами, не подкреплено ни Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, ни другими законами, которые должны установить случаи, когда возможна реализация данного права.

Таким образом, определение оптимального набора полномочий субъектов общественного контроля в Российской Федерации предполагает решение двух вопросов. С одной стороны, перечень полномочий субъектов общественного контроля должен обеспечивать полноценную реализацию целей и задач общественного контроля, закрепленных в действующем законодательстве страны. С другой стороны, осуществление данных полномочий должно быть детализировано в иных нормативно-правовых актах на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

В связи с этим представляется необходимым, во-первых, расширить полномочия субъектов общественного контроля, дополнив их правами по предупреждению, профилактике и пресечению нарушений прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации, во-вторых, провести мониторинг действующего законодательства на предмет внесения в него изменений и дополнений в части обеспечения реализации полномочий субъектов общественного контроля. Данный мониторинг должен быть организован и проводиться Общественной палатой Российской Федерации при информационно-правовой поддержке Правительства Российской Федерации в лице Министерства юстиции страны.

Определение пределов общественного контроля с позиции оценки легальности и легитимности данного вида деятельности. Важную роль в определении пределов общественного контроля играет оценка данного вида деятельности институтов гражданского общества с позиции легальности и легитимности. В отношении деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, которая носит производный (в силу делегированных народом властных полномочий) характер, противопоставление понятий «легальности» и «легитимности» достаточно широко освещено в современной учебной и научной литературе [36, с. 101–103; 37, с. 65].

Так, применительно к оценке государственной власти В. Е. Чиркин, в частности, определяет легализацию как «установление, признание, поддержку данной власти законом, прежде всего конституцией, опору власти на закон», а легитимацию – как «процесс, не обязательно формальный и даже чаще всего неформальный, посредством которого государственная власть приобретает свойство легитимности, т. е. состояние, выражающее правильность, оправданность, целесообразность, законность и другие стороны соответствия конкретной государственной власти установкам, ожиданиям личности, социальных и иных коллективов, общества в целом» [37, с. 66]. Следовательно, легитимность государственной власти оценивает сам народ. Функционально данная оценка проявляется в установлении и осуществлении власти народом через референдумы

и выборы. Кроме того, ее можно выявить путём проведения социологических исследований, опросов общественного мнения и т. п.

Оценка легальности деятельности институтов гражданского общества по осуществлению контроля в отношении органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и организаций, органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия в соответствии с действующим законодательством, не вызывает особых затруднений. В целом, для признания легальной, данная деятельность должна соответствовать общепризнанным нормам и принципам международного законодательства, положениям Конституции Российской Федерации, федерального и регионального законодательства, нормативно-правовым актам органов местного самоуправления.

В то же время попытки осуществления общественного контроля различными институтами гражданского общества в формах и методах, не закрепленных действующим законодательством, рассматриваются последним в качестве незаконной (нелегальной) деятельности. Более того, согласно частям 2 и 3 статьи 27 Федерального закона от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» необоснованное вмешательство субъектов общественного контроля в деятельность органов публичной власти и оказание на них неправомерного воздействия, иные нарушения вышеназванного Федерального закона влекут ответственность, установленную законодательством России. Хотя при этом данные мероприятия институтов общественного контроля могут быть оценены населением и положительно, т. е. с точки зрения общества носить легитимный характер.

В связи с этим ряд авторов исследуют право народа на революцию в тех случаях, когда государственная власть носит нелегитимный характер [38, с. 108–114]. Действительно, представляется, что в случае узурпации власти либо ее незаконного присвоения какими-либо органами государственной власти или их должностными лицами, а также отсутствия либо фиктивного характера правовых гарантий, обеспечивающих права народа на народовластие и участие в управлении государственными делами (основной гарантией при этом выступает институт общественного контроля), народ имеет право на выражение конструктивного протеста против нелегитимной власти, крайней формой которого и выступает принудительное отстранение от власти должностных лиц и публичных органов власти, утративших легитимность в глазах народа. В этом случае конструктивный протест выступает и в качестве крайней формы контроля общества за органами публичной власти. При этом он будет носить легитимный характер в случае соответствия ожиданиям большинства общества и его одобрения населением. А легальность он приобретает, как показывает практика революционных переворотов, путем дальнейшего узаконения перехода власти посредством использования демократических процедур (референдумов, выборов и т. п.).

Во избежание подобных ситуаций, как справедливо отмечает В. Ф. Коломийцев, «гуманное общество должно… определяться наличием массовых и влиятельных общественных организаций, которые способны осуществлять контроль за деятельностью государственных чиновников» [39, с. 3]. Таким образом, в России согласно действующему законодательству в качестве пределов общественного контроля выступает исключительно его легальное осуществление.

Выводы. На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Под пределами общественного контроля следует понимать, во-первых, совокупность пространственных и временных границ его организации и осуществления; во-вторых, идеал, грани, к которым необходимо стремиться при его реализации; в-третьих, максимальный охват и мыслимую полноту его содержания; в-четвертых, крайнюю и высшую ступень реализации данного вида деятельности с позиций ее легальности и легитимности.

2. Анализ пределов общественного контроля показал необходимость разработки системы мероприятий по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего данный институт гражданского общества: во-первых, в части уточнения пространственных и временных границ его осуществления; во-вторых, в части определения полноты его наполнения (по его принципам, целям и задачам, формам, объектам, полномочиям субъектов и их количеству); в-третьих, с позиции оценки пределов легальности и легитимности данного вида деятельности.

Список использованных источников

1. Об Общественной палате муниципального образования город Краснодар [Электронный ресурс] : постановление администрации муницип. образования г. Краснодар, 18 авг. 2010 г., № 6214 // КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/446219111. – Дата доступа: 01.01.2019.

2. Об Общественной палате Краснодарского края и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Краснодарского края [Электронный ресурс] : Закон Краснодар. края, 3 марта 2017 г., № 3575-КЗ // КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/429097561. – Дата доступа: 01.01.2019.

3. Передрук, А. Немного об общественном контроле в Вооруженных Силах РФ [Электронный ресурс] / А. Передрук // 7х7: новости, мнения, блоги. – Режим доступа: https://7x7-journal.ru/post/27225. – Дата доступа: 01.01.2019.

4. Уполномоченный по делам военнослужащих [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. – Режим доступа: https://www.bundestag.de/parlament/wehrbeauftragter/ru. – Дата доступа: 01.01.2019.

5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федер. закон, 21 июля 2014 г., № 212-ФЗ // Рос. газ. – 2014. – 23 июля. – федер. вып. № 163 (6435).

6. Об Общественной палате Российской Федерации : Федер. закон, 4 апр. 2005 г., № 212-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.

7. Об общественном контроле в Свердловской области [Электронный ресурс] : Закон Свердл. обл., 19 янв. 2016 г., № 151-ОЗ // КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/429088309. – Дата доступа: 01.01.2019.

8. Об общественном контроле в Краснодарском крае [Электронный ресурс] : Закон Краснодар. края, 25 дек. 2015 г., № 3305-КЗ // КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/432809870. – Дата доступа: 01.01.2019.

9. Околёснова, О. А. Новое прочтение принципов общественного контроля в современных условиях / О. А. Околёснова // Тр. по интеллект. собственности. – 2015. – Т. 21, № 2. – С. 110–123.

10. Бердникова, Е. В. Пробелы правовой регламентации принципов общественного контроля в Российской Федерации / Е. В. Бердникова // Соврем. о-во и право. – 2016. – № 2 (23). – С. 12–21.

11. Кодекс этики членов Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс] : принят на втором пленар. заседании Обществ. палаты Рос. Федерации 14 апр. 2006 г. // Общественная палата Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.oprf.ru/about/1391/493. – Дата доступа: 01.01.2019.

12. Килессо, М. А. Принципы общественного контроля над деятельностью органов местного самоуправления в России / М. А. Килессо // Пробелы в рос. законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 24–30.

13. Нужнова, С. Л. Анализ принципов института общественного контроля как инструмента взаимодействия гражданского общества и государства / С. Л. Нужнова, М. С. Терентьева, С. С. Клюшников // Наука и образование: хоз-во и экономика; предпринимательство; право и упр. – 2016. – № 4 (71). – С. 89–92.

14. Долгих, Ф. И. Общественный контроль за деятельностью политических партий – к постановке вопроса / Ф. И. Долгих // Пробелы в рос. законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 13–18.

15. Соколова, О. В. Принципы осуществления общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания / О. В. Соколова // Уголов.-исполн. право. – 2014. – № 2 (18). – С. 42–47.

16. Занина, Т. М. Общественный контроль за деятельностью полиции: понятие, задачи, принципы / Т. М. Занина, М. С. Крицкая // Адм. право и процесс. – 2016. – № 6. – С. 38–42.

17. Бердникова, Е. В. Обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина как основная цель общественного контроля в России / Е. В. Бердникова // Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, преподавателей, практ. работников (1–2 июля 2015 г.) / Сарат. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: Г. Н. Комкова [и др.]. – М., 2015. – С. 9–13.

18. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 12.12.2013 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646. – Дата доступа: 01.01.2019.

19. Литвинова, Ю. М. К вопросу о формах общественного контроля в Российской Федерации / Ю. М. Литвинова // Ленингр. юрид. журн. – 2015. – № 3 (41). – С. 53–60.

20. Михеев, Д. С. К вопросу о формах общественного контроля / Д. С. Михеев // Вестн. Марийс. гос. ун-та. Сер. : Ист. науки. Юрид. науки. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 66–70.

21. Япрынцев, И. М. Правотворческая инициатива граждан как форма общественного контроля в Российской Федерации / И. М. Япрынцев // Гражд. о-во в России и за рубежом. – 2016. – № 2. – С. 15–19.

22. О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе [Электронный ресурс] : Закон Ямало-Ненец. автоном. округа, 8 июня 2009 г., № 37-ЗАО // КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/895234396. – Дата доступа: 01.01.2019.

23. Mikheev, D. S. On the experience of legal regulation of the principle of local authorities in German law / D. S. Mikheev, T. N. Mikheeva, M. A. Mokoseeva // Rev. of Europ. Studies. – 2015. – Vol. 7, № 8. – P. 23–27. https://doi.org/10.5539/res.v7n8p23

24. Иванова, К. А. Электронные петиции как способ осуществления населением общественного контроля за органами публичной власти / К. А. Иванова // Конституц. и муницип. право. – 2017. – № 10. – С. 15–17.

25. Гриб, В. В. Президент РФ – объект общественного контроля? [Электронный ресурс] / В. В. Гриб // Отрасли права : аналит. портал. – Режим доступа: http://отрасли-права.рф/article/20741. – Дата доступа: 01.01.2019.

26. Тверской районный суд города Москвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tverskoy.msk.sudrf.ru. – Дата доступа: 01.01.2019.

27. О федеральной службе безопасности [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 3 апр. 1995 г., № 40-ФЗ // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6300. – Дата доступа: 01.01.2019.

28. Чиркин, В. Е. О современной концепции публичной власти / Е. В. Чиркин // Государство и право. – 2016. – № 2. – С. 5–14.

29. Гриб, В. В. Субъекты естественных монополий и государственных корпораций как объекты общественного контроля / В. В. Гриб // Конкурент. право. – 2016. – № 4. – С. 3–5.

30. Долгих, Ф. И. Общественный контроль за финансовой деятельностью политических партий / Ф. И. Долгих // Проблемы экономики и юрид. практики. – 2017. – № 1. – С. 84–88.

31. Об общественных советах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 2 нояб. 2015 г., № 383-V. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=36800092#pos=3;-252. – Дата доступа: 01.01.2019.

32. Об общественном контроле в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан : проект // Право и СМИ Центральной Азии. – Режим доступа: http://medialaw.asia/posts/10-07-2013/73245.html. – Дата доступа: 01.01.2019.

33. Мурзанов, И. А. Профессиональные союзы как субъекты общественного контроля / И. А. Мурзанов // Закон и право. – 2016. – № 5. – С. 52–55.

34. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 12 янв. 1996 г., № 10-ФЗ // КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/9015224. – Дата доступа: 01.01.2019.

35. Хачатрян, М. С. Пределы правового регулирования общественного контроля / М. С. Хачатрян // Юрид. исслед. – 2017. – № 9. – С. 24–30.

36. Безкоровайная, Ю. Е. Кризис легальности и легитимности государственной власти в контексте формирования «сильного» государства / Ю. Е. Безкоровайная // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 101–103.

37. Чиркин, В. Е. Легализация и легитимация государственной власти / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 1995. – № 8. – С. 10–18.

38. Глухих, В. А. Легитимность власти и революция / В. А. Глухих, С. М. Елисеев // Дискурс. – 2016. – № 5. – С. 108–114.

39. Коломийцев, В. Ф. Для нового курса необходим диалог власти с народом / В. Ф. Коломийцев // Гражданин и право. – 2010. – № 7. – С. 3–17.

References

1. About Public chamber of municipality the city of Krasnodar: the resolution of administration of municipality the city of Krasnodar of August 18, 2010, no. 6214. *CODEX. Electronic fund of legal and regulatory technical documentation*. Available at: http://docs.cntd.ru/document/446219111 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

2. On the Public chamber of Krasnodar region and on amendments to certain legislative acts of Krasnodar krai: the Law of Krasnodar territory of Match 3, 2017, no. 3575-KZ. *CODEX. Electronic fund of legal and regulatory technical documentation*. Available at: http://docs.cntd.ru/document/429097561 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

3. Peredruk A. A little bit of social control in the Armed Forces of the Russian Federation. *7x7: news, opinions, blogs*. Available at: https://7x7-journal.ru/post/27225 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

4. The Parliamentary Commissioner for the Armed Forces. *Deutscher Bundestag.* Available at: https://www.bundestag.de/en/parliament/commissioner (accessed 01.01.2019).

5. About bases of public control in the Russian Federation: Federal law of July 21, 2014, no. 212-FZ. *Rossijskaya gazeta = Russian Newspaper,* 2014, July 23, no. 163 (6435) (in Russian).

6. About public chamber of the Russian Federation: Federal law of April 4, 2005, no. 212-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of Legislation of the Russian Federation,* 2005, no. 15, art. 1277 (in Russian).

7. About public control in Sverdlovsk region: the Law of Sverdlovsk region of December 19, 2016, no. 151-OZ. *CODEX. Electronic fund of legal and regulatory technical documentation*. Available at: http://docs.cntd.ru/document/429088309 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

8. About public control in Krasnodar krai: the Law of Krasnodar krai of December 25, 2015, no. 3305-KZ. *CODEX. Electronic fund of legal and regulatory technical documentation*. Available at: http://docs.cntd.ru/document/432809870 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

9. Okolesnova O. A. New reading of the principles of civil control in today environment. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Issues on Intellectual Property,* 2015, vol. 21, no. 2, pp. 110–123 (in Russian).

10. Berdnikova E. V. Problems of the legal regulation the principle of public control in the Russian Federation. *Sovremennoe obshhestvo i pravo = Modern Society and Law,* 2016, no. 2 (33), p. 12–21 (in Russian).

11. Code of ethics of members of the Public chamber of the Russian Federation (adopted at the second plenary session of the Public chamber of the Russian Federation 14.04.2006. *Civic Chamber of the Russian Federation*. Available at: https://www.oprf.ru/about/1391/493 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

12. Kilesso M. A. The principles of public control over the activity of local self-government in Russia. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation,* 2016, no. 2, p. 24–30 (in Russian).

13. Nuzhnova S. L., Terent'eva M. S., Klyushnikov S. S. Analysis of the principles of the Institute of public control as a tool of interaction between civil society and the state. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy; enterprise; law and management], 2016, no. 4 (71), pp. 89–92 (in Russian).

14. Dolgikh F. I. Public control over the activities of political parties – to the question. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in the Russian Legislation,* 2016, no. 2, pp. 13–18 (in Russian).

15. Sokolova O. V. Principles of public control and promoting to persons who are in places of detention. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = The Theory of Penal Law,* 2014, no. 2 (18), p. 42–47 (in Russian).

16. Zanina T. M., Kritskaya M. S. Public control over the police activity: notion, tasks, principles. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure,* 2016, no. 6, pp. 38–42 (in Russian).

17. Berdnikova E. V. Ensuring the implementation and protection of human and civil rights and freedoms as the main goal of public control in Russia. *Vzaimodeistvie institutov vlasti i obshchestva v sfere zashchity prav cheloveka: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii aspirantov, prepodavatelei, prakticheskikh rabotnikov (1–2 iyulya 2015 g.)* [Interaction of institutions of power and society in the field of human rights protection: materials VIII international scientific-practical conference of graduate students, teachers, practitioners (July 1–2, 2015)]. Moscow, 2015, pp. 9–13 (in Russian).

18. The message of the President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Federal Assembly of December 12, 2013. *ConsultantPlus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

19. Litvinova Yu. M. The form of public control in the Russian Federation. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal,* 2015, no. 3 (41), pp. 53–60 (in Russian).

20. Mikheev D. S. Tho the issue of public control forms. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki = Vestnik of the Mari State University. Chapter «History. Law»,* 2018, vol. 4, no. 1, pp. 66–70 (in Russian).

21. Yapryntsev I. M. Legal work initiative of citizens as a form of social control in the Russian Federation. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil Society in Russia and Abroad,* 2016, no. 2, pp. 15–19 (in Russian).

22. About monitoring of legal space in the Yamalo-Nenets Autonomous area: the Law of the Yamalo-Nenets Autonomous area, June 8, 2009, no. 37-CJSC. *CODEX. Electronic fund of legal and regulatory technical documentation*. Available at: http://docs.cntd.ru/document/895234396 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

23. Mikheev D. S., Mikheeva T. N., Mokoseeva M. A. On the experience of legal regulation of the principle of local authorities in German law. *Review of European Studie*s, 2015, vol. 7, no. 8, p. 23–27. https://doi.org/10.5539/res.v7n8p23

24. Ivanova K. A. Electronic petitions as means of public control over public authorities. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law,* 2017, no. 10, pp. 15–17 (in Russian).

25. Grib V. V. President of the Russian Federation – the object of public control? *Sectors of Law*. Available at: http://отрасли-права.рф/article/20741 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

26. *Tver court*. Available at: http://tverskoy.msk.sudrf.ru (accessed 01.01.2019) (in Russian).

27. On the Federal security service: Federal law of April 3, 1995, no. 40-FZ. *ConsultantPlus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6300 (accessed 08.06.2019) (in Russian).

28. Chirkin V. E. Bout a modern concept of public power. *Gosudarstvo i pravo = State and Law,* 2016, no. 2, pp. 5–14 (in Russian).

29. Grib V. V. The Subjects of natural monopolies and state corporations as public control objects. *Konkurentnoe pravo = Competition law,* 2016, no. 4, pp. 3–5 (in Russian).

30. Dolgikh F. I. Public control over the financial activities of political parties. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice,* 2017, no. 1, p. 84–88 (in Russian).

31. *On public councils: Law of the Republic of Kazakhstan, November 2, 2015, no. 383-V*. Available at: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=36800092#pos=3;-252 (accessed 08.06.2019) (in Russian).

32. On public control in the Republic of Kazakhstan: Draft Law of the Republic of Kazakhstan. *Law and Mass Media of Central Asia*. Available at: http://medialaw.asia/posts/10-07-2013/73245.html (accessed 01.01.2019) (in Russian).

33. Murzanov I. A. Trade unions as subjects of public control. *Zakon i parvo* [Law and Right], 2016, no. 5, p. 52–55 (in Russian).

34. *On trade unions, their rights and guarantees of activity*: Federal law of January 12, 1996, no. 10-FZ. *CODEX. Electronic fund of legal and regulatory technical documentation*. Available at: http://docs.cntd.ru/document/9015224 (accessed 01.01.2019) (in Russian).

35. Khachatryan M. S. Limits of legal regulation of public control. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies,* 2017, no. 9, pp. 24–30 (in Russian).

36. Bezkorovainaya Yu. E. Crisis of the legality and legitimacy of the state authority in a context of the state building. *Gosudarstvo i pravo = State and Law,* 2011, no. 7, pp. 101–103 (in Russian).

37. Chirkin V. E. Legalization and legitimization of state power. *Gosudarstvo i pravo = State and Law,* 1995, no. 8, pp. 10–18 (in Russian).

38. Glukhikh V. A., Eliseev S. M. The legitimacy of power and the revolution. *Diskurs = Discourse,* 2016, no. 5, pp. 108–114 (in Russian).

39. Kolomiitsev V. F. The new course requires a dialogue between the authorities and the people. *Grazhdanin i pravo* [Citizen and Law], 2010, no. 7, pp. 3–17 (in Russian).

Информация об авторе

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, кандидат юридических наук, исполнительный директор. Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников» (ул. Промышленная, д. 50, 350002, Краснодар, Российская Федерация). E-mail: niipgergo2009@mail.ru.

Information about the author

Vitaly V. Goncharov – D. Sc. (Philos.), Ph. D. (Law), Executive Director. Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders" (50 Promyshlennaya Str., 350002 Krasnodar, Russia). E-mail: niipgergo 2009@mail.ru.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 331.5(476)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-232-241

Поступила в редакцию 28.10.2019
Received 28.10.2019

Н. В. Маковская

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев, Беларусь

РЕЗЕРВИРУЕМАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В БЕЛАРУСИ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ОЦЕНКИ

Аннотация. Представлены результаты исследования института резервируемой заработной платы, который является новым научным направлением в Республике Беларусь. Резервируемая заработная плата представлена с позиции методологии экономики труда. Обсуждаются варианты оценки уровня резервируемой заработной платы как с точки зрения индивидов, которые осуществляют поиск нового рабочего места, так и с позиции государства, устанавливающего ее уровень в национальной экономике страны. Использованы данные макростатистики Республики Беларусь за период 2004–2016 гг. Результаты оценок показали, что резервируемая заработная плата в Беларуси расходится с показателями оплаты труда в стране. Это свидетельствует о том, что ее уровень не завышен и она адекватна условиям белорусского рынка труда. Уровень резервируемой заработной платы стимулирует активизацию трудоустройства безработных индивидов. Доказано, что в экономике Беларуси основными детерминантами, которые влияют на уровень резервируемой заработной платы, являются количество безработных в возрасте старше 45 лет, молодежная безработица (безработные моложе 19 лет), количество безработных с высшим образованием, уровень средней номинально начисленной заработной платы. Белорусские оценки показали, что результат поиска работы объективно зависит от уровня заработной платы.

Ключевые слова: минимальная заработная плата, рынок труда, индивид, государство, национальная экономика, безработица, пособие по безработице, рабочее место, трудоустройство

Для цитирования: Маковская, Н. В. Резервируемая заработная плата в Беларуси: характеристика и оценки / Н. В. Маковская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 2. – С. 232–241. https://doi.org/10.29235/ 2524-2369-2020-65-2-232-241

Natalia V. Makovskaya

Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus

RESERVED WAGES IN BELARUS: CHARACTERISTICS AND EVALUATIONS

Abstract. The article presents the research results of the institute of reserved wages, which is a new research area in the Republic of Belarus. Reserved salaries are presented from the perspective of the methodology of labor economics. Options for assessing the level of reserved wages are discussed both from the point of view of individuals who are searching for a new job, and from the position of the state that sets its level in the national economy of the country. The work uses data from macro statistics of the Republic of Belarus for the period 2004–2016. The evaluation results showed that the reserved wages in Belarus differ from the wage rates in the country, and this indicates that its level is not overstated and it is adequate to the conditions of the Belarusian labor market. Its level stimulates the activation of employment of unemployed individuals. It is proved that in the Belarusian economy, the main determinants that affect the level of reserved wages are the number of unemployed at the age of 45 + years, youth unemployment (less than 19 years) and the number of unemployed with higher education, the level of average nominally accrued wages. Belarusian estimates showed that the result of a job search objectively depends on the level of wages.

Keywords: minimum wage, labor market, individual, State, national economy, unemployment, unemployment benefits, workplace, employment

For citation: Makovskaya N. V. Reserved wages in Belarus: characteristics and evaluations. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 2, pp. 232–241 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-232-241

© Маковская Н. В., 2020

Введение. Институт резервируемой заработной платы для рынка труда Беларуси является новой категорией, которая ранее не изучалась и не обсуждалась. Резервируемая заработная плата – уровень заработной платы, определяющий активность мобильности работников (индивидов) на рынке труда и позволяющий понять направления поиска ими нового рабочего места или отсутствие такого поиска.

Оценки резервируемой заработной платы могут быть как субъективными (мнение индивидов, которые хотели бы получать конкретную заработную плату), так и объективными (расчеты и оценки на основе макропоказателей национальной экономики и рынка труда). Исследовательская задача состоит в том, чтобы определить связь и закономерности между формированием объективных и субъективных оценок резервируемой заработной платы. Решение такой задачи позволит адекватно определить уровень заработной платы, с которой работники согласны начать работать на новом рабочем месте и готовность работодателей нести такой уровень зарплатных издержек.

Следует предположить, во-первых, что национальный рынок труда Беларуси, в части формирования уровня резервируемой заработной платы, является специфичным (даже в отличие от рынка труда России) исходя из особенностей институциональной архитектуры экономических процессов. Во-вторых, существующий уровень резервируемой заработной платы не случаен, и ее размер экономически целесообразен для белорусской экономики с учетом ее реальных возможностей. В-третьих, резервируемая заработная плата выступает важнейшим стратегическим элементом поведения на рынке труда работников и работодателей, который определяет объем спроса и предложения на данном рынке. В отношении белорусского рынка труда оценки резервируемой заработной платы не проводились. Представляется, что такого рода анализ позволит дать адекватную оценку причинам и гибкости национального рынка труда в Беларуси.

Доказано, что явным внешним фактором, который оказывает влияние на размер резервируемой заработной платы для работника, является страх, связанный с неопределенностью и, прежде всего, безработицей. Ожидание худшего экономического положения заставляет «сокращать объем желаемого, ценного, значимого, минимизировать свои требования и запросы к жизни» [2]. Современное объяснение особенных характеристик резервируемой заработной платы находится в плоскости теории поиска Даймонда и Писсаридеса [7–9]. Предполагается, что соискатели рабочих мест максимизируют ожидаемую полезность, выбирая интенсивность поиска и уровень резервируемой заработной платы. Они определяют их значения таким образом, чтобы ожидаемая полезность от продолжения поиска (т. е. сохранения в следующем периоде статуса) возрастала. Резервируемая заработная плата (reservation wage) – ключевое понятие теории поиска на рынке труда. Этим термином обозначается наименьшая оплата, за которую работник будет согласен начать трудиться.

В основу данного авторского проекта положены теоретико-методологические принципы и результаты исследования российских ученых Р. И. Капелюшникова и А. Л. Лукьяновой «Парадоксы резервируемой заработной платы на российском рынке труда» [2]. Результаты данного исследования свелись к тому, что на российском рынке труда резервируемая заработная плата устанавливается не случайным, а экономически осмысленным образом, с учетом реалий функционирования рынка труда. Существует ряд исследований, в которых обсуждается влияние резервируемой заработной платы на продолжительность безработицы. Исследователи обнаруживают положительную связь: чем выше зарплатные требования соискателей, тем длительнее поиск (Jones, 1988; Prasad, 2003) [10–12].

Отдельно следует выделить исследовательское направление – влияние на резервируемую заработную плату макроэкономических параметров, характеризующих состояние совокупного и региональных рынков труда. Многие авторы приходят к выводу, что влияние региональной безработицы на резервируемую заработную плату либо отсутствует, либо является очень слабым (Franz, 1980; Jones, 1989; Hogan, 2004) [10; 15; 16]. По оценкам В. Хогана, намного более сильное влияние оказывают региональные уровни заработной платы [15]. В то же время ряд авторов получают прямо противоположные результаты, из которых следует, что региональные показатели безработицы являются сильными детерминантами резервируемой заработной платы,

тогда как региональные показатели заработной платы отражаются на ней слабо (Malk, 2014) [13]. Значительный эффект региональных показателей безработицы фиксируют также другие ученые (Brown, Taylor, 2013) [17]. Некоторые исследователи отмечают необходимость пользоваться не общими показателями безработицы, а специфическими, рассчитанными для отдельных образовательных или профессиональных групп [14].

Цель исследования и основные результаты. Целью исследования является анализ особенностей формирования резервируемой заработной платы в условиях белорусского рынка труда. Это позволит понять, адекватен ли уровень резервируемой заработной платы реалиям национального рынка труда в Беларуси.

Алгоритм данного исследования в целом ориентирован на исследовательские возможности эмпирической базы белорусских данных. Белорусские данные ориентированы на статистику макроуровня с определенным панельным лагом (2004–2016 гг.).

В целях данного исследования резервируемая заработная плата с позиции эмпирических возможностей определена как уровень любых государственных выплат, с размера которых работники согласны начать трудиться (или отказаться от поиска в пользу социального пособия) без учета их индивидуальных характеристик. В этой связи к резервируемой заработной плате отнесены: размер минимальной заработной платы (в бел. руб.), размер пособия по безработице (в бел. руб.).

Предполагаем, что в национальной экономике Беларуси в качестве эндогенных факторов, влияющих на формирование резервируемой заработной платы, выступают такие показатели, как количество зарегистрированных безработных по продолжительности безработицы; количество зарегистрированных безработных по уровню образования; количество зарегистрированных безработных по возрасту; количество зарегистрированных безработных по полу; размер денежных доходов населения; средний размер пенсий. К экзогенным факторам отнесены: количество занятых в экономике; число свободных рабочих мест (вакансий); количество зарегистрированных безработных по причинам увольнения; уровень безработицы в экономике; уровень безработицы в областях; размер средней номинальной начисленной заработной платы в областях; размер средней номинальной начисленной заработной платы по видам экономической деятельности; размер бюджета прожиточного минимума; размер социальных выплат населению; ставка рефинансирования (по данным Национального банка Беларуси); количество трудоустроенных за год граждан за счет государства.

1. *Дескриптивная статистика показателей резервируемой заработной платы и параметров рынка труда, влияющих на нее, показала следующее (рис. 1).*

Характерной динамика роста является для уровня минимальной заработной платы в Беларуси. Данный показатель в период с 2004 по 2017 г. вырос примерно в 10 раз (в номинальном

Рис. 1. Динамика резервируемых заработных плат в Беларуси

Fig. 1. Dynamics of reserved wages in Belarus

Рис. 2. Количество безработных и свободных рабочих мест в экономике Беларуси

Fig. 2. The number of unemployed and free jobs in the Belarusian economy

выражении). Особая активность роста начала наблюдаться с 2010 г., что связано с активизацией мер государственной политики регулирования национальной экономики. Показатель уровня пособия по безработице является более чем статичным.

Количество занятых в национальной экономике может рассматриваться как показатель, характеризующий не только объем спроса на труд на рынке труда, но и как фактор, формирующий «социальный страх» возможности не быть трудоустроенным в данных условиях. Уровень занятости в экономике Беларуси составляет более 76 %. Такой показатель свидетельствует об отсутствии предпосылок формирования «страха» безработицы в стране.

Показателем минимального уровня «страха» безработицы в национальной экономике является количество свободных мест, которые есть в наличии в случае наступления статуса безработного у индивида (рис. 2).

Так, из графиков следует (особенно начиная с 2006 г.), что количество свободных вакансий превышает количество безработных в стране. Причем при общем сокращении количества безработных количество свободных вакансий растет.

Следует предположить, что средний возраст безработных, претендующих на переход в статус занятых, может повлиять на уровень резервируемой заработной платы в части ее увеличения (чем старше индивид, тем требования к уровню заработной платы выше).

Характеристика возраста безработных на рынке труда в Беларуси указывает на устойчивый тренд роста среднего возраста безработных (к 2017 г. средний возраст составил 41 год).

Рост среднего возраста безработных позволяет прогнозировать не только уровень резервируемой заработной платы в экономике, но и учитывать факт того, что чем старше безработные, тем уровень их требований к рабочему месту и заработной плате выше, исходя из объема их человеческого капитала (согласно теории человеческого капитала). Следствием этого может стать: а) необходимость увеличения пособия по безработице; б) увеличение минимального уровня заработной платы и, как следствие, рост средней заработной платы в экономике.

Поведение безработных индивидов на рынке труда в оценке резервируемой заработной платы и различиях в ее уровнях зависит и от того, кто впервые ищет работу, кто вынужденно уволен и кто ушел с прошлой работы добровольно. Как правило, безработные склонны устанавливать резервируемую зарплату на завышенном уровне (больше средней по рынку) в том случае, если такой уровень существовал на их прошлом месте работы [2]. Следовательно, резервируемая заработная плата отличается также в зависимости от причин увольнения и вхождения в статус безработного: у «добровольных» безработных (ушедших с последнего места работы по собственному желанию) и у «вынужденных» безработных (уволенных по причине сокращения штатов). На белорусском рынке труда более активными являются увольнения по соглашению сторон между работниками и нанимателями (добровольные увольнения).

Таким образом, характеристика параметров белорусского рынка труда показала их статичность в период 2004–2016 гг. и отсутствие значимых скачков в функционировании данного рынка. Безработица в Беларуси не является главным детерминантом резервируемой заработной платы.

2. *Оценка реалистичности показателей резервируемой заработной платы в Беларуси (размер минимальной заработной платы (в бел. руб.), размер пособия по безработице (в бел. руб.)).*

Оценка реалистичности показателей резервируемой заработной платы – адекватность решений государственных органов управления на рынке труда с учетом его реалий и особенностей функционирования. Если уровень резервируемой заработной платы органами государственного управления установлен не адекватно, то будет происходить следующее:

во-первых, при завышенном уровне индивиды будут отказываться от трудоустройства (или скорого трудоустройства), уровень безработицы будет не регулируемым, а ее продолжительность будет увеличиваться;

во-вторых, если резервируемая заработная плата сохраняется на одном и том же уровне, не реагируя на функционирование рынка труда, это станет причиной жесткости рынка труда.

Оценить реалистичность резервируемой заработной платы в данном случае можно с помощью сравнения ее с доступными объективными показателями оплаты труда (в нашем случае со средней номинальной начисленной заработной платой в областях, средней номинальной начисленной заработной платой по видам экономической деятельности, денежными доходами населения).

За период наблюдений 2004–2016 гг. общий тренд реалистичности форм резервируемой заработной платы можно представить следующим образом (рис. 3).

К началу 2017 г. размер номинальной начисленной заработной платы стал в 3,5 раза больше размера минимальной заработной платы по сравнению с началом 2000-х гг. Периодом четкого «отрыва» резервируемой заработной платы (в форме минимальной заработной платы) от номинальной начисленной зарплаты стал период 2010–2012 гг. Резервируемая заработная плата в виде пособия по безработице является статичной на протяжении доступного периода исследования. Ее разрыв является весьма характерным с номинально начисленной заработной платой (более чем в 15 раз в 2016 г.) и более чем в 4 раза с минимальным уровнем заработной платы.

Таким образом, резервируемая заработная плата в Беларуси расходится с показателями оплаты труда в стране (с учетом ее показателей по видам экономической деятельности и в областях) и существенно отстает от фактической оплаты труда. Это свидетельствует о том, что ее уровень не завышен и она адекватна условиям белорусского рынка труда; ее уровень стимулирует активизацию трудоустройства безработных индивидов.

3. *Оценка факторов (детерминант), влияющих на резервируемую заработную плату в Беларуси.*

Задачей такой оценки является определение трендов изменения резервируемой заработной платы в зависимости от факторов среды. Для того чтобы оценить действие факторов, влияющих на резервируемую заработную плату в Беларуси, целесообразно использовать спецификации минцеровского уравнения с использованием МНК:

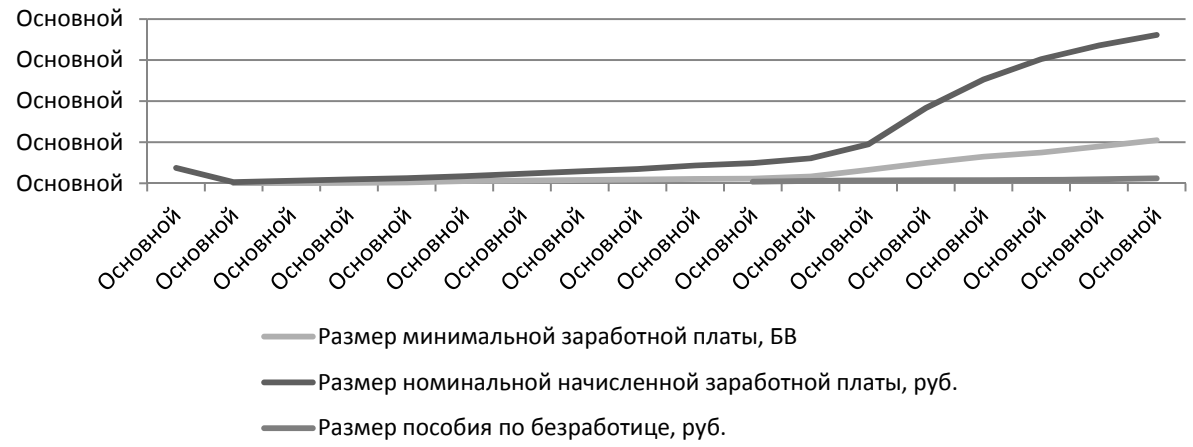

Рис. 3. Изменения номинальной начисленной заработной платы и форм резервируемой заработной платы в Беларуси

Fig. 3. Changes in nominal accrued wages and forms of reserved wages in Belarus

$$\ln WRit = \beta 0 + \beta 1 \ln Wt + \beta 2\ unt + \beta 3\ dt + \beta 4\ Xit + \varepsilon it, \quad (1)$$

где ln *WRt* – логарифм резервируемой заработной платы в момент времени *t*; *Wt* – логарифм средней заработной платы в стране в момент времени *t*; *ut* – уровень безработицы в стране в момент времени *t*; *Xit* – вектор социально-демографических характеристик; *dt* – логарифм продолжительности безработицы индивидов в момент времени *t*; ε*it* – случайная ошибка.

Варианты расчетов отличаются набором включавшихся независимых переменных. Мы экспериментировали также с переменными, характеризующими эндогенность и экзогенность факторов, влияющих на резервируемую заработную плату в Беларуси. В спецификации были включены переменные, характеризующиеся статистическими данными с 2000 по 2017 г. Однако количество независимых переменных и количество наблюдений по годам не позволяет оценить регрессионную модель сразу со всеми факторами. Поэтому целесообразно для уменьшения размерности выборки использовать метод главных компонент [18], который позволяет выделить те показатели, которые имеют наибольшее влияние на зависимые переменные, и выявить группы взаимосвязанных показателей без существенной потери имеющихся статистических данных. В нашем случае первый главный фактор сохраняет 69,3 % общей дисперсии исходных показателей. Факторные нагрузки представляют собой коэффициент корреляции (*r*) между показателем и главным фактором.

В табл. 1 приведены значения факторных нагрузок для таких зависимых переменных резервируемой заработной платы, как логарифм минимальной заработной платы (ln W_1) и логарифм пособия по безработице (ln W_2).

Таблица 1. **Значения факторных нагрузок (*r*) для логарифма минимальной заработной платы**

Table 1. **Values of factor loads (*r*) for the logarithm of the minimum wage**

Независимые переменные	Фактор 1 для (ln W_1), *r*	Фактор 1для (ln W_2), *r*
Логарифм средней номинальной начисленной заработной платы	0,970735	0,979938
Размер бюджета прожиточного минимума	0,853065	0,850444
Доля зарегистрированных безработных с высшим образованием	0,932261	0,928663
Доля зарегистрированных безработных со средне-специальным образованием	–0,579538	-0,425228
Доля зарегистрированных безработных со средним образованием	–0,919613	–0,977068
Доля зарегистрированных безработных с общим образованием	–0,820246	–0,866519
Доля зарегистрированных безработных в возрасте 16–17 лет	–0,922412	–
в возрасте 18–19 лет	–0,939057	–
в возрасте 20–24 лет	–0,868190	–
в возрасте 25–29 лет	–0,488025	–
в возрасте 30–34 лет	0,397922	–
в возрасте 35–39 лет	0,815910	–
в возрасте 40–44 лет	0,885724	–
в возрасте 45–49	0,962536	–
в возрасте 50 лет и старше	0,979725	–
Уровень безработицы	–0,810439	–0,827322
Ставка рефинансирования	–0,584329	–0,730388

Таким образом, с использованием метода главных компонент получены результаты (табл. 1), которые выделили показатели, имеющие наибольшее влияние на исследуемые зависимые переменные (ln W_1 и ln W_2).

Так, к основным факторам, влияющим на зависимые переменные, отнесены детерминанты с высокими коэффициентами корреляции (0,9) с большинством переменных:

для резервируемой заработной платы, выраженной через логарифм минимальной заработной платы (ln W_1): средняя номинальная начисленная заработная плата (r = 0,97). Чем она выше, тем выше резервируемая заработная плата. Такое же положительное влияние на резервируемую зарплату оказывают: доля зарегистрированных безработных в возрасте 50 лет и старше (r = 0,979); доля зарегистрированных безработных в возрасте 45–49 лет (r = 0,962); доля зарегистрированных

безработных с высшим образованием (r = 0,932). Самое большое отрицательное влияние оказывает доля безработных в возрасте 16–19 лет (r = –0,9), т. е. чем больше эта доля, тем меньше резервируемая зарплата в форме минимальной заработной платы;

для резервируемой заработной платы, выраженной через логарифм пособия по безработице ($\ln W_2$): самое большое влияние на изменение резервируемой заработной платы (пособия по безработице) оказывает средняя номинальная начисленная заработная плата (r = 0,979). Чем она выше, тем выше резервируемая заработная плата. Такое же сильное положительное влияние на резервируемую зарплату оказывают: доля зарегистрированных безработных с высшим образованием (r = 0,928); доля зарегистрированных безработных в возрасте 40–44 лет (r = 0,885); размер бюджета прожиточного минимума (r = 0,85). Значительное отрицательное влияние на пособие по безработице оказывают: доля зарегистрированных безработных со средним образованием (r = –0,97); доля зарегистрированных безработных с общим образованием (r = –0,860); уровень безработицы (r = –0,820).

Коэффициенты уравнений для ($\ln W_1$) и ($\ln W_2$), а также величины факторных нагрузок не противоречат друг другу, это позволяет констатировать адекватность применения данного метода.

Таким образом, в национальной экономике Беларуси основными эндогенными детерминантами, которые влияют на уровень резервируемой заработной платы, можно отнести: размер резервируемой заработной платы, выраженной через минимальную заработную плату; количество безработных в возрасте 45 лет и старше; молодежную безработицу (безработные в возрасте менее 19 лет) и количество безработных с высшим образованием. К главной экзогенной детерминанте следует отнести уровень средней номинально начисленной заработной платы в национальной экономике.

Оценка факторов (детерминант), влияющих на резервируемую заработную плату, которые связаны с доходами населения, позволит понять, существует ли связь между ростом благосостояния населения и уровнем резервируемой заработной платы. Иными словами, влияет ли рост доходов населения (благосостояние) на рост резервируемой заработной платы.

В целях такой оценки в спецификацию добавлены такие независимые переменные, как логарифм денежных доходов населения и логарифм среднего размера пенсий.

Первый главный фактор для логарифма минимальной заработной платы сохраняет 75,3 % общей дисперсии исходных и для логарифма пособия по безработице соответственно 72,2 %. Значения факторных нагрузок для данных оценок приведены в табл. 2.

Таблица 2. **Оценка влияния доходов населения на уровень резервируемой заработной платы**
Table 2. **Assessing the impact of population income on the level of reserved wages**

Независимые переменные	Фактор 1 для ($\ln W_1$), r	Фактор 1 для ($\ln W_2$), r
Логарифм номинальной начисленной заработной платы	0,9908	0,9914
Размер бюджета прожиточного минимума	0,8560	0,8546
Уровень безработицы	–0,8449	–0,8486
Ставка рефинансирования	–0,6895	–0,7116
Логарифм денежных доходов населения	0,9807	0,9823
Логарифм среднего размера пенсий	0,9721	0,9739

Все факторы имеют высокие коэффициенты корреляции почти со всеми переменными (0,7). Оценка линейных регрессионных уравнений для минимальной заработной платы и пособия по безработице показала следующее: номинальная заработная плата, получаемые денежные доходы, размер пенсий. Отрицательное влияние оказывает уровень безработицы в национальной экономике.

Таким образом, полученные результаты оценки влияния благосостояния населения на минимальную заработную плату и на пособия по безработице абсолютно одинаковы. Если растет благосостояние населения, выраженное через рост денежных доходов, то растет и резервируемая заработная плата. Существует определенная закономерность: при росте доходов в национальной экономике индивиды при поиске нового рабочего места, а также при будущем трудоустройстве

будут рассчитывать на более высокий уровень заработной платы, чем тот, который был у них на предыдущем месте работы.

4. *Взаимосвязь резервируемой заработной платы с результатами поиска работы на белорусском рынке труда.*

В основе таких оценок была использована спецификация, построенная на основе минцеровского уравнения. В качестве инструмента оценки использован тот же метод главных компонент, позволяющий уменьшить число переменных, выбрав самые изменчивые из них. Главные факторы (1) сохраняют высокую общую дисперсию исходных показателей (69,3 %).

В табл. 3 приведены значения факторных нагрузок для двух спецификаций, где зависимыми переменными являются: а) логарифм минимальной заработной платы; б) логарифм пособия по безработице.

Таблица 3. **Значения факторных нагрузок для двух спецификаций**

Table 3. **Factor loads for two specifications**

Независимые переменные	Фактор 1 для (ln W_1), r	Фактор 1для (ln W_2), r
Средняя продолжительность безработицы	–0,8570	–0,8483
Логарифм номинальной начисленной заработной платы	0,9753	0,9721
Уровень безработицы	–0,8211	–0,8193
Доля трудоустроенных от общего числа обратившихся в службу занятости	–0,6210	–0,6380

В табл. 3 представлены только коэффициенты для тех показателей, которые позволяют оценить взаимосвязи резервируемой заработной платы (минимальная заработная плата и пособие по безработице) с результатами поиска работы на белорусском рынке труда. Коэффициенты объясняют самое большое отрицательное влияние на изменение резервируемой заработной платы средней продолжительности безработицы (при увеличении срока продолжительности безработицы минимальная заработная плата будет сокращаться). Данный результат имеет экономическую логику: чем выше предложение рабочей силы на рынке труда, тем активнее сокращается минимальная ставка заработной платы. Значимое отрицательное влияние на пособие по безработице оказывает ее продолжительность. Так, при увеличении срока продолжительности безработицы в Беларуси расходы на ее обслуживание (т. е. пособия) сокращаются. Это в значительной степени объясняет низкий уровень безработицы в стране.

Заключение. Белорусские оценки показали, что результат поиска работы объективно зависит от уровня заработной платы в национальной экономике, что не противоречит теории рынка труда. Полученные результаты объясняют механизм формирования низкого уровня безработицы в Беларуси. Белорусские оценки констатируют отрицательную связь между резервируемой заработной платой в форме пособия по безработице и результатом поиска работы. Низкий уровень пособия по безработице является стимулом активного поиска работы. Связь между резервируемой заработной платой в форме минимальной заработной платы и результатом поиска работы не установлена.

Наиболее важный для нас результат заключается в том, что резервируемая заработная плата в форме пособия по безработице имеет значимое стимулирующее влияние на поиск работы в условиях рынка труда Беларуси. Иными словами, у индивидов нет стимула переходить в статус безработного или оставаться в этом статусе продолжительное время. Это, в том числе, объясняет незначительный уровень безработицы в Беларуси.

Список использованных источников

1. Гимпельсон, В. Российская модель рынка труда и заработной платы (часть 2) [Электронный ресурс] / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, А. Полетаев // Демоскоп. – 2008. – № 325–326. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2008/0325/s_map.php. – Дата доступа: 16.06.2017.

2. Капелюшников, Р. И. Парадоксы формирования резервируемой заработной платы на российском рынке труда : препринт WP3/2016/03 / Р. И. Капелюшников, А. Л. Лукьянова. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 53 с. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»).

3. Addison, J. T. The reservation wage unemployment duration nexus [Electronic resource] / J. T. Addison, J. A. F. Machado, P. Portugal. – Bonn : IZA, 2010. – (IZA Discussion Paper ; no. 5077). – Mode of access: http://ftp.iza.org/dp5077.pdf. – Date of access: 10.10.2019.

4. An analysis of reservation wages for the economically inactive / D. H. Blackaby [et al.] // Economics Letters. – 2007. – Vol. 97, № 1. – P. 1–5. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2007.02.005

5. Blien, U. Do reservation wages react to regional unemployment? [Electronic resource] / U. Blien, S. Messmann, M. Trappmann. – Nürnberg : Inst. für Arbeitsmarkt-u. Berufsforschung (IAB), 2012. – (IAB-Discussion Paper ; no. 22). – Mode of access: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/84964/1/726722790.pdf. – Date of access: 10.10.2019.

6. Bloemen, H. G. Individual wealth, reservation wages, and transitions into employment / H. G. Bloemen, E. G. F. Stancanelli // J. of Labor Economics. – 2001. – Vol. 19, № 2. – P. 400–439. https://doi.org/10.1086/319566

7. Pissarides, C. Equilibrium unemployment theory / C. Pissarides. – 2nd ed. – Cambridge : MIT Press, 2000. – 252 p.

8. Никитин, М. Поисковые теории рынков / М. Никитин, А. Юрко // Вопр. экономики. – 2011. – № 1. – С. 51–64.

9. Писсаридес, К. Может ли жесткость заработных плат объяснить волатильность безработицы / К. Писсаридес // Вопр. экономики. – 2011. – № 1. – С. 65–88.

10. Jones, S. R. G. The relationship between unemployment spells and reservation wages as a test of search theory / S. R. G. Jones // Quarterly J. of Economics. – 1988. – Vol. 103, № 4. – P. 741–765. https://doi.org/10.2307/1886073

11. Jones, S. R. G. Reservation wages and the cost of unemployment / S. R. G. Jones // Economica. – 1989. – Vol. 56, № 222. – P. 225–246. https://doi.org/10.2307/2554041

12. Prasad, E. S. What determines the reservation wages of unemployed workers? New evidence from German micro data / E. S. Prasad. – [Washington] : Intern. Monetary Fund, 2003. – 23 p. – (IMF Working Paper ; WP/03/4). https://doi.org/10.5089/9781451842067.001

13. Malk, L. Determinants of reservation wages: empirical evidence for Estonia / L. Malk. – Tallinn : Tallinn Eesti Pank 2014. – 33 p. – (Eesti Pank Working Paper Series ; no. 8). https://doi.org/10.23656/25045520/82014/0020

14. Christensen, B. Reservation wages, offered wages, and unemployment duration: new empirical evidence / B. Christensen. – Kiel : Inst. für Weltwirtschaft, 2002. – 23 p. – (Kieler Arbeitspapiere ; № 1095).

15. Hogan, V. Wage aspirations and unemployment persistence / V. Hogan // J. of Monetary Economics. – 2004. – Vol. 51, № 8. – P. 1623–1643. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2004.02.002

16. Franz, W. The reservation wage of unemployed persons in the Federal Republic of Germany: theory and empirical tests / W. Franz. – Cambridge : Nat. Bureau of Economic Research, 1980. – (NBER Working Paper ; no. 578).

17. Brown, S. Reservation wages, expected wages and unemployment / S. Brown, K. Taylor // Economics Letters. – 2013. – Vol. 119, № 3. – P. 276–279. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.02.035

18. Прикладная статистика. Классификация и снижение размерности : справ. изд. / С. А. Айвазян [и др.] ; под ред. С. А. Айвазяна. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 607 с.

References

1. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R., Poletaev A. The Russian labour market model and wage. *Demoskop* [Demoscope], 2008, no. 325–326. Available at: http:// demoscope.ru/weekly/2008/0325/s_map.php (accessed 16.06.2017) (in Russian).

2. Kapelyushnikov R. I., Luk'yanova A. L. *Paradoxes of reservation wage setting in the Russian labor market*. Moscow, Publishing House House of the Higher School of Economics, 2016. 53 p. (in Russian).

3. Addison J. T., Machado J. A. F., Portugal P. *The reservation wage unemployment duration nexus. IZA Discussion Paper, no. 5077*. Bonn, IZA, 2010. Available at: http://ftp.iza.org/dp5077.pdf (accessed 10.10.2019).

4. Blackaby D. H., Latreille P. L., Murphy P. D., O'Leary N. C., Sloane P. J. An analysis of reservation wages for the economically inactive. *Economics Letters*, 2007, vol. 97, no. 1, pp. 1–5. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2007.02.005

5. Blien U., Messmann S., Trappmann M. *Do reservation wages react to regional unemployment? IAB-Discussion Paper, no. 22*. Nürnberg, Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung (IAB), 2012. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/84964/1/726722790.pdf (accessed 10.10.2019).

6. Bloemen H. G., Stancanelli E. G. F. Individual wealth, reservation wages, and transitions into employment. *Journal of Labor Economics*. 2001, vol. 19, no. 2, pp. 400–439. https://doi.org/10.1086/319566

7. Pissarides C. *Equilibrium unemployment theory*. 2nd ed. Cambridge, MIT Press, 2000. 252 p.

8. Nikitin M., Yurko A. Search theory of markets. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 1, pp. 51–64 (in Russian).

9. Pissarides C. Whether wage rigidity to explain the strong unemployment. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 1, pp. 65–88 (in Russian).

10. Jones S. R. G. The relationship between unemployment spells and reservation wages as a test of search theory. *Quarterly Journal of Economics*, 1988, vol. 103, no. 4, pp.741–765. https://doi.org/10.2307/1886073

11. Jones S. R. G. Reservation wages and the cost of unemployment. *Economica,* 1989, vol. 56, no. 222, pp. 225–246. https://doi.org/10.2307/2554041

12. Prasad E. S. *What determines the reservation wages of unemployed workers? New evidence from German micro data. IMF Working Paper WP/03/4.* [Washington], International Monetary Fund, 2003. 23 p. https://doi.org/10.5089/9781451842067.001

13. Malk L. *Determinants of reservation wages: empirical evidence for Estonia. Eesti Pank Working Paper Series, no. 8*. Tallinn, Tallinn Eesti Pank 2014. 33 p. https://doi.org/10.23656/25045520/82014/0020

14. Christensen B. *Reservation wages, offered wages, and unemployment duration: new empirical evidence. Kieler Arbeitspapiere, no. 1095*. Kiel, Institut für Weltwirtschaft, 2002. 23 p.

15. Hogan V. Wage aspirations and unemployment persistence. *Journal of Monetary Economics*, 2004, vol. 51, no. 8, pp. 1623–1643. https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2004.02.002

16. Franz W. *The reservation wage of unemployed persons in the Federal Republic of Germany: theory and empirical tests. NBER Working Paper, no. 578*. Cambridge, National Bureau of Economic Research, 1980.

17. Brown S., Taylor K. Reservation wages, expected wages and unemployment. *Economics Letters*, 2013, vol. 119, no. 3, pp. 276–279. https://doi.org/10.1016/j.econlet.2013.02.035

18. Aivazyan S. A., Bukhshtaber V. M., Enyukov I. S., Meshalkin L. D. *Applied statistics. Classification and reduction of dimensionality*. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1989. 607 p. (in Russian).

Информация об авторе

Маковская Наталья Владимировна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления. Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова (ул. Космонавтов, 1, 220022, Могилев, Республика Беларусь). E-mail: maknata@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Makovskaya – D. Sc. (Econ.), Professor of Department of the Economic and Management. Mogilev State A. A. Kuleshov University (1 Kosmonavtov Str., 220022 Mogilev, Belarus). E-mail: maknata@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

Поступила в редакцию 26.07.2019
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-2-242-245 Received 26.07.2019

Е. М. Бабосов[1], А. И. Зеленков[2]

[1]Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь,
[2]Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ТЕНДЕНЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО СООБЩЕСТВА В УКРАИНЕ

В 2018 году в Киеве издательством «Знання України» опубликовано двухтомное исследование В. П. Андрущенко «Організоване суспільство: проблемы суспільної самоорганізації та нституалізації в період радикальных трансформацій в Україні на рубежі столеть: досвід соціально-філософського аналізу» (в 2 кн. Київ: Знання України, 2018).

Автор этого фундаментального исследования является широко известным украинским философом, политологом, культурологом. Его перу принадлежат многие работы, посвященные актуальным проблемам современной гуманитаристики, философии образования, социодинамике транзитивных обществ, стратегиям их экономического, политического и культурного развития в условиях глобализации и тех вызовов, которые она выдвигает перед новыми суверенными государствами. Конечно, в творчестве профессора В. П. Андрущенко, безусловно, доминирует украинская проблематика, что особенно ярко проявилось в последние годы. Из более чем 850 публикаций, автором которых он является, значительная их часть посвящена именно Украине, историческим и современным контекстам ее социально-политического и социокультурного развития, философским и культурологическим исследованиям ее цивилизационного выбора и политической судьбы.

Не стал исключением в этом отношении и очередной философский труд профессора В. П. Андрущенко, в котором читателю предлагается авторская модель общественно-политической трансформации транзитивных социумов в период перехода от тоталитаризма к демократии. Именно Украина рассматривается автором как референтный тип социума, кардинальные преобразования в экономической, политической и культурной жизни которого необходимо интерпретировать в контексте становления новых суверенных государств на принципах организованного общества.

Рецензируемое издание представляет собой обширное панорамное исследование современного социально-политического ландшафта Украины, тех вызовов и рисков, с которыми она неизбежно сталкивается на пути к построению независимого и благополучного государства, органично интегрированного в европейское сообщество суверенных наций.

Второй том издания посвящен системному рассмотрению основных трендов развития современной Украины в направлении организованного общества. Вполне обоснованно он имеет весьма символический подзаголовок «Философия новейшего государства». Здесь автор подробно обосновывает социальную перспективность той модели организованного общества, которую он рассматривает как приоритетную для Украины на современном этапе ее развития. В семи разделах

© Бабосов Е. М., Зеленков А. И., 2020

книги подробно, с привлечением обширного эмпирического материала рассмотрены политико-правовые, организационно-управленческие и духовно-нравственные основы общественной самоорганизации как важнейшая предпосылка построения независимой и суверенной Украины. При этом особое внимание автор уделяет анализу специфики национальных интересов, противоречий формирования новых элит, парадоксов украинского парламентаризма и других актуальных проблем современного этапа социодинамики украинского общества.

Важнейшие параметры модернизации украинской экономики, духовно-идеологические основы планируемых и проводимых реформ, взаимодействие с европейскими социальными институтами и технологии формирования позитивного имиджа Украины в Европе и мире, а также многие другие проблемы транзитивного украинского общества основательно рассмотрены во втором томе названного исследования. Завершает его специальный раздел под названием «Стратегический ресурс цивилизационного развития». В нем автор концентрирует свое внимание прежде всего на выявлении перспективных возможностей интеллектуального потенциала украинской нации. Образовательная политика, моральные приоритеты, социокультурные традиции и ценности организованного общества, культура и просвещение – вот те вопросы, которые составляют основное содержание этого завершающего раздела книги.

В результате автор приходит к выводу о том, что «организованное общество», которое можно квалифицировать и как «интегрированное общество», и как «социально ориентированное общество» являет собой своеобразную форму ограничения индивидуальной свободы личности с целью обеспечения равенства всех граждан в социально-историческом пространстве.

Именно такая модель социальной организации является, по мнению автора, наиболее приемлемой для современной Украины, поскольку она способна обеспечить мир и социальное согласие в условиях структурных реформ и активной реализации непростого цивилизационного выбора. При этом данная модель в полной мере учитывает реальный эффект так называемого «парадокса свободы», социальные и экзистенциальные импликации которого глубоко осмыслены еще в классической философии усилиями таких ее представителей, как Платон, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр.

Характерно, что выбор и практическое осуществление именно этой модели развития современного украинского общества автор обосновывает как определенно предпочтительный в сравнении с другими возможными альтернативами. В качестве таких альтернатив он называет три вероятных стратегии развития Украины: 1) модель «возвращения к прошлому»; 2) концепция «углубления и ускорения системных рыночно-демократических преобразований», начатых в первые годы независимости; 3) модель «открытого общества», теоретически обоснованная К. Поппером в первой половине XX столетия.

И все же вывод автора вполне однозначен, ни одна из этих альтернатив не является в полной мере приемлемой для Украины, не учитывает всего комплекса факторов, детерминирующих успешную модернизацию основ ее социально-экономического и политического устройства. Эту функцию способна реализовать лишь модель «организованного общества».

Следует обратить внимание, и это принципиально важно, – данное заключение не является бездоказательной декларацией. Оно базируется на вполне репрезентативной теоретической и фактологической основе. И что особенно важно, философско-теоретическое обоснование модели «организованного общества» представлено в данной работе вполне убедительно в процессе системной историко-философской реконструкции и анализа основополагающих сочинений Платона, Аристотеля, Н. Макиавели, Т. Гоббса, И. Канта, М. Вебера, Ю. Хабермаса и многих других виднейших представителей классической и постклассической философии.

Такой анализ социально-философских предпосылок концепции организованного общества как перспективной стратегии социокультурного развития современной Украины составляет значительную часть содержания первого тома рецензируемого сочинения В. П. Андрущенко. В нем также достаточно основательно рассмотрены важнейшие идеи отечественных мыслителей, оказавших конструктивное и человековозвышающее влияние на формирование духовных традиций и философско-теоретического наследия украинской нации. Среди них Григорий Сковорода,

Тарас Шевченко, Михайло Драгоманов, Иван Франко, Михаил Грушевский, Михаил Бакунин, Николай Бердяев, Семен Франк, Питирим Сорокин и многие другие.

В этом томе представлен целый ряд философско-теоретических реконструкций, выполненных в жанре своеобразных case studies, посвященных анализу феномена империи, идеи порядка в историческом развитии цивилизаций, актуальных форм многоликой социальной турбулентности, явлений терроризма, коррупции, олигархата. Все это создает впечатление своеобразной полифоничности данного сочинения и позволяет рассматривать его как достаточно удачный опыт углубленного анализа философского осмысления проблем и парадоксов социодинамики современных транзитивных обществ.

Справедливости ради необходимо отметить, что такой глобальный и всеобъемлющий контекст рассмотрения различных аспектов социального развития современной Украины в направлении построения в ней организованного общества порождает эффект некоторой эклектичности, смешения различных жанров и ракурсов исследования. С одной стороны, понятно и объяснимо стремление автора представить максимально широкую панораму социальной реальности современной Украины. С другой стороны, это с неизбежностью привносит налет описательности, а порой и публицистичности в философско-теоретический анализ рассматриваемой проблематики.

Также нельзя не отметить и факт определенной тенденциозности и ангажированности автора при рассмотрении современного состояния и перспектив развития отношений между Украиной и Россией. Конечно, этот сложный и геополитически неоднозначный вопрос не может не порождать различных, в том числе и эмоционально окрашенных, интерпретаций. Однако жанр объективного философско-теоретического анализа подобных проблем должен исключать либо, в крайнем случае, минимизировать такие эмоциональные контексты и стремиться воссоздавать подлинно объективную логику развития событий.

Отмеченные особенности авторского стиля и определенные содержательные акценты могут вызывать у некоторых читателей неприятие и порождать различные оценки и дискуссии. Но это авторское право – отдавать предпочтение тем оценкам, которые представляются ему наиболее приемлемыми. При рассмотрении таких сложных и дискуссионных тем подобные дивергенции мнений вполне понятны и объяснимы.

У автора, являющегося компетентным профессионалом, могут и должны быть своеобразные, только ему присущие творческие и содержательные подходы к исследуемым проблемам. Но глубокий философско-абстрактный анализ этих актуальных проблем следует развивать в контексте восхождения к многообразному и многоаспектному конкретному миропониманию во всей его полноте, нацеленной на восстановление и упрочение триединства братских восточнославянских народов – украинского, белорусского и русского.

В то же время следует отметить, что далеко не эти дискуссионные и вариабельные моменты рецензируемого исследования определяют его содержательную референтность и, безусловно, важное значение для более глубокого и адекватного понимания тех социокультурных процессов, которые протекают в последние десятилетия на постсоветском пространстве и, в частности, в Украине. Анализ цивилизационных трансформаций в украинском обществе, который столь убедительно реализован в работе В. П. Андрущенко, по своему теоретическому и социально-практическому значению выходит за узкие рамки украинской национальной специфики. Он, несомненно, имеет важное региональное значение, выполняя функции своеобразной социально-философской прогностики.

Вполне объяснимо, что рецензируемый фундаментальный труд – это уже третье издание данного исследования. Первое было опубликовано в 2004 году на украинском языке, второе – в 2008 году во Вроцлаве на польском языке. Остается только выразить надежду, что данное третье издание этого труда по достоинству будет оценено не только в научном и профессиональном сообществе, но и в среде реально действующих политиков, парламентариев и общественных деятелей.

Информация об авторах

Бабосов Евгений Михайлович – академик, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Isst@socio.bas-net.by

Зеленков Анатолий Изотович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E- mail: kafedra628@gmail.com

Information about the authors

Yevgeni M. Babosov – Academician, D. Sc. (Philos.), Professor, Chief Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: Isst@socio.bas-net.by.

Anatoly I. Zelenkov – D. Sc. (Philos.), Professor, Head of Department of Philosophy and Methodology of Science of Faculty of Philosophy and Social Sciences. Belarusian State University (9 Kalvariyskaya Str., 220004 Minsk, Belarus). E-mail: kafedra628@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

SCIENTISTS OF BELARUS

АЛЯКСАНДР МІКАЛАЕВІЧ БУЛЫКА

(Да 85-годдзя з дня нараджэння)

18 сакавіка 2020 г. Аляксандр Мікалаевіч Булыка, вядомы беларускі мовазнавец, член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктар філалагічных навук, прафесар, адзначыў 85-годдзе з дня нараджэння.

А. М. Булыка нарадзіўся ў в. Селішча Навагрудскага раёна Гродзенскай вобласці. На працягу 1954–1959 гг. вучыўся на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.

У Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа (цяпер філіял Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі) працуе амаль 55 гадоў. Пасля заканчэння аспірантуры ён займаў пасаду малодшага навуковага супрацоўніка (1965–1969), потым старшага навуковага супрацоўніка (1969–1984) аддзела гісторыі беларускай мовы, загадчыка аддзела руска-беларускіх моўных сувязей (1984–1992), загадчыка (1992–2008) і галоўнага навуковага супрацоўніка (з 2008 г.) аддзела гісторыі беларускай мовы. У 1966 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму "Арфаграфічная сістэма старажытнай беларускай пісьменнасці" (навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук А. К. Антановіч); у 1981 г. – доктарскую дысертацыю на тэму "Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст."). А. М. Булыка – прафесар (1992); член-карэспандэнт НАН Беларусі (1994); лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь у галіне гуманітарных і сацыяльных навук за работу "Беларуская мова. Энцыклапедыя" (1998), выдатнік адукацыі (2009).

Аляксандр Мікалаевіч Булыка – аўтар звыш 400 навуковых прац, пераважная большасць якіх прысвечана актуальным пытанням гістарычнага мовазнаўства. У прыватнасці, вучоным здзейснена наступнае:

абгрунтавана роля іншамоўнай лексікі ва ўзбагачэнні старабеларускага слоўнага фонду. У манаграфіі "Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст." (1980) прыведзены найбольш поўны корпус старабеларускіх слоў іншамоўнага паходжання, зроблена іх тэматычная класіфікацыя, апісана іх семантыка, выяўлены прычыны і шляхі пранікнення, час першай фіксацыі ў пісьмовых тэкстах; разгледжана фанетычнае, марфалагічнае, семантычнае асваенне старабеларускай мовай, словаўтваральная актыўнасць, паказана дэрывацыйная прадуктыўнасць асобных запазычаных слоў у старабеларускай мове; адзначана дамінаванне сярод запазычанняў слоў польскага, лацінскага, нямецкага паходжання. Пры гэтым вучоны акцэнтаваў увагу, што лік даследаваных запазычанняў – 3635 – не канчатковы і будзе павялічаны за кошт увядзення ў навуковы ўжытак новых пісьмовых крыніц (гл. таксама "Даўнія запазычанні беларускай мовы" (1972), "З моў блізкіх і далёкіх" (1986), "Роля польскай мовы ў развіцці лексічнага складу старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы ранняга перыяду" (2016), "Старабеларуская лексіка іншамоўнага паходжання як крыніца гістарычна-этымалагічнага слоўніка" (2019) і інш.);

апісаны змены ў лексічнай сістэме старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV–XVIII стст.: вызначаны шляхі і спосабы яе папаўнення, разгледжана тэматычная прыналежнасць намінацый і прасочана дынаміка іх семантычнай структуры, устаноўлена спецыфіка словаўжывання ў творах пэўнай жанрава-стылявой разнавіднасці і храналагічнай прыналежнасці і г. д. (мана-

графія “Гістарычная лексікалогія беларускай мовы“ (1970, у суаўтарстве), артыкулы “Лексіка юрыдычных дакументаў Гродзеншчыны XVI–XVII стст.” (1999), “Субстантыўная лексіка старажытных полацкіх грамат” (2017), “Сацыяльная лексіка ў пастановах Галоўнага Трыбунала Вялікага Княства Літоўскага” (2018) і інш.);

прааналізавана графіка і правапіс старабеларускай мовы. У даследаванні вучонага “Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы” (1970) сцвярджаецца, што: 1) у старажытным беларускім правапісе існавала сістэма норм і заканамернасцей; 2) “працэс фанетызацыі правапісу праявіўся ў паасобных жанрах пісьменнасці па-рознаму”; 3) “найбольш вытрыманым быў этымалагічна-марфалагічны прынцып у ранніх старабеларускіх помніках”; 4) “значны крок наперад у параўнанні з іншымі жанрамі па адлюстраванні жывога вымаўлення зрабіла дзелавая пісьменнасць, якая развівалася ад старажытнасці і асаблівага росквіту дасягнула ў XVI ст.” (гл. таксама “Адлюстраванне вымаўлення ў старабеларускай арфаграфіі” (1966), “Арфаграфія пражскіх выданняў Скарыны” (1990) і інш.);

выяўлены паказальныя рысы марфалагічнага ладу старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы. Раздзелы калектыўных манаграфій “Гістарычная марфалогія беларускай мовы” (1979), “Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.” (1988) змяшчаюць адметнасці функцыянавання граматычных катэгорый назоўнікаў, скланення займеннікаў, поўных прыметнікаў і выкарыстання кароткіх прыметнікаў; аналіз ролі ў словазмяненні рыс народнай гаворкі, агульнаўсходнеславянскай, царкоўнаславянскай і польскай моў; назіранні за лёсам рада форм як у творах дзелавога, свецкага і канфесійнага зместу, так і ў гісторыі беларускай мовы ў цэлым (гл. таксама манаграфію “Скарына і яго эпоха” (1990));

даследавана мова перакладаў Францыска Скарыны. Вучоны адзначыў, што правапісныя прыёмы першадрукара “не засталіся ізаляваным фактам у гісторыі беларускай пісьменнасці. Яны служылі арыенцірам для многіх аўтараў і перакладчыкаў наступных дзесяцігоддзяў”. У раздзеле “Лексіка выданняў Францыска Скарын” калектыўнай манаграфіі “Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст.” (2016) абагульнены вынікі шматгадовага вывучэння слоўнага запасу Скарынавых перакладаў (10516 розных па паходжанні апелятываў і каля 3000 уласных назваў), які з’явіўся дастатковым для перадачы самых тонкіх сэнсавых адценняў біблейскіх тэкстаў: “У такім падборы лексічнага матэрыялу ва ўсёй паўнаце раскрыўся перакладчыцкі талент і шырокі філалагічны дыяпазон пачынальніка беларускага кнігадрукавання, выявіўся яго намер як мага лепш ажыццявіць прагрэсіўную для таго часу мэту – набліжанымі для народнага разумення сродкамі зрабіць тэкст Бібліі даступным простаму чытачу” (гл. таксама “Спрадвечна беларуская лексіка ў выданнях Ф. Скарыны” (2009), “Роля Ф. Скарыны ў развіцці слоўнікавага складу старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы” (2017)).

А. М. Булыка плённа працаваў над фундаментальным “Гістарычным слоўнікам беларускай мовы” ў 37 выпусках (1982–2017): удзельнічаў у стварэнні картатэкі слоўніка (выпісаў 51000 картак-цытат); правёў лексікаграфаванне матэрыялу для 25 выпускаў слоўніка (1, 9, 14–37); з’яўляўся рэдактарам усіх 37 выпускаў слоўніка, галоўным рэдактарам выпускаў 15–37; на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў кіраваў тэмай “Слоўнік старабеларускай мовы”. У 2013 г. пад рэдакцый і пры ўдзеле А. М. Булыкі выйшаў з друку новы тып слоўніка ў айчынным дыяхранічным мовазнаўстве – “Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі” (у 2 тамах), у якім упершыню апісаны словы старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы з прадметным значэннем. У 2015 г. вучоны апублікаваў “Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы”, дзе прадстаўлена значэнне лексічных сродкаў, якія ў XIV – пачатку XVIII ст. ужываліся ў розных сферах жыцця беларускага народа і былі зафіксаваны ў першую чаргу ў канцылярска-юрыдычных дакументах і арыгінальных творах тагачаснай свецкай літаратуры. З 2016 г. Аляксандр Мікалаевіч рыхтуе “Гісторыка-этымалагічны слоўнік іншамоўных слоў у старабеларускай мове”.

А. М. Булыка шматлікія работы прысвяціў пытанням функцыянавання сучаснай беларускай літаратурнай мовы, яе тэрміналагічнай сістэмы (“Сопоставительное описание русского и белорусского языков: Морфология” (1990, раздзел “Введение”); “Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі” (1999, раздзел “Інтэрнацыянальныя элементы ў тэрміналогіі”), “Кароткая граматыка беларускай мовы” (2007, раздзел “Прыметнік”).

Сёння Аляксандр Мікалаевіч па праве лічыцца адным з самых знакамітых і аўтарытэтных лексікографаў Беларусі. Ён аўтар першых у лексікаграфіі Беларусі слоўнікаў іншамоўных слоў у сучаснай беларускай мове. Яго "Слоўнік іншамоўных слоў" (1993) уключае прыблізна 5600 лексем і арыентаваны на выкарыстанне ў школьнай практыцы. У "Слоўніку іншамоўных слоў" (у 2 т., 1999) прадстаўлена ўжо каля 25000 агульнаўжывальных лексем і найбольш пашыраных тэрмінаў з розных галін ведаў, запазычаных з іншых моў у розны час ці ўтвораных з іншамоўных лексічных элементаў. Кожнае слова мае тлумачэнне і суправаджаецца даведкай аб сваім паходжанні: прыводзіцца іншамоўная першакрыніца, нярэдка і звесткі аб мовах-пасрэдніцах.

А. М. Булыкам падрыхтавана больш за 20 слоўнікаў па сучасных беларускай і рускай мовах: арфаграфічныя, тлумачальныя, перакладныя, фразеалагічны ("Арфаграфічны слоўнік" (2000), "Орфографический словарь с правилами русского языка" (2008, у суаўтарстве); "Словарь иноязычных слов. Актуальная лексика" (2006), "Тлумачальны слоўнік беларускай мовы" (2009); "Беларуска-рускі слоўнік" (2002), "Большой белорусско-русский, русско-белорусский словарь" (2011, у суаўтарстве); "Фразеологический словарь русского языка" (2007)). Асобныя слоўнікі неаднаразова перавыдаваліся, што сведчыць пра іх запатрабаванасць носьбітамі беларускай і рускай моў, шырокае выкарыстанне ў адукацыйным працэсе.

А. М. Булыка ўваходзіў у склад аўтарскага калектыву энцыклапедый "Францыск Скарына і яго час", "Беларуская мова", "Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі", "Энцыклапедыя гісторыі Беларусі", "Беларуская энцыклапедыя". Пад яго рэдакцыяй апублікавана больш за 30 манаграфій, калектыўных прац, зборнікаў.

Педагагічная работа Аляксандра Мікалаевіча пачалася ў Асоўскай сярэдняй школе Воранаўскага раёна і Воранаўскай школе-інтэрнаце (1959–1962 гг.), дзе ён выкладаў рускую і беларускую мовы і літаратуры ў 5–10 класах. Пазней ён чытаў лекцыі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце і Беларускім дзяржаўным педагагічным універсітэце імя Максіма Танка, узначальваў дзяржаўныя экзаменацыйныя камісіі, з'яўляўся кіраўніком дыпломных і курсавых праектаў. З 1974 г. з'яўляўся членам саветаў па абароне дысертацый пры Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа, пры Беларускім дзяржаўным універсітэце, Беларускім дзяржаўным педагагічным універсітэце імя Максіма Танка, Гомельскім дзяржаўным універсітэце імя Францыска Скарыны. Пад кіраўніцтвам прафесара А. М. Булыкі падрыхтаваны і абаронены 2 доктарскія і 22 кандыдацкія дысертацыі.

А. М. Булыка быў членам навуковага савета "Мова і грамадства" пры аддзяленні літаратуры і мовы АН СССР, працаваў у Падкамітэце па дзяржаўных прэміях Рэспублікі Беларусь у галіне навукі і тэхнікі, у экспертным савеце ВАК Рэспублікі Беларусь, у складзе Рэспубліканскай арфаграфічнай камісіі, уваходзіў у склад Бюро Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі, быў старшынёй Рэспубліканскай тэрміналагічнай камісіі пры НАН Беларусі і інш. За плённую навукова-арганізацыйную і педагагічную дзейнасць узнагароджаны Ганаровай граматай Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (1999, 2015), Ганаровай граматай Дзяржаўнага камітэта па навуцы і тэхналогіях (1999), Падзякай Старшыні Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (2017), Ганаровай граматай Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь (2019).

Сёння Аляксандр Мікалаевіч з'яўляецца адным з кіраўнікоў планавай тэмы "Даследаванне граматычнага і лексічнага ладу старабеларускай пісьменнасці" (выконваецца ў аддзеле гісторыі беларускай мовы), уваходзіць у склад Беларускага камітэта славістаў, рэдакцыйнага савета часопіса "Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук" і рэдкалегіі часопіса "Беларуская лінгвістыка", вучонага савета Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, навукова-метадычнага семінара "Тэарэтычныя праблемы беларускага мовазнаўства", з'яўляецца намеснікам старшыні савета па абароне дысертацый Д 01.42.03 пры Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі.

Паважаны Аляксандр Мікалаевіч! Навуковая грамадскасць краіны, Вашы калегі і вучні шчыра жадаюць Вам моцнага здароўя, бадзёрага настрою, радасці, дабрабыту і плёну ў працы! Няхай Вашы творчыя і жыццёвыя планы абавязкова спраўдзяцца!

Н. В. Паляшчук,
кандыдат філалагічных навук,
загадчык аддзела гісторыі беларускай мовы

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ МЯСНИКОВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

В майские дни 2020 г. научная общественность отмечает юбилей известного ученого-экономиста, члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, доктора экономических наук, профессора, видного государственного и общественного деятеля Республики Беларусь Михаила Владимировича Мясниковича.

М. В. Мясникович в разное время занимал различные государственные посты, в том числе являлся Министром жилищно-коммунального хозяйства БССР (1986–1990 гг.), Заместителем Председателя Совета Министров БССР, Заместителем Премьер-министра Республики Беларусь (1990–1995 гг.), Главой Администрации Президента Республики Беларусь (1995–2001 гг.), Председателем Президиума Национальной академии наук Беларуси (2001–2010 гг.), Премьер-министром Республики Беларусь (2010–2014 гг.), Председателем Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь пятого (2015–2016 гг.) и шестого (2016–2019 гг.) созывов, Сопредседателем Форумов регионов Беларуси и России (2015–2019 гг.), Председателем Совета по взаимодействию органов местного самоуправления при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь (2015–2019 гг.). С 1 февраля 2020 г. является Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии.

Наряду с государственной деятельностью Михаил Владимирович плодотворно занимается научными исследованиями, заслужив авторитет одного из ведущих ученых-экономистов Беларуси, признанного как в нашей стране, так и за рубежом. Его научные труды в области макроэкономического регулирования, инновационного развития, структурного реформирования экономики, обеспечения эффективной реализации интеграционных процессов легли в основу становления современных представлений о закономерностях развития социально ориентированной модели белорусской экономики. Результаты научных исследований ученого опубликованы в 160 научных трудах, в том числе 20 монографиях.

Научная деятельность М. В. Мясниковича тесно сопряжена с его практической работой, обусловлена стремлением исследовать экономические явления и закономерности, поиском ответов на конкретные вопросы, важные для эффективного развития и роста экономики Республики Беларусь. Первые фундаментальные научные работы приходятся на начало 90-х годов XX века – сложный период трансформации плановой системы в рыночную. Именно в то время М. В. Мясникович выполнил многие востребованные научные исследования в области экономики переходного периода (транзитивной экономики), результаты которых изложены в его кандидатской диссертации по теме «Условия и факторы становления рыночной экономики Республики (политико-экономический анализ)», успешно защищенной в 1994 г. в Белорусском государственном экономическом университете.

Результаты первого этапа научных исследований по проблемам переходной экономики обобщены в монографии «Условия и факторы становления рыночной экономики в Республике Беларусь», вышедшей в 1994 г. М. В. Мясникович является одним из авторов научного труда «Опыт и проблемы приватизации в Республике Беларусь» (1992). В 1995 г. им опубликовано монографическое издание «Становление рыночной экономики в Республике Беларусь».

Логическим продолжением макроэкономического блока работ выступило исследование теоретико-методологических проблем и мирового опыта становления и развития современных форм промышленной кооперации (в форме финансово-промышленных групп, транснациональных

корпораций, кластеров). В системной монографии по данной проблеме «Формирование финансово-промышленных групп в переходных экономиках» (1997), цикле статей 1998–2005 гг. обосновано положение о том, что формирование устойчивых интеграционных структур позволяет за счет синергетического эффекта и эффекта масштаба выстоять в глобальной конкуренции, а для стран с трансформационной и небольшой экономикой служит важным фактором инвестиционной привлекательности.

Крупный цикл работ выполнен М. В. Мясниковичем по исследованию теоретических и практических проблем экономической, энергетической и национальной безопасности Республики Беларусь. Суть разработанной Михаилом Владимировичем методологии заключается в том, что система экономической безопасности должна быть ориентирована не на сохранение существующей отраслевой структуры, а на структурную перестройку и глубокую модернизацию экономики в связи перспективными потребностями мирового рынка и трендами развития отраслей пятого и шестого технологических укладов. В 2001 г. М. В. Мясникович публикует работу «Проблемы экономической безопасности», в 2006 г. – монографию «Управление системой обеспечения экономической безопасности» (совместно с С. С. Полоником, В. В. Пузиковым), в 2009 г. под его научной редакцией выходит сборник научных статей «Республика Беларусь: макроэкономическая динамика, инновационное развитие, экономическая безопасность».

М. В. Мясникович является одним из авторов концепции и принципов построения национальной инновационной системы Республики Беларусь. В ряде своих работ («Научные основы инновационной деятельности» (2003), «Инновационная деятельность в Республике Беларусь: теория и практика» (2004), «Наука Беларуси на современном этапе: задачи и организация научной, научно-технической и инновационной деятельности» (2006)) он впервые выделил основные составляющие элементы инновационной системы Республики Беларусь, необходимые современной экономике знаний: программно-целевую организацию науки; концентрацию интеллектуального и финансового потенциала страны на приоритетных направлениях социально-экономического развития и приоритетах научной и научно-технической деятельности; формирование рыночной инновационной инфраструктуры в сочетании с крупными государственными организациями; целевую подготовку кадров для инновационной деятельности; совершенствование инновационного законодательства в направлении придания интеллектуальному продукту качества полноценного товара и создания мощной системы защиты прав интеллектуальной собственности.

Вопросы инновационного развития в контексте построения национальной инновационной системы раскрыты в цикле научных статей: «Энергетическая безопасность и устойчивое инновационное развитие – основа независимости Республики Беларусь» (2007), «Инновационное развитие – императив становления новой экономики в Республике Беларусь» (2008), «Инновационная система Республики Беларусь: методология создания и стратегия развития» (2008), «Инновационное развитие промышленного комплекса в контексте экономической безопасности Республики Беларусь» (2008), «Глобальные тренды финансирования науки и инноваций» (2009), «О концептуальных направлениях обеспечения инновационного экономического роста Республики Беларусь в среднесрочном периоде» (2010), «Инициатива, динамизм, инновационность» (2011), «Наука и инновации – приоритет экономической политики» (2014).

Значительный вклад в научное обеспечение инновационного развития Республики Беларусь М. В. Мясникович внес, являясь в 2001–2010 гг. руководителем Национальной академии наук Беларуси. Будучи исторически крупнейшим научным центром страны, Национальная академия наук Беларуси приобрела за это время дополнительное качество и стала одним из важнейших элементов национальной инновационной системы Республики Беларусь. Свое видение роли и значимости науки в современном обществе Михаил Владимирович изложил в монографии «Наука Беларуси на современном этапе: задачи и организация научной, научно-технической и инновационной деятельности» (совместно с А. И. Лесниковичем, С. М. Дедковым) (2006), цикле статей: «Наука – прогрессу страны» (2007), «Наука на современном этапе развития страны» (2007), «Национальная академия наук Беларуси стала ключевым элементом инновационной инфраструктуры страны» (2009), «Академия наук – флагман научно-инновационной деятельности» (2009), «Национальная академия наук Беларуси как научно-производственная корпорация» (2010), «Ито-

ги, проблемы и перспективы белорусской науки» (2010), «Наука и инновации – основа долгосрочной конкурентоспособности страны» (2010).

В более поздних монографических трудах («Эволюционные трансформации экономики Беларуси» (2016), «Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции» (2017), «Будущее рождается сегодня. О некоторых вопросах развития» (2019)) Михаилом Владимировичем в полной мере отражены научные основы инновационной деятельности с учетом глобальных вызовов и тенденций, наблюдаемых в мировой экономике; определены механизмы обеспечения экспортного потенциала предприятий на основе инноваций; внесены предложения по управлению инновационной деятельностью, развитию инновационного предпринимательства, активизации инновационного потенциала евразийской интеграции.

О превращении науки в ведущую производительную силу, генерирующую новые технологические возможности для реального сектора экономики, свидетельствуют итоги реализации ключевых инновационных проектов в системе Национальной академии наук Беларуси в сфере освоения космоса, производства светодиодной продукции, фармацевтической промышленности, биотехнологий, информационных технологий, создания беспилотных авиационных комплексов («Эволюционные трансформации экономики Беларуси» (2016)). Практические примеры инновационной трансформации научной деятельности институтов и центров Национальной академии наук Беларуси на основе их взаимодействия с предприятиями реального сектора экономики наглядно показаны в монографии «Будущее рождается сегодня. О некоторых вопросах развития» (2019). Автором особо отмечается, что «задачей науки становится не просто накопление новых знаний, а предметный и целенаправленный поиск оптимальных сочетаний привлекаемых ресурсов и результатов исследований и разработок исходя из обоснованной модели будущего; определение приоритетов и мер долгосрочной государственной инновационной политики страны, ориентированных на создание и поддержку точек экономического роста, обеспечиваемых новыми конкурентоспособными технологиями и производствами».

В фокусе внимания М. В. Мясниковича всегда оставались вопросы обеспечения сбалансированного социально-экономического развития Республики Беларусь. В качестве актуальных рассматривались задачи повышения качества макроэкономической политики, активизации внешней торговли, роста позиций нашей страны в международных рейтингах, совершенствования налоговой системы, улучшения инвестиционного климата, внедрения международных стандартов финансовой отчетности, развития рынка ценных бумаг и страхового рынка, создания механизмов реформирования отношений собственности, распространения государственно-частного партнерства. Активная позиция автора нашла свое отражение в ряде монографических изданий, в том числе совместно с другими авторами: «Источники и перспективы устойчивого экономического роста Беларуси» (2004), «Социально-экономическое развитие Республики Беларусь: источники и перспективы устойчивого роста» (2005), «Республика Беларусь на пути к новой экономике» (2009), «Структурная политика и модернизация экономики Республики Беларусь» (2011), «Макроэкономическая политика Республики Беларусь: теория и практика» (2012), «Эволюционные трансформации экономики Беларуси» (2016), «Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции» (2017), «Будущее рождается сегодня. О некоторых вопросах развития» (2019). По данной тематике опубликовано большое количество статей в престижных научных журналах, из них только некоторые за последние пять лет: «Объединяющая идея – мир и согласие: об актуальных вопросах государственного строительства в Беларуси» (2015), «Структурные реформы и системный кризис» (2016), «Вопросы научно-методического и нормативного правового обеспечения социально-экономического развития» (2016), «Актуальные вопросы социально-экономического развития Беларуси в современных условиях» (2016), «Механизмы экономического развития на современном этапе» (2017), «Об актуальных вопросах экономического развития Республики Беларусь: позиция и идеи» (2017), «Платформы роста для страны» (2018), «Актуальные вопросы развития Республики Беларусь на современном этапе» (2019).

Анализируя процессы глобализации, информатизации и интеллектуализации в начале XXI века, М. В. Мясникович нацеливает научное сообщество и государство на построение «новой экономики», обеспечивающей комплексное и позитивное влияние высоких технологий на развитие

общества, что приводит к интеграции экономической, финансовой, правовой сферы на инновационной основе. «Новая экономика» будет базироваться на новых знаниях, образовании, интернационализации труда, обеспечении экологической составляющей («Структурная политика и модернизация экономики Республики Беларусь» (2011), «Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции» (2017)).

На протяжении своей научной деятельности М. В. Мясникович исследовал закономерности международной экономической интеграции. На начальном этапе результатом этих исследований явились методологические основы и практические рекомендации по перспективам развития СНГ и Союзного государства Беларуси и России, изложенные в работах «Интеграционные экономические процессы в странах СНГ и их интенсификация» (1998), «Беларусь и Россия: организационно-правовые основы интеграции (1996–2001)» (в соавторстве) (2001). В 2006 г. в свет выходит монография ученого «Союзное государство: создание и перспективы устойчивого развития». Отдельные аспекты формирования нормативно-правовых основ функционирования Союзного государства отражены в монографии «Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции» (2017). Своими размышлениями о будущем Союзного государства и белорусско-российских проектах Михаил Владимирович делится с читателями журнала «Беларуская думка» в статье «Потенциал сотрудничества» (2018).

Новаторским подходом, предложенным М. В. Мясниковичем и реализованным на практике, стала стратегия прямого экономического сотрудничества Беларуси с регионами Российской Федерации. Всего за 2014–2019 гг. проведено шесть Форумов регионов Беларуси и России, на которых обсуждались вопросы эффективного развития агропромышленных комплексов Беларуси и России, проведения промышленной кооперации; проведения согласованной социально-экономической политики; реализации совместных высокотехнологичных проектов; взаимодействия регионов в сфере высоких технологий и инноваций; укрепления межрегиональных связей. Площадка Форума регионов была использована для прямых контактов между представителями регионов Беларуси и России, а также для заключения международных соглашений. Отдельные достижения в области межрегионального сотрудничества отражены Михаилом Владимировичем в разделе «Форумы регионов Беларуси и России как основа для укрепления межгосударственного сотрудничества» монографии под названием «Будущее рождается сегодня. О некоторых вопросах развития» (2019), а также в научной статье «Форум регионов – хорошая площадка для продвижения совместных проектов Беларуси и России» (2019).

Исследование закономерностей международной экономической интеграции позволило Михаилу Владимировичу разработать методологические основы и практические рекомендации по созданию Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана в рамках ЕврАзЭС. Данные вопросы достаточно подробно раскрыты в монографии, опубликованной на английском языке «Republic of Belarus: Macroeconomics, Innovation and Economic Security» (2010). Важнейшие стратегические направления сотрудничества, предусматривающие форсирование работ по формированию Таможенного союза, созданию общего энергетического рынка и единого транспортного пространства, интеграции в реальном секторе экономики, отражены в публикации «Научный и инновационный потенциал ЕврАзЭС» (2010). В 2013 г. в «Белорусском экономическом журнале» была опубликована крупная научная статья «Интеграция в ЕЭП, ЕврАзЭС и СНГ: вектор перспективы», в которой рассматриваются конкурентные преимущества и механизмы интеграции Беларуси, России и Казахстана с учетом тенденций их внешней торговли.

Формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2015 г. ознаменовало переход к качественно более высокому уровню экономической интеграции на постсоветском пространстве, который, с одной стороны, открывает новые возможности для эффективной реализации имеющегося потенциала, а с другой – предъявляет более жесткие требования к повышению конкурентоспособности национальной экономики. В монографии «Эволюционные трансформации экономики Беларуси» (2016) М. В. Мясниковичем отражены теоретико-методологические аспекты становления общего рынка ЕАЭС. В качестве приоритетов для Республики Беларусь автором рассматриваются осуществление согласованной промышленной политики и усиление производственной и научно-технической кооперации государств – членов ЕАЭС. Необходимым фактором

роста конкурентоспособности интегрирующихся экономик выступает объединение совместных усилий по расширению объемов экспорта на рынки третьих стран.

В книге «Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции» (2017) комплексно раскрываются тенденции и проблемы участия Республики Беларусь в интеграционных процессах в рамках Евразийского экономического союза. Автором справедливо отмечается, что неравенство условий хозяйствования в государствах – членах ЕАЭС не позволяет сформировать общий рынок товаров, услуг, капитала и рабочей силы без изъятий и ограничений. Требующими решения являются вопросы устранения барьеров в сфере технического регулирования, а также сокращения соответствующих изъятий и ограничений. Особое внимание отводится проблеме формирования общего рынка энергоресурсов, что обусловлено особым влиянием экспорта-импорта энергоресурсов на развитие национальной экономики. В качестве важнейших направлений промышленного сотрудничества в ЕАЭС определяются: развитие объектов индустриально-инновационной сферы; формирование единого цифрового пространства промышленности; организация взаимодействия между странами на основе выполнения межгосударственных программ и проектов.

Специфике экономических отношений Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, а также разработке стратегических инициатив регионального сотрудничества ЕАЭС и Китая посвящены научная статья «Великий Шелковый путь – это символ общения Востока и Запада» (2016), а также отдельная глава в книге «Актуальная повестка развития белорусской экономики в условиях интеграции» (2017). Ученым объективно установлено, что наряду с очевидным успехом политического взаимодействия Беларуси и Китая, выполняющим свою глобальную роль в мультиполярном мире, успехи в экономической и финансовой сфере не столь однозначны. В частности, особенностью финансирования инвестиционных проектов выступает предоставление в первую очередь связанных кредитов, а не прямых инвестиций из КНР, что не в полной мере соответствует интересам Республики Беларусь. Важнейшей задачей автором представляется создание инфраструктурных и промышленных экспортноориентированных белорусско-китайских кластеров в целях обеспечения полноценного участия нашей страны в проектах Экономического пояса Шелкового пути.

Безусловным подтверждением научных заслуг и авторитета М. В. Мясниковича явилось присуждение ему ученой степени доктора экономических наук (1998), ученого звания профессора (2003), его избрание членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси (2009), почетным доктором Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (2008) и Вьетнамской Академии наук и технологий (2011), почетным профессором Брестского государственного технического университета (2013) и Белорусского государственного университета (2017).

Плодотворная деятельность Михаила Владимировича отмечена рядом государственных наград. Он награжден орденом «Знак Почета» (1981), орденом Отечества III степени (2000), орденом Дружбы Российской Федерации (2009), орденом Дружбы Китайской Народной Республики (2010), орденом Белорусской православной церкви Святителя Кирилла Туровского I степени (2010), юбилейными медалями, нагрудным знаком «Золотая медаль Национальной академии наук Беларуси «За большой вклад в развитие науки» (2014), медалью Д. Кантемира Национальной академии наук Молдовы, Большой золотой медалью Национальной академии наук Республики Армения, нагрудным знаком отличия имени В. М. Игнатовского Национальной академии наук Беларуси (2018). М. В. Мясникович является Почетным гражданином города Несвижа (2015), имеет три благодарности Президента Республики Беларусь, почетные грамоты Совета Министров Республики Беларусь и Национального собрания Республики Беларусь.

Ученые-гуманитарии Национальной академии наук Беларуси искренне поздравляют Михаила Владимировича с прекрасным юбилеем, желают крепкого здоровья, неиссякаемой жизненной энергии и энтузиазма, научного творчества и, несомненно, успехов в государственной и общественной деятельности, почёта и всеобщего уважения!

Бюро Отделения гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ДАНИЛОВ
(К 65-летию со дня рождения)

Лидер, учитель, организатор – эти слова следует понимать как самые высокие эпитеты, отражающие и личностные качества А. Н. Данилова, и его общепризнанный общественный статус не только в отечественном социологическом сообществе, но и в широкой социогуманитарной общественности Беларуси. Они характеризуют его место и роль в современной науке, вклад в теоретико-методологическое обоснование белорусской модели развития и эмпирико-социологическое подтверждение правильности и перспективности выбранного страной пути.

Лидер, как известно, – это тот, кто идет впереди, прокладывает путь и ведет за собой других. Учитель – тот, кто готовит смену, воспитывает и образовывает новые поколения студентов, кропотливо ищет, отбирает и выращивает высоких профессионалов – кандидатов и докторов наук в своей области знания, в определенном научном направлении. Организатор – тот, кто институциализирует предмет науки, формирует ее методологию, теорию и понятийный аппарат, превращая ее в легитимированный общественный институт познания и практических преобразований социальной реальности. Все это неотъемлемо присуще Александру Николаевичу. Он бесспорный лидер: первым в отечественной науке провел исследования (в трудные годы становления суверенитета, формирования государственности Беларуси) и опубликовал монографию «Переходное общество: проблемы системной трансформации» (Минск, 1997). В связи с построением «вертикали власти» появилась его книга «Власть и общество: поиск новой гармонии» (Минск, 1998). Он стал первопроходцем в переосмыслении социологии молодежи в связи с переходом к рыночным отношениям; в разработке социокультурной концепции государственной молодежной политики. Значителен его вклад в историко-социологический анализ, в социологию управления и геополитики.

Как учитель А. Н. Данилов вот уже 30 лет (с 1990 г.) работает в Белорусском государственном университете преподавателем, профессором, заведующим кафедрой социологии. За эти годы кафедра выпустила несколько сотен дипломированных специалистов, стала ведущей кафедрой Высшей школы страны в своей области, приобрела классическую форму «профессорско-преподавательского состава». Именно Александр Николаевич руководит молодыми аспирантами, которые, защитив диссертацию, остаются работать на кафедре, получая со временем звания доцентов. Он же консультирует докторантов, приобретающих после защиты гордое звание профессора.

Высокие качества организатора А. Н. Данилов проявил еще при реализации своей инициативы о создании социологической лаборатории при ЦК ЛКСМ Беларуси, а также возглавляя аналитические службы Совета Министров и Администрации Президента Республики Беларусь, являясь заместителем академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств, заместителем Председателя Высшей аттестационной комиссии Беларуси.

Но, пожалуй, успехом организаторского таланта А. Н. Данилова можно назвать создание журнала «Социология» в 1997 г. и бессменное руководство им вот уже 23 года. Современное название издания – «Журнал Белорусского государственного университета. Социология». Несколько изменился формат, значительно улучшился дизайн, но по-прежнему сохраняется фундаментальность и широта охвата актуальных общественных проблем, методологическая обоснованность и инновационная направленность, глубина анализа, валидность и репрезентативность эмпирико-

социологических данных. Неслучайно, журнал уже давно признан ведущим печатным органом белорусской гуманитарной общественности – не только социологов, но и философов, политологов, историков, филологов и др., публикация в котором оценивается как своего рода знак почета, как медаль за заслуги, бесспорно признаваемая и ВАКом, и научной общественностью.

Нас как исследователей особенно трогают четыре рубрики: «Чтобы помнили», «Памяти ученого», «Юбилей» и «Биография ученых». Эти рубрики, как правило, ведет лично редактор. Две первые из них посвящены незабвенной памяти ушедших белорусских ученых – Н. Г. Юркевичу, С. Д. Лаптенку, Г. Н. Соколовой, В. Л. Абушенко, А. И. Елсукову, а также таким советским и российским деятелям науки, как академики РАН В. С. Стёпин и Т. И. Заславская, профессор В. А. Ядов; две другие – нашим уважаемым здравствующим юбилярам. Читая их, невольно изумляешься, где находит редактор такие теплые и в то же время возвышенные слова о нашей памяти; как метко и точно формулирует оптимистический посыл юбилярам, вводит оценочные номинации. Например, об И. И. Антоновиче он написал: «Многие его оценки, выводы и прогнозы сегодня звучат пророчески». Это лучший комплимент ученому-гуманитарию. Он ввел следующие номинации для многих белорусских ученых – Г. П. Давидюк: «Патриарх белорусской социологии»; Е. М. Бабосов: «Учитель белорусских гуманитариев»; С. А. Шавель: «Загадочное и сверхценное явление в белорусской социологии»; Д. Г. Ротман: «Социологи по призванию. Социология – его образ жизни»; С. А. Поваляев: «Повзрослевший поэт, талантливый исследователь и прекрасный организатор»; С. Д. Лаптенок: «Ему было дано зажигать звезды» и т. д.

К несомненным достоинствам журнала следует отнести участие в нем специалистов смежных научных дисциплин. Особым интересом и популярностью пользуются статьи д-ра филос. наук М. А. Можейко, д-ра филол. наук Т. И. Шамякиной, канд. филол. наук В. К. Щербина, канд. полит. наук В. В. Шимова, а также привлекаются зарубежные авторы. Среди последних выделяются публикации легендарных первопроходцев социологической науки: Ю. А. Левады, В. А. Ядова, Ж. Т. Тощенко и др. Особенное внимание привлекают публикации российских философов и социологов В. С. Стёпина, В. А. Лекторского, А. А. Гусейнова, И. И. Антоновича, М. К. Горшкова, Г. И. Осадчей и др. Включение статей авторов из стран Центральной и Западной Европы, США, Китая и др. не только способствует формированию международного имиджа журнала, но и значительно расширяет когнитивное поле отечественных исследователей, обогащает читателей достоверной информацией о внутренних и межстрановых исследованиях, осуществляемых социологами дальнего зарубежья. Среди таких авторов мы видим И. Валлерстайна, Ежи Вятра, К. Хопфера, Маргарет Абрахам, Й. Иернберн, Марию Фрейре, Цзя Чунь-Чжень и многих других.

В социологию Александра Николаевича привел многолетний опыт комсомольской работы (от секретаря комитета комсомольской организации до заведующего отделом студенческой молодежи ЦК ЛКСМ). Ежедневно погруженный в молодежную среду, наблюдая некоторые противоречивые установки в ориентациях молодежи (с одной стороны – высокий «корчагинский» трудовой энтузиазм, романтическая «готовность к подвигу», с другой – часто непонятные ограничения молодежных инициатив, самостоятельности, что вело к снижению активности, демотивации и деформации ценностных ориентаций), он понимал, что в работе с молодыми людьми необходимо искать новые пути, переходить от общих деклараций к изучению реальных жизненных проблем, анализу ожиданий потребностей и надежд молодежи и на этой научной основе диагностировать и прогнозировать тенденции их изменений, предлагать варианты решения.

Кандидатская диссертация А. Н. Данилова была посвящена анализу духовных потребностей молодежи. Таким образом, ученый пошел по пути многих комсомольских активистов (наиболее показателен пример Ж. Т. Тощенко), которые нашли свое призвание в исследовательской работе в области социологии. В социологической науке того времени сохранялось амбивалентное положение. Дипломированных специалистов с базовым образованием не хватало и в социологию охотно привлекались специалисты из других областей знания, чувствующие свое призвание к исследовательской работе и высоко мотивированные на достижение успеха в научной сфере. Многие из таких «сторонних» специалистов успешно овладели социологическим аппаратом,

добились выдающихся успехов в социологической науке. Таким ярким примером является член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов.

Сегодня, перечитывая книгу А. Н. Данилова «Переходное общество: проблемы системной трансформации» (Минск, 1997), нельзя не отметить два момента. Во-первых, она оказалась очень своевременной для того этапа поиска собственного пути, ее мировоззренческое и теоретико-прикладное значение переоценить невозможно. Во-вторых, ряд положений и выводов целесообразно реактуализировать применительно к настоящему и, особенно, к перспективам будущего развития нашего общества. Хотелось бы специально подчеркнуть герменевтику «отнесения к ценности», как ее называл М. Вебер. Автор пишет: «Разумеется, я приступал к изучению событий, имея определенную позицию, но моя заинтересованность была и остается заинтересованностью прежде всего морального плана: я за поиск объективной истины и не приемлю установок, выражающих узкие интересы элитарных слоев и полностью игнорирующих позиции основной части тружеников, составляющих костяк всего общества» (с. 7). К тому времени Беларусь уже прошла «точку невозврата» (так в авиации называют пункт, с которого самолет не может вернуться на базу, – просто не хватает горючего), т. е. возврат в прежнее был исключен. Но принять рекомендации либеральных советников по «шоковой терапии», полной (обвальной) приватизации, разгосударствлению, рынковизации, исключению государства из экономики по принципу laissez faire (невмешательства), отказу от субсидирования социальных услуг, датированию производства детских товаров и т. д. страна не могла. При этом необходимо учесть огромный груз преодоления последствий Чернобыльской аварии (чего не было у других постсоветских стран), глубоко укорененные в менталитете народа коллективизм, патернализм, патриотизм, философию «сборочного цеха», обычаи, традиции, ценности, нормы и т. д.

Беларусь унаследовала из общесоюзных фондов огромное богатство – крупные предприятия, электростанции, рудники, учреждения науки, образования и культуры, сельхозорганизации и т. д. Страна не могла сбросить со своих плеч все это наследство, поскольку работающие на этих предприятиях люди, независимо от этноса, языка или религии, были нашими людьми, гражданами суверенной Беларуси. Мы знаем, что Латвия легко закрыла вполне эффективные заводы РАФ, ВЭФ и другие, поскольку руководство стремилось устранить со своей территории инородные кадры, которые в основном и работали на этих предприятиях. Так поступали и многие другие страны, но в Беларуси даже мысли такой не допускали.

Об этом не упоминают внутренние оппозиционные аналитики, зато многие зарубежные эксперты и политики все чаще признают, что белорусская модель является вполне оправданной и эффективной для нашей страны. Александр Николаевич писал об этом еще в 1970-е годы: «Ни социализм, в том виде, в котором существовал и провозглашался, ни капитализм, в том виде, в котором изображался и действовал, не исчерпали гуманистического содержания политических и социокультурных форм бытия. Об этом важно сказать, чтобы не порождать очередного заблуждения, что крушение Советского Союза должно непременно привести к установлению во всех государствах некоей единообразной цивилизации, для которой нынешняя Западная является эталонной» (с. 8). В этом и состоит центральное ядро ценностной авторской исследовательской позиции.

Дорогой, многоуважаемый Александр Николаевич! Коллектив сотрудников Института социологии НАН Беларуси поздравляет Вас с юбилеем! Желаем Вам как можно дольше оставаться лидером, учителем и организатором нашего социологического сообщества, сохранять физическую выносливость, отменную эрудицию и не слабеющий креативный дух.

Г. П. Коршунов,
директор Института социологии НАН Беларуси,
кандидат социологических наук, доцент

С. А. Шавель,
заведующий отделом социальной теории и методологии,
доктор социологических наук, профессор